

СТАТЬИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ В СВЕТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. В. СТАЛИНА О ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОЗНАНИИ

П. Третьяков

В своих произведениях, посвящённых вопросам языкознания, И. В. Сталин с предельной ясностью вскрыл пороки «нового учения о языке» Н. Я. Марра и дал новое, глубокое и всестороннее освещение марксистской теории языка. Советское языкознание получило незыблемую методологическую основу для своего дальнейшего развития; перед ним открылась широкая дорога и возможность занять первое место в мире. Выдающееся значение имеют произведения И. В. Сталина для развития всех других общественных наук: в них освещён ряд важнейших вопросов истории общества, они являются новым крупнейшим вкладом в теорию диалектического и исторического материализма.

Особенно велико значение новых произведений И. В. Сталина для тех отраслей исторической науки, которые тесно соприкасаются с языкознанием, пользуются его материалами и выводами, нередко решают те же, что и языкознание, или же смежные задачи. К таким отраслям науки относится, например, история культуры, литературы и искусства. Материалами языка постоянно пользуются специалисты в области истории идеологии — истории мышления, истории религии. Но, пожалуй, теснее всего связана с языкознанием и его материалами та область исторического знания, которая занимается одним из наиболее сложных вопросов древней и средневековой истории — происхождением и развитием народов, вопросом этногенеза.

Известно, что язык — один из важнейших признаков, определяющих род, племя, народность, нацию. Так, например, вопросы о том, как возникли и развивались славянские племена, как сложились из них средневековые славянские народы, на основе которых сформировались впоследствии русская, украинская, белорусская, польская, болгарская, чешская и другие славянские нации, — все эти вопросы не могут быть разрешены историками, археологами и этнографами без широкого привлечения данных языкознания. Более того, в ряде случаев именно языкознанию принадлежит здесь решающее слово.

В русской дореволюционной буржуазной науке вопросы этногенеза почти всецело принадлежали компетенции языковедов. Проблемой происхождения славян занимались Л. А. Погодин, А. И. Соболевский и особенно А. А. Шахматов. О происхождении угро-финских народов писали М. А. Кастрен, М. И. Веске и тот же А. А. Шахматов. Далёкому прошлому тюркских народов посвятили свои труды А. А. Куник, Н. И. Ашмарин и др.

К началу нынешнего столетия в европейской части нашей страны начал скапливаться археологический материал, проливающий некоторый свет на вопросы происхождения восточных славян. Работы В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова, И. Е. Забелина, А. А. Спицына и других археологов

являлись, однако, лишь робкими попытками решения этих вопросов. А. А. Спицын, например, в своих археологических исследованиях отнюдь не шёл собственным путём: он стремился лишь подтвердить соображения акад. А. А. Шахматова¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции во всех республиках Советского Союза развернулись большие исторические и археологические исследования. Поток нового материала принёс с собой замечательные и нередко неожиданные открытия в области древней и раннесредневековой истории нашей страны. Впервые стали известны древние цивилизации Закавказья и Средней Азии; стало возможным изучение древней и средневековой истории Поволжья, Приуралья, Сибири, Севера. Ряд интересных открытий был сделан и в западных областях Европейской части СССР, там, где расположена родина восточнославянских племён — предков русского, украинского и белорусского народов. Руководствуясь трудами классиков марксизма-ленинизма, советские историки и археологи проделали значительную работу по выяснению вопроса о том, из каких древних племён, когда и в какой исторической обстановке складывались средневековые народности, впоследствии развившиеся в нации, как объединялись их территории, как развивалась и укреплялась их экономическая база и культурная общность.

Иначе обстояло дело с исследованиями в области этногенеза по данным языка. Одним из показателей застоя и кризиса нашего языкознания являлось то, что за последние десятилетия языковеды почти не дали работ на исторические темы. Причина такого положения в настоящее время совершенно ясна. Она кроется в том, что многие языковеды не видели иного пути для своих историко-языковедческих штудий, кроме пути, указанного Н. Я. Марром, или же опасались идти другим путём в условиях того «аракчеевского режима», который господствовал в языковедческих учреждениях. В то же время путь Н. Я. Марра был глубоко порочным; «теория» Н. Я. Марра не поддавалась дальнейшей разработке, она была построена не на научном обобщении фактических данных, не на марксистской теории исторического процесса, а на ошибочных, вульгарно-материалистических или идеалистических представлениях её автора. Это неопровержимо доказано дискуссией по вопросам языкознания и прежде всего увенчавшими эту дискуссию выступлениями И. В. Сталина.

Всё это выяснилось, однако, лишь в ходе дискуссии, после выступлений И. В. Сталина. До этого времени во всех тех случаях, когда представители исторических дисциплин стремились привлечь к своей работе данные языка, они обращались либо к историко-языковедческим работам буржуазных авторов, что по понятным причинам не могло их удовлетворить, либо же к сочинениям самого Н. Я. Марра, который много писал на исторические темы и высказал при этом немало, на первый взгляд, оригинальных и весьма «революционных» мыслей. В результате не критического отношения к сочинениям Н. Я. Марра, которые рассматривались как последнее слово в науке, его неправильные, немарксистские положения проникли в труды советских историков, занимающихся вопросами происхождения народов.

Речь идёт отнюдь не о том, что советские историки использовали те или иные отдельные выводы, соображения или наблюдения Н. Я. Марра из истории языка. Среди этих наблюдений и соображений имеется, вероятно, немало интересного. Ошибка историков, занимавшихся вопросами происхождения народов и использовавших сочинения акад. Марра,

¹ А. Спицын. Расселение древнерусских племён по археологическим данным. «Журнал министерства народного просвещения». Т. VIII за 1899 год.

состоит в том, что ими были некритически восприняты некоторые общие вульгарно-материалистические и идеалистические положения Н. Я. Марра, которые рассматривались в качестве марксистских, находящихся якобы в полном соответствии с трудами В. И. Ленина и И. В. Сталина по национальному вопросу.

Именно такая ошибочная оценка некоторых общих положений Н. Я. Марра была дана в работе автора этих строк, посвящённой вопросу о происхождении славян². Точно так же оценивали в своих работах взгляды Н. Я. Марра А. П. Окладников, М. И. Артамонов, В. В. Мавродин³ и многие другие историки и археологи. Большое место концепциям Н. Я. Марра уделяли в своих работах А. Д. Удадьцов и С. П. Толстов⁴. Нельзя не назвать также и работ акад. Н. С. Державина, исходившего в вопросах этногенеза из ошибочных положений Н. Я. Марра⁵.

В передовой статье «Н. Я. Марр и изучение древней истории», помещённой в первом номере журнала «Вестник древней истории» за 1950 г., указывается, что теория Н. Я. Марра развивалась «на основе марксизма-ленинизма», что марровская «теория стадильности и скрещённости языков, несомненно, открывает правильный, с точки зрения марксизма-ленинизма, путь к пониманию того, почему, например, существуют между греческим и латинским языками лексические сходства и расхождения», что взгляды Н. Я. Марра на вопросы происхождения языка основаны на положениях марксизма-ленинизма и т. д.⁶.

Журнал «Вопросы истории» в 1950 г. опубликовал статью В. А. Миханковой, посвящённую взглядам Н. Я. Марра на историю культуры народов Кавказа и Закавказья. Статья написана в апологетическом тоне, она наделяет Н. Я. Марра непререкаемым авторитетом⁷.

Важнейшей задачей, вытекающей из указаний И. В. Сталина, является приближение языкознания к истории, установление тесного контакта языкознания с исторической наукой на основе марксистско-ленинской методологии. «Язык и законы его развития,— указывает И. В. Сталин,— можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁸.

Ближайшей задачей советских историков, занимающихся вопросами происхождения народов, является искоренение антимарксистских положений Н. Я. Марра, критический пересмотр своих трудов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании.

В настоящей статье автор поставил перед собой задачу разобрать некоторые важнейшие теоретические и фактические ошибки в области этногенеза, допущенные в работах советских историков, археологов и этнографов вследствие некритического отношения к взглядам акад. Н. Я. Марра.

² П. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 9—10. М. 1948.

³ А. Окладников. Н. Я. Марр и советская археология. Л. 1950; М. Артамонов. Предисловие к сборнику «Этногенез восточных славян». «Материалы и исследования по археологии СССР». Т. 6, стр. 7—8. 1941; его же. К вопросу об этногенезе в советской археологии. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», XXIX, стр. 4, 6, 16. 1949; его же. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра. «Вестник Ленинградского университета» № 2 за 1947 г.; В. Мавродин. Древняя Русь, стр. 22—24. 1946.

⁴ А. Удадьцов. Теоретические основы этногонических исследований. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. I, № 6 за 1944 г.; его же. К вопросу о происхождении индоевропейцев. «Краткие сообщения Института этнографии», в. I, 1946 г., стр. 14; С. Толстов. Этнография и современность. «Советская этнография» № 1 за 1946 г., стр. 9.

⁵ Н. Державин. История Болгарии. Т. I, стр. 27 и др. 1945.

⁶ «Вестник древней истории». Т. I за 1950 г., стр. 5—6.

⁷ «Вопросы истории» № 2 за 1950 год.

⁸ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 18. Изд-во «Правда». 1950.

Коренной порок «учения» Н. Я. Марра заключался в том, что он рассматривал язык как надстройку над экономическим строем общества, что он «внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языкознание»⁹. Из этой немарксистской формулы с неизбежностью вытекали другие принципиальные ошибки Н. Я. Марра — положение о классовости языка, «теория» стадияльного развития языка от одного качественного состояния к другому, путём революционных взрывов, скачков, третирование изучения групп (семей) языков. Всё это внесло серьёзную теоретическую путаницу в исследования о происхождении народов.

Основным источником путаницы в вопросах происхождения народов являлась марровская «теория» стадияльности. Считалось, что язык в ходе исторического процесса претерпевает качественные изменения, подобно тому, как старая надстройка в ходе исторического процесса сменяется новой. Отсюда следовало, что современным языкам и этническим группам — славянам, германцам, тюркам, иранцам и др. — со всеми присущими им национальными (раньше — племенными, народными) особенностями предшествовали другие языки и этнические группы. Переход от одного качественного состояния к другому изображался в виде скачка, взрыва. В этом усматривали диалектику развития языка и этнических групп.

Сколько-нибудь определённой картины стадияльного развития языка и этнических групп сочинения Н. Я. Марра, однако, не содержали. В одних случаях Н. Я. Марр говорил, что существующие ныне группы (семьи) языков отражают различные стадии языкотворческого процесса, причём высшую стадию составляют индоевропейские языки, а низшую — яфетические, в других случаях он писал, что яфетические языки непосредственно предшествовали индоевропейским, в третьих, — что они непосредственно предшествовали языкам всех других семей — индоевропейской, тюркской, семитической, угро-финской. В одних случаях возникновение индоевропейцев относилось Н. Я. Марром к весьма отдалённому времени — к эпохе распространения металлов, в других — яфетидами оказывались племена и народы, жившие на тысячелетия позднее этой эпохи, уже в период раннеклассового общества. Коренной порок взглядов Н. Я. Марра заключался в том, что они находились в вопиющем противоречии с историческими фактами, не отражали действительного исторического развития народов и языков, находились в противоречии с истинной стадияльностью исторического процесса — сменой общественно-экономических формаций.

Но все эти очевидные неясности и противоречия рассматривались последователями Н. Я. Марра как результат незавершённости «теории» стадияльности, как следствие того, что Н. Я. Марр не вышел в этом вопросе за пределы исканий. Вместо того чтобы отбросить «теорию» стадияльности, как порочную, не оправдавшую себя гипотезу, последователи Н. Я. Марра, в том числе и историки, продолжали держаться за марровскую «теорию», пытались втиснуть этногонический процесс в её прокрустово ложе.

Наиболее последовательно применял в своих работах марровскую «теорию» стадияльности акад. Н. С. Державин. Не касаясь лингвистических работ акад. Н. С. Державина, в которых он широко применял также и «палеонтологический анализ», возьмём в качестве примера лишь одну из его последних работ, «Историю Болгарии», т. I, где речь идёт о происхождении дунайских болгар и где «теория» стадияльности получила отражение в наиболее яркой форме.

Как известно, территория Болгарии принадлежала некогда фракийским племенам. Начиная с первых веков н. э. из-за Дуная во Фракию не-

⁹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.

однократно проникали другие племена, в том числе и славянские, что было доказано ещё в 70-х гг. прошлого века М. С. Дриновым¹⁰. В VI и начале VII в., в период ожесточённой борьбы славян с Византией, произошло массовое переселение славянских племён на Балканский полуостров, в результате чего, как сообщает Константин Багрянородный, «вся провинция ославянилась». В VII в., на основании договора с местным населением, за Дунай продвинулась одна из болгарских орд во главе с Аспарухом, возглавившим впоследствии первое Болгарское государство. Потомки Аспаруха, как и все пришедшие с ним болгары, вскоре ославянились, и в современном болгарском языке не обнаруживается никаких следов тюркского языка древних болгар, что хорошо установлено работами Ст. Младова и других болгарских лингвистов¹¹.

Как же изображает процесс болгарского этногенеза акад. Державин?

Славянской колонизации Балканского полуострова акад. Державин отводит в этом процессе второстепенное место. На первое же место он выдвигает «теорию» стадияльного перевоплощения фракийцев в славян, указывая, что фракийцы вместе со скифами и венедами входили в группу близких между собой племён — предков славян, стоящих на «яфетической стадии культурного развития». Эти племена древние авторы противопоставляли кельтам, германцам и сарматам¹².

Перелистаем несколько страниц «Истории Болгарии» и обратимся к вопросу об аспаруховых болгарях. Оказывается, это тоже яфетиды, «по своему происхождению они принадлежат к древнейшим доиндоевропейским народам на территории Восточной Европы, образуя собой народ одного круга с чувашами, сарматами, хорватами и хазарами, наиболее родственными этногонически с чувашами». В среде этого «народа» шёл процесс превращения его из яфетидов в индоевропейцев, и этот процесс привёл «массовый болгарский народ уже в историческое время к славянизации, в то время как верхи болгарского общества были приобщены к восточной культуре господствующих классов соседей — чувашей и хазар, что диктовалось общностью их хозяйственных и политических интересов»¹³.

Таким образом, у акад. Н. С. Державина оказывается, что в ходе этногонического процесса закономерно превратились в славян и фракийцы, близкие скифам и венедам, и приазовские болгары, близкие сарматам и чувашам. Высший же слой болгар стал тюркоязычным, ибо хозяйственно и политически он был связан якобы не столько со своими эксплуатируемыми классами, сколько с господствующими сословиями восточных соседей. Здесь нашла, следовательно, место и марровская «теория» классовости языка.

Что же представляла собой «яфетическая стадия культурного развития», с каким периодом исторического процесса она связывается, что обуславливало переход от яфетического состояния на следующую стадию? На все эти вопросы акад. Н. С. Державин никакого ответа не даёт и дать не может. Лишь в одном месте, там, где речь идёт о превращении фракийцев в славян, по этому поводу им высказано следующее предположение: «Трудно пока сказать с исчерпывающей определённости, что сыграло решающую роль и стимулировало в этнографической истории полуострова возникновение в среде его населения нового этнографического качества, т. е. появление на смену фракийцам славян. По всей вероятности, это был какой-то сложный комплекс обстоятельств, стоявших, быть может, в некоторой связи с римским завоеванием полу-

¹⁰ М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М. 1873.

¹¹ S. Mladov. Vestiges de la langue de protobulgares touraniens d'Asparuch en bulgare moderne. «Revue des Etudes slaves». Vol. I. 1921.

¹² Н. Державин. История Болгарии. Т. I, стр. 70—71. М.-Л. 1945.

¹³ Там же, стр. 181.

острова. Во всяком случае, это был результат весьма существенного сдвига в области народного труда и производственных отношений, внесшего в патриархально-родовую жизнь массового населения полуострова основы новой техники и культуры... Сдвиг в жизни народов полуострова явился, надо полагать, в результате процесса разложения патриархально-родового строя и зарождения первых начатков феодальных отношений»¹⁴.

Нетрудно убедиться в том, что эта теория «превращения» фракийцев в славян не содержит в себе ничего, кроме путаницы, ибо такого процесса не было и быть не могло. Римское завоевание, как известно, захватило не только Балканский полуостров, но и многие другие области, где славяне, однако, не возникли. Во всех случаях римское завоевание влекло за собой отнюдь не славянизацию, а латинизацию завоёванных областей. Известно, что основные центры древнего славянства лежали за пределами областей, подчинённых Риму. Начало нашей эры ни в какой мере не было временем «зарождения первых начатков феодальных отношений» на Балканах. В этот период у фракийцев, как и у скифов, процесс классовообразования шёл по пути возникновения рабовладельческого строя. Столь же нелепо рассматривать зарождение феодализма как причину «превращения» фракийцев в славян.

Несомненно, что единственной причиной славянизации Балкан явилось проникновение на полуостров большого числа славян и превращение их там в господствующую экономическую и политическую силу. В однородной славянской среде растворилось местное фракийское и иное население полуострова. Позднее в ней растворились также и пришельцы — болгары, говорившие на одном из древних тюркских языков.

Искусственная, вульгарно-материалистическая «теория» стадийности, как и иные немарксистские положения Н. Я. Марра, нашла отражение и в других работах акад. Н. С. Державина, в частности в его научно-популярной книжке «Происхождение русского народа», опубликованной в 1944 г. и получившей значительное распространение.

В работах акад. Н. С. Державина живая, конкретная история подмечена искусственно созданной мёртвой схемой. Такое «омертвление» истории было весьма нередким явлением в исторических и археологических работах 30-х годов. Примером может послужить нашумевшая в своё время статья В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья». В этой статье киммерийцы в результате стадийного скачка превращаются в скифов, скифы таким же путём — в готов, готы — в славян¹⁵. Применение марровской «теории» стадийности в этих работах может быть охарактеризовано как полностью некритическое. За последнее время у большинства историков и археологов, занимающихся вопросами этногенеза, наблюдалось стремление ввести в марровскую «теорию» значительные коррективы, которые позволили бы так или иначе примирить марровскую «теорию» стадийности с историческим процессом. При этом исходным материалом для исследования являлся не язык, а исторический, археологический и этнографический материал, отражающий изменения в области культуры. Но развитие культуры совершается иначе, чем развитие языка. «Ошибка наших товарищей, — указал И. В. Сталин, — состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»¹⁶.

¹⁴ Н. Державин. Указ. соч. Т. I, стр. 89.

¹⁵ «Известия Государственной академии истории материальной культуры». Т. XII, вып. 1—8. 1932.

¹⁶ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 18.

А. Д. Удадьцов, много работавший над вопросами этногенеза, полагал, что появление новых «этнических качеств» следует связывать с теми переломными, критическими периодами в истории племён и народов, «когда происходят коренные изменения в общественном строе и в идеологии»¹⁷.

Руководствуясь работами И. В. Сталина по национальному вопросу, А. Д. Удадьцов в качестве таких «переломных периодов» указывал период зарождения классового общества, когда из племён складывались народности, период образования буржуазных наций и, наконец, период их превращения в нации социалистические. К этим периодам А. Д. Удадьцов добавлял ещё один, наиболее ранний период — второе тысячелетие до н. э., — когда в Европе и Азии скотоводы отделились от общей массы варваров, когда появились первые металлы и наблюдался переход от материнского родового строя к отцовскому. С этим периодом, исходя из взглядов Н. Я. Марра, А. Д. Удадьцов связывал «возникновение новой стадии в развитии материальной и духовной культуры, а в языковом развитии — переход, повидимому, от яфетической стадии к индоевропейской на основе новых многочисленных языковых скрещений»¹⁸. В это же время, по мысли А. Д. Удадьцова, складываются и все другие существующие ныне языковые и этнические группы. «Яфетические племена с древней языковой общностью являлись основой процессов этногенеза не одних индоевропейцев, но и, например, хамито-семитов, а также урало-алтайцев»¹⁹.

В других местах у этого же автора, однако, оказывается, что процесс образования индоевропейцев развивался на территории Европы и Азии неравномерно. Кельты в конце первого тысячелетия до н. э. и германцы во времена Тацита ещё находились якобы в стадии превращения из яфетидов в индоевропейцев²⁰.

Таким образом, по мнению А. Д. Удадьцова, превращение яфетидов в индоевропейцев происходило и в первом периоде и во втором, а это значит, что попытка А. Д. Удадьцова совместить марровскую стадиальность с историческим процессом потерпела крах. Иначе не могло и быть, ибо нельзя совместить с марксизмом искусственную, порочную концепцию. Это, повидимому, ясно понимал и сам автор. Во всяком случае, в своих последующих работах он воздерживался от упоминания яфетической стадии и ввёл в употребление такие несовместимые с «теорией» стадиальности и забракованные в своё время Н. Я. Марром понятия, как протославяне, протогерманцы и т. д., для обозначения различных групп древних европейских племён²¹.

Автор настоящей статьи в своих работах, посвящённых вопросам происхождения славян и народов Поволжья, также пытался увязать марровскую стадиальность с основными этапами исторической жизни. Ссылаясь на Н. Я. Марра, он писал, что язык и другие культурные и этнические особенности развиваются не только «по горизонтали», в результате слияния, расчленения или воздействия друг на друга различных этнических групп, но и «по вертикали», из стадии в стадию. «Поэтому языкам и национальностям современной Европы предшествовали некогда совершенно иные языки и этнические образования, сменившие в свою очередь ещё более древние и примитивные языки и этнические группы»²².

¹⁷ А. Удадьцов. Теоретические основы этногенических исследований. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, № 6, 1944, стр. 258.

¹⁸ А. Удадьцов. Указ соч., стр. 259; его же. К вопросу о происхождении индоевропейцев. «Краткие сообщения Института этнографии», Т. I за 1946 г., стр. 16.

¹⁹ А. Удадьцов. К вопросу о происхождении индоевропейцев, стр. 18.

²⁰ Там же, стр. 16—17.

²¹ А. Удадьцов. Племена европейской Сарматии. «Советская этнография» № 2 за 1946 г., стр. 41 и сл.

²² Г. Третьяков. Указ соч., стр. 9.

Сказать что-либо определённое на основании своего материала о яфетической стадии автор не мог и поэтому не вводил в свои работы это марровское понятие.

В работе «Восточнославянские племена», опубликованной в 1948 г., автор намечал четыре группы древних племён Средней и Восточной Европы, составлявшие последовательные звенья одного процесса, завершившегося возникновением исторического славянства. Первую группу составляли древнейшие (III — начало II тысячелетия до н. э.) земледельческие племена Среднего Поднепровья, Поднестровья, поречья Дуная, Повисленья и бассейна Эльбы, связанные с древними культурами Передней и Южной Азии и обладавшие характерной культурой. Они рассматривались как древнейшие предки славянства. Во вторую группу включались земледельческо-скотоводческие племена II тысячелетия до н. э., возникшие на основе первых в эпоху распространения металлов. Третья группа объединяла земледельческие скифские, лужицкие и некоторые другие племена Средней и Восточной Европы I тысячелетия до н. э., знакомые с железом и плугом, достигшие последней ступени в развитии первобытно-общинного строя, составлявшие обширные политические объединения и экономически связанные с рабовладельческими государствами Средиземноморья и Причерноморья. Эти племена рассматривались как непосредственные предки славян. Наконец, последнюю группу составляли раннеславянские племена рубежа и первых пяти веков н. э., жившие в период распада первобытно-общинного строя, а также в ту пору, когда племена Европы начали своё историческое наступление на Римскую империю, получившее в старой литературе название «великого переселения народов». По сути дела, это было время, когда в Средней и Восточной Европе начали формироваться народы.

Такая концепция происхождения славян, начало которой было положено ещё на рубеже XX в. трудами В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова, А. А. Спицына и др., над которой ныне трудятся многие советские, чехословацкие, польские и болгарские археологи и историки, представляется правильной, хотя она и нуждается, несомненно, в уточнениях и главное — в научном, марксистском обосновании. Задача заключается в том, чтобы показать, как, начиная с глубокой древности, постепенно, шаг за шагом, возникли славяне. Перед языковедами стоит задача — завершить эту картину, показать, как в среде этих племён развились и распространились славянские языки.

Исходя из взглядов Н. Я. Марра, автор, однако, полагал, что возникновение славян не могло обойтись без качественного скачка, без взрыва в развитии языка и этнического типа. Временем этого скачка, отделяющего славян от их предков, он считал рубеж нашей эры, когда порывающие с первобытно-общинным строем племена — предки славян — «в условиях насыщенной бурными событиями исторической обстановки Северного Причерноморья и Прикарпатья, подобно металлам, попавшим в один горн, мало-помалу создали новый, ранее неизвестный сплав — славянские племена»²³.

Необходимо признать, что изображением такого качественного скачка, отнюдь не основанного на фактических данных, а построенного исключительно исходя из требований порочной, немарксистской концепции Н. Я. Марра, автор нанёс серьёзный ущерб обрисованной выше разработке вопроса о происхождении славян.

Несколько иной взгляд на стадиальность и, в частности, особый взгляд на яфетидов был представлен в работах С. П. Толстова. Ссылаясь на Н. Я. Марра и говоря, что исчезновение одних этнических групп и появление на их месте других «отнюдь не является результатом только передвижений и взаимных столкновений метафизически всегда себе

²³ П. Третьяков. Указ. соч., стр. 56.

тождественных, замкнутых и развивающихся только внутри себя единиц лингвистической классификации» и что, «напротив, гораздо чаще это результат закономерной трансформации одних в другие», С. П. Толстов полагал, что яфетической стадии, как общей стадии в развитии всех языков мира, не было. Яфетиды, по его мнению, — это стадиальные предшественники лишь индоевропейцев. При этом С. П. Толстов отделял «палеояфетические» языки от «неояфетических» (например, современный грузинский), которые стадиально соответствуют индоевропейским. Индоевропейские языки и этнические группы он подразделяет на палеоевропейские, образующиеся на основе яфетических в течение III и II тысячелетий до н. э., и на неоиндоевропейские — современные, возникшие на основе палеоиндоевропейских в течение второй половины I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э.²⁴

Здесь в концепции С. П. Толстова, построенной на основании опять-таки не столько языкового, сколько археологического и общеисторического материала, от марровской стадиальности, собственно говоря, уже ничего не оставалось, кроме терминологии и ссылок на Н. Я. Марра. По сути дела, перед нами отнюдь не стадии, а условные этапы эволюционного процесса, начавшегося в позднем палеолите и раннем неолите («яфетиды»), продолжающегося во II и I тысячелетиях до н. э. («палеоиндоевропейцы») и закончившегося в начале н. э. («неоиндоевропейцы»). Но «марризм» — стремление во что бы то ни стало изобразить эти этапы как стадии — и здесь затемняет существо дела, искажает и запутывает истинную картину исторического и этногонического процесса.

Можно было бы привести ряд трудов других советских историков, предпринимавших попытки, каждый по-своему, применить марровскую «теорию» стадиальности. Но и на основании приведённого материала вполне очевидно, что эта порочная, вульгарно-материалистическая «теория» во всех её противоречащих друг другу «разночтениях» не принесла исторической науке ничего, кроме путаницы. Она противоречит фактическим данным; опыты её применения сопровождались насилием над этими данными. Все попытки примирить марровскую стадиальность в развитии языка с этапами истории общества, установленными в трудах классиков марксизма-ленинизма, могли привести только к грубому искажению исторического и этногонического процессов.

И. В. Сталин указал, что одной из ошибок Н. Я. Марра была неправильная оценка роли скрещиваний в процессе развития языка. Скрещивания рассматривались Н. Я. Марром как одна из основных причин появления новых слов, грамматических форм и, наконец, новых языков, что происходило якобы путём скачка, взрыва. «Скрещивание языков, — указывал И. В. Сталин, — есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи». Скрещивание языков отнюдь не приводит к появлению нового языка, не похожего ни на один из скрещенных языков. В истории языков имело место не только скрещивание, но и дробление: «племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались»²⁵.

Теория скрещивания направляла внимание языковедов преимущественно на изучение отдельных элементов в языках, принадлежащих к различным группам (семьям), а изучение групп родственных языков всячески третировалось, рассматривалось как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языко-

²⁴ С. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев. «Краткие сообщения Института этнографии», в. 1, 1946 г., стр. 10—13.

²⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24—25, 22.

вого родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка». Понятно, что «теория «пра-языка» не имеет к этому делу никакого отношения»²⁶.

Ошибочные положения Н. Я. Марра, связанные с неправильной оценкой роли скрещиваний в процессе развития языка, сказались и на исторических исследованиях, посвящённых вопросам этногенеза.

Выше уже приводились выдержки из работ А. Д. Удальцова и автора настоящей статьи, в которых скрещивания в этническом развитии рассматривались как одно из условий стадияльного скачка. Возникновение славян, в частности, изображалось как результат кратковременно протекавшего скрещивания и одновременно качественного переоформления ряда древних племён Средней и Восточной Европы — предков славян. Такие же представления можно встретить в работах и других историков и археологов. «Лингвистическое учение Н. Я. Марра показало, — писал С. П. Толстов, — прежде всего несостоятельность самого представления об этногоническом и глотогоническом процессе, господствующего в индоевропеистике, противопоставив ему взгляд о ведущей роли социально обусловленного языкового скрещивания, приводящего к качественным трансформациям языков, и возникновения принципиально новых лингвистических общностей»²⁷.

Довольно широкое распространение имела и переоценка значения скрещиваний при одновременной недооценке роли дробления и расхождения родственных племён, что приводило к одностороннему, неправильному изображению общей картины этногонического процесса.

Ошибочность этих положений несомненна, и нет необходимости на них останавливаться. Но необходимо обратить особое внимание на ошибочный, неисторический и немарксистский подход к значению скрещиваний, на неправильное понимание их роли на разных этапах этногонического процесса, в чём, как нам кажется, оказались повинными буквально все историки, занимавшиеся вопросами происхождения народов.

Как уже было указано, Н. Я. Марр в своих сочинениях исходил отнюдь не из марксистских представлений об историческом процессе. Говоря о различных племенах и народах, о развитии их языков и о процессах скрещивания, он отнюдь не принимал во внимание, с какой степенью общественного развития имеет дело — с первобытно-общинным, рабовладельческим, феодальным или капиталистическим строем. Для него существовали, по сути дела, лишь яфетиды и неяфетиды, а также ещё более неопределённое понятие — «классы», являвшиеся якобы носителями особых языков.

Подобные же взгляды имели место и в трудах историков. Правда, нельзя сказать, что они смешивали между собой социально-экономические формации и такие категории, как род, племя, народность, нация, соответствующие определённым ступеням социально-экономического развития. В этногоническом процессе историки и археологи особо выделяли периоды, когда скрещивание, дробление и расхождение племён и народов протекали наиболее интенсивно. Было известно также, что накануне возникновения классового общества, когда складывались народности, значительное распространение получали межплеменные языки, развивавшиеся на основе языка одного из объединённых в союз, большей частью родственных племён или языка господствующего племени — объединителя и завоевателя, а из межплеменных языков возникали обычно языки народностей и т. д. Несмотря на всё это, в работах историков не было чёткого представления о том, что в разные исторические периоды глотогонический и этногонический процессы имеют различные

²⁶ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.

²⁷ С. Толстов. «Нарцы» и «волхи» на Дунае. «Советская этнография» № 2 за 1948 г., стр. 10.

формы. Поэтому для правильного понимания природы этногонического процесса являются особенно важными указания И. В. Сталина, сделанные им по поводу характера скрещиваний языков в работе «Относительно марксизма в языкознании» и в ответе товарищу А. Холопову, а также ещё раньше — в работе «Национальный вопрос и ленинизм».

Говоря о скрещивании языков в период классового общества, И. В. Сталин указал, что в этом случае «один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»²⁸. Для классового общества — капиталистического, феодального, рабовладельческого, — а также, как нам представляется, для последней ступени в развитии первобытно-общинного строя, когда подчинение и порабощение одних племён другими было обычным явлением, результатом скрещивания было «не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков»²⁹, ассимиляция одних и победа других племён или народностей.

Особенно энергично протекал этот процесс в эпоху раннеклассового общества, до возникновения национальностей и национальных языков, до упрочения народностей и их языков. Достаточно указать хотя бы, как в I тысячелетии н. э. в течение всего лишь нескольких столетий по широким пространствам степей Азии и Европы, населённым разноразличными племенами, в результате экспансии тюркских племён и народностей распространился тюркский язык. Точно так же среди разноразличного населения римских провинций распространилась в своё время народная латынь. В течение I тысячелетия н. э. ряд не только мелких, но и значительных племён и народностей Европы вместе со своими языками навсегда исчезли, были поглощены и ассимилированы своими соседями. Так, в состав восточных славян в этот период вошло значительное число неславянских племён Поволжья, Севера, Прибалтики и Причерноморья — мурома, меря, весь, ряд чудских племён, несколько тюркоязычных степных племён, — вклад которых в состав восточнославянских языков, если не считать топонимики — названий рек, озёр, урочищ, — оказался настолько незначительным, что лингвисты и этнографы так и не могут решить, в чём же именно этот вклад заключается.

В эпоху позднего феодализма, когда народности и их языки значительно окрепли, и в период капитализма, когда возникли нации и национальные языки, факты ассимиляции стали относительно редким явлением, несмотря на то, что политика ассимиляции сохранилась и крупные капиталистические хищники всячески стремятся подавить экономическую самостоятельность и национальную культуру более слабых народностей и наций. В своей работе «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин писал, что «нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-прусские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать»³⁰. Эту же мысль, говоря об устойчивости нацио-

²⁸ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

²⁹ Там же, стр. 46.

³⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 347—348.

нального языка, И. В. Сталин подчёркивает в работе «Относительно марксизма в языкознании»³¹.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в нашей стране открыли новую эру в развитии наций — эру социалистических наций, взаимоотношения между которыми, основанные на принципах ленинско-сталинской национальной политики, проникнуты духом взаимного уважения, нерушимой дружбы и тесного сотрудничества. «Политика ассимиляции,—указывает И. В. Сталин,—безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная»³². В Советском Союзе наблюдается укрепление, рост и расцвет всех советских социалистических наций, являющихся «гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация»³³.

И. В. Сталин нарисовал величественную картину будущности нации и национальных языков после победы социализма в мировом масштабе, «когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнёт будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества». В этих условиях будут выделяться сначала наиболее развитые, наиболее обогащённые зональные языки, которые впоследствии сольются в единый международный язык, «который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»³⁴.

Таким образом, ассимиляция племён и народностей и их языков в период возникновения и развития народностей, упорное противодействие ассимиляции буржуазных наций, отсутствие ассимиляции, подъём и расцвет наций и их языков в период социализма, постепенное слияние наций и возникновение единого мирового языка после победы социализма в мировом масштабе — вот картина одной из сторон конкретно-исторического развития племён, народностей и наций, которая не была ясна до произведений И. В. Сталина.

Возвращаясь к нашей теме — к вопросу о происхождении этнических групп, — важно выяснить, как же обстояло дело в этом отношении в эпоху первобытно-общинного строя, когда люди составляли такие этнографические общности, как род и племя, и когда лишь закладывались основы современных языков?

Данные этнографии свидетельствуют, что в эту эпоху этногонический процесс имел свои особенности. В более ранний период, когда экономические и иные связи между родами и племенами отсутствовали или же были очень слабыми, скрещивание и ассимиляция были, повидимому, редким явлением. В результате роста населения, при дроблении племён, создавались новые диалекты, которые в некоторых случаях ложились в основу новых языков. Классическим примером является изученное Л. Морганом ирокезское племя Сенека, состоявшее ранее из двух родов, а затем разросшееся до восьми родов, объединённых в две фратрии и говоривших на разных диалектах. Может быть, результатом естественного роста древнего племени являлась и вся ирокезская федерация, со-

³¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21.

³² И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 347.

³³ Там же, стр. 341.

³⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46—47.

стоявшая из пяти племён, говоривших на родственных языках. В более позднее время, когда появились скотоводство, земледелие и металлургия, экономические и иные связи между племенами стали играть в их развитии значительную роль. В этих условиях в течение многих тысячелетий соседние племена так или иначе обменивались опытом, совместно создавая новые орудия труда, осваивая новые виды домашних животных, новые формы земледелия и т. д. Развитие языка в этих условиях также не замыкалось, повидимому, в рамках племени: при соответствующей исторической обстановке, в результате тысячелетнего общения языки создавались группами соседних, по тем или иным причинам связанных друг с другом племён. В тех случаях, когда происходило передвижение племён и проникновение иноземного племени в однородную по языку группу, оно в течение последующих столетий мало-помалу подвергалось ассимиляции.

Вопрос о путях и формах этногонического и глотогонического процесса в эпоху первобытно-общинного строя, когда, как указал И. В. Сталин, были заложены элементы современного языка, является очень важным. Он должен привлечь к себе внимание языковедов и этнографов. Без его разрешения нельзя установить, как возникали современные этнические группы — славяне, германцы, грузины, армяне, составлявшие ещё при первобытно-общинном строе обширнейшие группы племён. Без его разрешения нельзя установить, откуда берут начало такие языковые группы, как индоевропейская, тюркская, угро-финская и другие, оценка которых в буржуазной науке представляет собой, как известно, не более чем расистскую фальсификацию, а в сочинениях Н. Я. Марра — путаницу.

И. В. Сталин, указывая, что язык как средство общения людей всегда был общим и единым для данного народа, всех его классов, остановился на характере великих государств древности: «Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого, или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»³⁵.

Данная характеристика великих государств далёкого прошлого является чрезвычайно важной для правильного освещения процессов происхождения и развития народов. Несмотря на то, что И. В. Сталин уже останавливался на этой теме в своём произведении «Марксизм и национальный вопрос»³⁶, в трудах на данную тему допускаются значительные ошибки. Древние государства, подобные или близкие перечисленным выше, в трудах историков нередко наделяются чертами чуть ли не национальных государств; их историей заслоняется история племён и народностей, входивших в состав этих государств; от этих государств, а не от отдельных племён и народностей ведётся начало современных национальностей.

Это относится не только к империям Кира или Александра Великого, но и к таким государствам Средней Азии, как Греко-Бактрийское царство, Кушанское царство, Парфянское государство и другие.

Если мы обратимся к учебнику по истории СССР для высших учебных заведений или к курсу истории государства и права, составленному проф. С. В. Юшковым, а также и другим работам обобщающего характера, то нетрудно будет убедиться, что история этих государств, быстро возникав-

³⁵ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

³⁶ И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2, стр. 290—367.

ших, обычно кратковременно существовавших и так же быстро распадавшихся, совершенно заслоняет от читателя жизнь и историю племён и народов, входивших в состав этих государств³⁷. К этому следует ещё прибавить, что в упомянутой книге проф. Юшкова имеется ряд явных несуразностей. Большую часть древнейших государств территории СССР он определяет как дофеодальные. Он пишет, что в VI в. до н. э. отношения между древней Арменией и покорившим её царством Кира «были основаны на сюзеренитете-вассалитете», что в I—III веках н. э. «феодальный уклад в системе производственных отношений Армении стал превращаться в господствующий способ производства. Армянское общество делается феодальным, а Армянское государство превращается в феодальную монархию раннего типа». В Средней Азии в период державы Сасанидов черты рабовладельческого строя уже были изжиты, и здесь стали развиваться феодальные отношения и т. д.³⁸. Не приходится говорить о том, что изображение царя Кира в виде сюзерена и все другие попытки отнести возникновение феодальных отношений в Закавказье и Средней Азии к рубежу нашей эры являются не чем иным, как модернизацией древних государств, результатом непонимания их характера. Правы, несомненно, авторы «Истории народов Узбекистана», «Истории таджикского народа», «Истории Грузии», «Истории армянского народа», относящие начало развития феодальных отношений в Средней Азии и Закавказье к середине I тысячелетия н. э.³⁹.

Нам представляется также, что значительных уточнений требует и характеристика государства Урарту, в частности, вопрос о месте этого государства в древнейшей истории Грузии и Армении, который, как известно, вызвал среди некоторых грузинских и армянских историков значительные разногласия, которые до сих пор не разрешены.

Замечания И. В. Сталина о великих государствах древности имеют ближайшее отношение, по нашему мнению, ещё к одному государству, значение которого в истории нашей страны далеко не выяснено. Речь идёт о скифском государстве — одном из древнейших государств на территории Восточной Европы.

Известно, что во времена Геродота, в середине I тысячелетия до н. э., племена Северного Причерноморья были объединены в обширный союз, во главе которого стояли приазовские «царские» скифы. Около III в. до н. э. у скифов Приазовья и Нижнего Приднепровья мало-помалу сложились классовое общество рабовладельческого облика и примитивное государство с центром в Неаполе Скифском, в Крыму⁴⁰. В состав Скифии входили различные кочевнические и земледельческие племена, имевшие неодинаковое происхождение. Скифия являлась, несомненно, конгломератом племён, хотя и не таким пёстрым, как, скажем, империя Кира, включавшая в свои границы огромные пространства и многочисленные племена и народности.

Западную часть Скифии занимали земледельческие племена, известные под общим именем скелотов. Исследования последних десятилетий полностью подтвердили высказанную уже давно мысль, что скелоты являлись предками восточных славян — «протославянами»⁴¹. Можно предполагать, что они говорили и на соответствующем языке.

³⁷ «История СССР». Т. I, стр. 25 и сл., изд. 2-е. 1947; С. Юшков. История государства и права СССР, ч. I-я, стр. 22 и сл. М. 1947.

³⁸ С. Юшков. Указ. соч., стр. 26, 29, 50.

³⁹ «История народов Узбекистана». Т. I. Ташкент. 1949; Б. Гафуров. История таджикского народа. Т. I. М. 1949; «История Грузии». Т. I. 1946 г.; «История армянского народа», ч. I-я. Ереван. 1950 (на правах рукописи, изд. Института истории Академии наук Армянской ССР).

⁴⁰ М. Артамонов. Скифское царство в Крыму. «Вестник Ленинградского университета» № 8 за 1948 г., стр. 77.

⁴¹ А. Удальцов. Проблема происхождения славян в свете современной археологии. «Вопросы истории» № 2 за 1949 г., стр. 17.

Восточную часть Скифии занимали преимущественно скотоводческие, собственно скифские племена, составлявшие западную часть огромного массива кочевников, простиравшегося далеко на восток, за Волгу, в степи Средней Азии. Кочевники играли главную роль в политической жизни Скифии, они представляли Скифию перед внешним миром, благодаря чему сохранилось некоторое число скифских слов, не оставляющих сомнения относительно принадлежности скифского языка к иранской группе. Впоследствии ираноязычные кочевнические племена Средней Азии, Заволжья и Северного Причерноморья были ассимилированы тюрками — вошли в состав гуннских, аварских, болгарских союзов племён. Скифо-сарматский язык, как показал ещё Вс. Миллер, сохранился лишь в горах Северного Кавказа в языке осетин⁴², которые не только в языке, но и в своём замечательном нартском эпосе сохранили черты скифской старины.

Вопреки такому, казалось бы, единственно правильному решению скифского вопроса некоторые историки стремятся изобразить Скифию как нечто монолитное и рассматривают как предков славян все без исключения скифские племена, как западные, так и восточные, а скифское государство в Крыму — чуть ли не как начало славянской государственности.

С такими утверждениями за последнее время выступает С. В. Юшков. Он говорит об особой прочности скифского, по его мнению, дофеодального, государства, которая проявилась якобы «во время нападения на скифскую державу персидского царя Дария (513 г. до н. э.) с огромным войском, оснащённым высокой по тому времени военной техникой». Скифов он нередко называет народом, хотя и говорит о различных племенах. Он пишет, что восточное славянство унаследовало от скифов многие элементы культуры и государственности⁴³. Подобные же соображения высказывают П. Н. Шульц⁴⁴ и некоторые крымские и украинские археологи.

Возможно, что источником таких представлений о Скифии являются труды некоторых дореволюционных учёных, например, И. Е. Забелина и Д. Иловайского; но главным вдохновителем указанных историков и археологов являлся, несомненно, Н. Я. Марр, много занимавшийся скифскими проблемами, в частности скифо-славянскими генетическими связями, и в своих сочинениях неправильно рассматривавший скифский мир как единое «яфетическое» целое, с высшими слоями, подвергшимися иранизации.

Неправильную характеристику в нашей исторической литературе получили также и некоторые раннесредневековые государства, подобные государству Карла Великого.

Трудно, например, согласиться с казахскими историками — авторами первого тома «Истории Казахской ССР», — когда они, говоря о возникновении Тюркского каганата VI—VIII вв. и характеризуя его как дофеодальное государство, изображают его, по сути дела, в виде национального государства с единой культурой⁴⁵. В состав каганата, как известно, входили самые различные и при этом разноязычные племена, подчинённые тюрками силой оружия. В городах Семиречья звучала разная речь, там жили согдийцы, китайцы, сирийцы и представители других народностей, а не только тюркские племена⁴⁶. В своё время националистическая легенда о государстве древних тюрков была создана пантюркистами, и возродить её в какой бы то ни было форме нет никаких оснований.

В трудах некоторых татарских и чувашских историков неправильное

⁴² Вс. Миллер. Осетинские этюды, I—III. М. 1881—1887; см. также В. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. 1949.

⁴³ С. Юшков. История государства и права СССР. Ч. I-я, стр. 23—25; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 36—37. М. 1949.

⁴⁴ П. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. Общее собрание АН СССР 10—13 июня 1947 г. «Известия АН СССР». 1948.

⁴⁵ «История Казахской ССР». Т. I. 1949.

⁴⁶ С. Киселёв. Древняя история Сибири. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 9 за 1949 г., стр. 273 и сл.; А. Бернштам. Чуйская долина. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 14 за 1950 г., стр. 71 и сл.

освещение получает Волжская Болгария, в результате чего между татарскими и чувашскими историками возникли разногласия по вопросу о «дележе» болгарского наследства.

Волжская Болгария явилась дофеодалным государством своеобразного облика. В её состав входил ряд волго-камских племён, подчинённых завоевателями-болгарами, пришедшими из приазовских степей. Города Болгарии являлись крупными рынками, связывавшими Русь, Балтику и Север с Нижним Поволжьем и Средней Азией. Племена, входившие в состав Болгарии, как тюркоязычные (предки чувашей, татар, буртасы и др.), так и нетюркоязычные (предки удмуртов, марийцев, мордвы), полностью сохраняли свой образ жизни, за исключением лишь некоторых областей, где находились земельные владения болгарской знати. В городах Болгарии, кроме болгар и представителей местных племён, жили славяне, хазары, кипчаки, хорезмийцы и т. д. Понятно, что болгарское наследство не может принадлежать какому-либо одному из современных народов, подобно тому, как наследство Киевской Руси принадлежит в одинаковой мере и русскому, и украинскому, и белорусскому народам.

Тем не менее некоторые татарские историки и лингвисты обнаруживают недвусмысленную тенденцию забрать себе всё болгарское наследство, объявить татар прямыми и единственными потомками волжских болгар. Такую же тенденцию обнаруживают некоторые чувашские историки, следующие за своим крупным буржуазным историком и лингвистом Н. И. Ашмариным, который утверждал, что чуваша — это болгары. Нельзя считать удачной также и появившуюся за последнее время теорию, рассматривающую татар как потомков болгар, а чувашей — как потомков суваров — одного из близких к болгарам племён⁴⁷. Процесс возникновения татарского и чувашского народов был, несомненно, более сложным. Они развились прежде всего на основе местных древних тюркоязычных племён лишь с участием пришельцев болгар и суваров. Для того чтобы разрешить вопросы происхождения чувашского и татарского народов, нужно покончить со взглядом на Волжскую Болгарию как на что-то единое и тщательно исследовать историю входивших в её состав древних племён, имевших свою экономическую базу и свои языки.

Мы остановились здесь лишь на трёх вопросах — на ошибках в трудах советских историков, явившихся следствием не критического усвоения марровской «теории» стадильности, на ошибках, связанных с неправильным пониманием роли и характера скрещиваний в этногоническом процессе, и на некоторых неправильных оценках древних государств. В качестве материала автор смог использовать и назвать здесь лишь незначительную долю тех трудов советских историков, археологов и этнографов, в которых представлены указанные выше ошибки, рассматривая настоящую статью как начало той большой и ответственной работы по критическому пересмотру трудов, посвящённых вопросам происхождения народов, которую предстоит сделать в ближайшее время.

В произведениях И. В. Сталина, посвящённых языку и языкознанию, исчерпывающее освещение получили все важнейшие вопросы истории языка и этнических общностей — вопросы о связи языка с историей общества, с историей таких общностей, как род, племя, народность, нация буржуазная, нация социалистическая. В них дан образец того, как нужно по-марксистски подходить к решению всех этих вопросов. Тем самым перед историками, занимающимися происхождением народов, раскрываются самые широкие возможности, чтобы изжить ошибки, связанные с концепциями Н. Я. Марра, и на основе теории марксизма-ленинизма, замечательным вкладом в которую явились произведения И. В. Сталина о языке и языкознании, дать полноценные научные исследования.

⁴⁷ Сборник «Происхождение казанских татар». Казань. 1948.

ШЕЙХ МАНСУР И ЕГО ТУРЕЦКИЕ ВДОХНОВИТЕЛИ

Н. Смирнов

Начиная с XVI в. феодальные монархии Турции и Ирана вели длительную и упорную борьбу за захват отдельных территорий Кавказа.

Многие кавказские народы, будучи не в состоянии в силу своей разобщённости противостоять внешней агрессии, искали спасения и заступничества у Русского государства, обращались к нему за помощью и покровительством. Черкесские (кабардинские) князья уже в 50-х годах XVI в. обратились к Ивану IV с просьбой принять их в русское подданство и оградить от нападений и грабежа со стороны Турции и турецкого вассала — крымского хана.

Война султанской Турции с Ираном в 50—60-х годах XVI в. за Закавказье поставила перед русским правительством вопрос о Северном Кавказе и, в частности, о Кабарде, через которую турки поддерживали связь между своими войсками, расположенными в Крыму, и войсками, вторгнувшимися на Кавказ. Нависшая над Северным Кавказом угроза турецкого вторжения вынудила русское правительство поставить на Тереке укрепленный городок, куда был отправлен воевода с ратными людьми. Это обстоятельство послужило поводом для усиления захватнических поползновений Турции на кабардинские земли.

Что касается закавказских народов, то они установили связь с Россией ещё в конце XV в. (Грузия, Шемаха и др.), причём связь эта укреплялась по мере роста военной опасности со стороны Турции и Ирана. Нередко своими выступлениями против Турции и Ирана русские войска спасали народы Кавказа от военной опасности. Такие события, как война с Турцией за Астрахань в 1569 г., борьба донских казаков за устье Дона и Азов в XVII в., поход по приказу Петра I воеводы Апраксина на Кубань в 1711 г., ликвидация Петром I турецких попыток обосноваться на Каспийском море, защита от нашествия Надир-шаха в 30—40-х годах XVIII в., служили делу сближения России с народами Кавказа. Вместе с этим следует отметить, что и героическое участие представителей кавказских народов в борьбе России против турецких, крымских и персидских захватчиков облегчало положение русских войск. В боях с турками под Астраханью, на Дону, а также в войне за Украину в 1677—1678 гг. участвовали черкесские и кабардинские вооружённые отряды, показавшие высокие боевые качества.

Тесное сближение России с Грузией, Арменией, некоторыми ханствами Дагестана и Азербайджана во второй половине XVIII в., укрепление и выдвижение вперёд «Кавказской линии» на Северном Кавказе — всё это служило поводом к обострению русско-турецких и русско-персидских отношений.

Английская и французская дипломатия прилагала в это время большие усилия к тому, чтобы не допустить Россию к Чёрному морю и при помощи Турции и Ирана превратить Кавказ в свой прочный барьер против русского продвижения на юго-восток.

Наряду с открытым военным вторжением правительства Турции и Ирана проводили на Кавказе широкую подрывную работу, используя в своих целях феодальную верхушку кавказских народов и засылая туда своих агентов и шпионов, представителей мусульманского духовенства, которые должны были насаждать на Северном Кавказе ислам, мусуль-

манский фанатизм и веру в то, что турецкий султан является законным верховным и религиозным главою народов Кавказа.

В XVIII в. Турция представляла собою отсталое и раздираемое внутренними противоречиями военно-феодальное государство; она искала в войне с Россией выход из тяжёлого внутреннего положения. Представление о том, что благополучие империи покоится «на острие сабли», что война является не только обязанностью, но и привилегией турецкого феодала, а грабёж завоёванных народов и продажа в рабство пленных — самый верный источник благополучия, неудержимо толкало Турцию на военные авантюры на Кавказе.

Утрата в 80-х годах XVIII в. таких выгодных плацдармов для наступательных операций, как Крым, устье Дона, Грузия, увеличивала в глазах турецкого правительства стратегическое значение Северного Кавказа и его Черноморского побережья. Турция стала проявлять на Кавказе небывалую активность, которая и послужила одной из причин русско-турецкой войны 1787—1791 годов.

Готовясь к этой войне, Турция проводила на Кавказе широкие подготовительные мероприятия как военного, так и идеологического порядка, сильно беспокоившие русское правительство. Лучшее всего об этом свидетельствует дипломатическая переписка русского посла в Константинополе Я. И. Булгакова с Екатериной II и коллегией иностранных дел.

Ещё в 1782 г. Екатерина II писала Булгакову по поводу частых сношений Порты со своим анатолийским пашой Джаныклы-Али и другими военачальниками, находившимися на границе с Кавказом и Ираном. Она указывала на «коварное намерение Порты заводить в той стороне против нас и интересов наших разные беспокойства».

Большую активность развивал в это время турецкий паша Сулейман, находившийся в Ахалцихе. Он стремился использовать ислам как средство организации борьбы кавказских народов против России. В письме от 1783 г., обращённом к одному из крупных феодальных владельцев Дагестана, уцмию Каракайтагскому, и к народам Дагестана, он писал: «Всякий, кто в ревности своей ищет истреблять врагов, угоден богу, а кто поразит одного из неверных, тот получит отпущение всех грехов; вечный рай будет ему воздаянием».

Распространявшиеся в 1783—1784 гг. среди кавказских народов фирманы турецкого султана призывали азербайджанских ханов и дагестанских, кабардинских, черкесских феодалов на общую с турками «защиту мусульманской веры» и требовали активных действий против Грузии, куда были введены два батальона русских войск.

Особенно усилилась турецкая агитация на Кавказе начиная с 1785 г., когда в Турции окончательно созрел план войны с Россией. Подготовительный к войне период был использован турецким правительством для мобилизации внутренних ресурсов и заключения союзных договоров с иностранными государствами, а также для проведения широкой подрывной работы среди народов Кавказа. Среди европейских подстрекателей Турции на первом месте стояла Франция, о которой Булгаков в феврале 1785 г. доносил Екатерине II, что потеря Крыма «тяжелее французам, чем самим туркам, кои о нём теперь уже и позабыли, ежели б французы не возобновляли сего горестного для них воспоминания»¹.

Однако и сама Турция не хотела примириться с потерей Крыма. Отлично учитывая это обстоятельство, правительство Екатерины II в своих директивах Булгакову настойчиво требовало не доводить дело до «безвременного разрыва», прежде чем не закончится конфликт между Австрией (союзницей России) и Голландией и до конца не будет выяснена позиция Англии и Швеции.

¹ Донесение Булгакова Екатерине II от 15(26) февраля 1785 года. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 47, стр. 138—140.

Турецкие агенты в это время развивали на Кавказе энергичную деятельность.

11 января 1785 г. Фет-Али, хан дербентский и кубинский, сообщал генерал-поручику П. С. Потёмкину, начальнику русских войск на Кавказе, что от турецкого султана к карабахскому хану Ибрагиму прибыл агент Ибрагим-бек, причём у него имеется султанское письмо к азербайджанскому, ширванскому, шекинскому, казыкумугскому ханам и дагестанским владельцам. Ибрагим-бек вёз им подарки — халаты и часы, украшенные дорогими камнями, — а также имел с собой червонцы для подкупа².

Ещё раньше, в декабре 1784 г., полковник Бурнашов доносил из Тбилиси о поездке того же турецкого агента Ибрагима-бека с деньгами и требованием к ханствам объединяться на случай войны с Россией. Одновременно Бурнашов сообщал о начавшейся обработке турецкими агентами мусульманского населения Грузии с тем, чтобы оно не признавало своего подданства царю Ираклию. В августе 1785 г. к царю Ираклию со всех концов Грузии поступили известия о скоплении «многочисленных врагов на его границах». Из Ахалциха началось вторжение турок и лезгин, а Омар-хан аварский напал на Грузию с востока.

Общая картина активности турецкого правительства в Закавказье в 1785 г. дополняется известием о том, что Сулейман-паша ахалцихский, не довольствуясь призывом лезгин к нападению на Грузию, «употребил не малое число самих турок им в содействие». Это дало повод князю Потёмкину-Таврическому 22 мая 1785 г. поставить перед турецким командующим на Черноморском побережье Хаджа Али-пашой вопрос о том, чтобы с Сулейман-пашой ахалцихским поступили, как с нарушителем мирных постановлений.

19 августа 1785 г. полковник Бурнашов сообщил со слов находившегося в Кутаиси агента Селим-аги, что Порта предписала Сулейману-паше ахалцихскому набрать 4 тыс. дагестанцев для систематических нападений на Грузию. Турецкий двор приказал паше разорять Грузию с тем, чтобы: «1) Привести Грузию в столь бедственное состояние, дабы сия земля не могла продовольствовать не только знатный корпус, но и находящиеся там теперь российские войска; 2) Устрашить прочие окрестные области, дабы не последовали примеру Грузии и не искали протекции российской... Сверх сего, слышал он от князя Елисбара Еристова, Порты помышляет о войне с Россией»³.

О непосредственной связи между выступлением Турции в Закавказье и начавшимися одновременно враждебными России действиями закубанских татар и ногайцев, находившихся в зависимости от Турции, говорят донесения, поступавшие с северного фланга «Кавказской линии». Так, в августе 1785 г. полковник Лошкевич сообщил, что закубанцы срочно продают свой скот, закупают оружие и лошадей. Абазинский Арслан Гирей-султан извещал, что закубанцы проводят собрания, договариваясь о том, чтобы «всемерно вредить российской стороне», добавляя, что «в сем наущении точно есть участие Порты»⁴.

В октябре 1785 г. ген. Шемякин доносил, что коменданты укреплений, расположенных на Кубани, сообщают об участвовавших в нападениях закубанцев на казачьи разъезды, о захвате в плен людей, причём, по донесениям полковника Муфеля, эти нападения совершались с разрешения турецкого аги — начальника турецких укреплений на Кубани; он же доносил, что 1 октября у турецкого аги, живущего у реки Зеленчук, происходил совет, в котором принимали участие многие закубанские мурзы⁵.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Разр. XXIII, д. 13, ч. 10, л. 36.

³ Там же, лл. 234—235.

⁴ Там же, л. 242.

⁵ Там же, лл. 486—494.

На время 1784—1787 гг., когда враждебная России политика Турции становилась всё более активной, падает выступление на Северном Кавказе «турецкого эмиссара»⁶ «пророка» Ушурмы, его решительные попытки овладеть Кизляром и другими укреплениями на «Кавказской линии».

Ушурма (шейх Мансур) выступил с религиозной проповедью в первых числах марта 1785 г. в своём родном ауле Алды.

О том, как Ушурма стал проповедовать учение ислама, можно узнать из его частично сохранившихся в наших архивах воззваний и писем, а также из показаний, данных им в Тайной экспедиции в 1791 году. В этих показаниях Ушурма сообщал: «Я не эмир и не пророк, я никогда таким не назывался, но не мог воспрепятствовать, чтобы народ меня таким не признавал, потому что образ моих мыслей и моего жития казался им чудом»⁷. Ушурма говорил, что народ (т. е. горцы) и он сам следовали дурным обычаям: воровали, убивали друг друга и вообще делали зло — и что вдруг он «осветился... размышлением и понял, что такая жизнь противна «святому закону».

О том, каким путём он добился популярности, Ушурма рассказал следующее: «В уединении своём не знал я, что слух о моём раскаянии распространился; я извещился о том только через посещение многих приходящих слушать мои наставления о выполнении долга по закону. Сие приобрело мне название шейха. И с того времени почитали меня человеком чрезвычайным», а «у отдельных народов дали титул пророка»⁸.

Ушурма показал также, что вырос он в ауле Алды; ему тридцать с небольшим лет; имеет жену и детей. В годы юности он пас овец и занимался земледелием. Читать и писать не умеет. Выучил наизусть пять мусульманских молитв, а также главнейшие догматы ислама.

Хотя в наших документах недостаточно полно освещён период, предшествовавший открытому выступлению Ушурмы, но всё же можно заключить, что он был к этому выступлению подготовлен. О характере этой подготовки свидетельствуют его показания о том, что духовенство, одобряя его наставления, назвало его шейхом ещё в 1783 году.

Поскольку Ушурма, по его собственному признанию, был неграмотным, он, конечно, не мог самостоятельно изучить основы ислама и шариата, в которых, несмотря на отдельные ошибки, показал себя всё же достаточно осведомлённым. Религиозная подготовка Ушурмы в условиях горской деревни могла быть осуществлена только лицами, принадлежавшими к числу обученного духовенства.

Согласно показаниям шурина Ушурмы — Этта, — самым близким к Ушурме и, повидимому, наиболее авторитетным его советником был Умар-аджи из деревни Шали. Он обычно читал народу письма, адресованные Ушурме, и хранил у себя всю его переписку. У Умар-аджи был брат Осман-аджи, проживавший в Константинополе⁹. Можно предполагать, что Осман-аджи, который, согласно показаниям князя Дола (также сподвижника Ушурмы), в 1786 г. ещё находился при Ушурме, был последним специально направлен в турецкую столицу.

Наиболее авторитетными советниками по военным делам при Ушурме считались: Али-султан Чапалов-Муртазали, князь кумыков из деревни Эндери (Андреевской), а также князь Малой Кабарды — Дол.

На совещание с турецким пашой в Анапу в 1786 г. Ушурма отправился, по его собственным словам, вместе с муллой Мухаммедом Гаужием и двумя спутниками.

⁶ М. Багиров. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. Журнал «Большевик» № 13 за 1950 г., стр. 24.

⁷ ЦГАДА. Разр. VII, д. 2777, лл. 9—18.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Разр. XXVIII, ч. 18, л. 259.

Итак, Ушурма с первых же дней своего выступления был окружён аджиями и муллами, которые контролировали и направляли его деятельность, будучи связаны с Турцией. Эти аджии и муллы, видимо, и позаботились о том, чтобы создать «благочестивую» и доходчивую историю превращения простого горца Ушурмы в шейха Мансура, имама и пророка.

Что касается содержания проповедей, с которыми выступил новоявленный имам, то они не выходили из рамок правоверного ислама, а по идеологии были феодальными.

Первая часть его учения состояла из общемусульманских запретов, изложенных в шариате: не курить, не пить, не держать у себя солод (употреблялся при выделке кожи, а также для питья). Вторая часть проповеди была направлена против наиболее суровых и разорительных в экономическом отношении горских обычаев (адатов) и прежде всего против кровной мести. Ушурма призывал всех враждовавших из-за убийства родственников простить друг друга. Кроме того он выступал против воровства, разврата, лени и других пороков. Эти поучения Ушурмы следует рассматривать как попытку уменьшить значение адатов (обычаев) в пользу проповедовавшегося им шариата.

Третья, и самая важная, политическая часть проповеди Ушурмы сводилась к следующему. Главным чудом будет то, что к Ушурме, которому будто бы аллах приказал расположиться в палатке на поляне около аула Алды, соберётся со всех концов столько войска, что оно едва сможет разместиться. Затем все собравшиеся двинутся против кабардинцев и других горцев, упорствующих в «невежестве» (т. е. плохо подпадающих проповеди ислама). Ушурма пойдёт со своим войском и будет обращать в ислам всех неверных. Так они дойдут до верховья реки Кумы, где встретят войско из Стамбула. Кто не поверит словам учения, тот не сможет участвовать в войске. Дома такого человека встретят малолетние дети и будут укорять его и плевать ему в глаза. Со стыда такие люди побегут за его войском, но не найдут его, как не найдут и своих жён. Ушурма же с войском пойдёт в русские жилища и всех обратит в свою веру. Те, кто не примет ислам, будут разрублены пополам, причём одна половина человека превратится в собаку, а другая — в свинью. Подобные рассказы, широко распространявшиеся сподвижниками Ушурмы, должны были способствовать признанию горцами религиозного авторитета Ушурмы.

Об определённых связях Ушурмы с турками, с первых же дней его выступления, можно судить по сообщению агентов, направленных комендантом Кизляра в аул Алды в марте 1785 года. Один из них показал, что как сам Ушурма, так и находившиеся при нём шестьдесят человек имеют платье «с ног до головы турецкого покроя: канаватное и бумажное». Тут же он сообщал, что материал, который приносят Ушурме, «он кроит сам и шьёт с находящимися при нём людьми».

Турецкие агенты посещали Ушурму начиная с 1785 года. Ушурма вёл переписку с турецкими пашами, находившимися в Ахалцихе, Суджук-Кале и в Анапе, и принимал от них подарки. Попытка Ушурмы поднять горцев на борьбу против России под флагом ислама отвечала интересам Турции.

Султанская Турция в своей политике на Кавказе всегда делала ставку на использование ислама и мусульманского духовенства для разжигания фанатизма и провозглашения священной войны против «неверных». Поэтому каждый новый шейх или мусульманский проповедник, появлявшийся на Кавказе, неизбежно привлекал к себе внимание турок и получал их поддержку.

О своих связях с Турцией в 1785—1786 гг. Ушурма показал следующее: после разгрома под Кизляром Ахмед (начальник турецкой крепости Суджук-Кале) предложил ему съездить в Анапу. Ушурма согласился, и его тайно отправили в Анапу. Там Батал-паша якобы просил, что-

бы Ушурма направил туркам с Северного Кавказа вспомогательные войска, набранные среди горцев. С этим поручением Ушурма и вернулся на родину и объявил пожелание паши, но, как он пояснил, «не подкрепил его своими убеждениями». Ушурма признал, что никто не согласился отправиться к туркам, о чём паша и был извещён письмом. Далее Ушурма показал, что он вторично был приглашён в Анапу, причём его приезд туда совпал с поражением Батал-паши¹¹. Последняя поездка в Анапу была связана будто бы с тем, что Ушурма решил исполнить один из обязательных для мусульманина обрядов — хадж в Мекку. Но находившийся в Анапе Батал-паша не пустил его в Мекку из-за войны с Россией. Так он и оставался в Анапе до взятия её русскими войсками.

В беседе с Ушурмой паша говорил, что скоро начнётся война с Россией и всякий «истинный мусульманин» должен защищать свою правую веру. Паша указал Ушурме, что, подняв горцев против России, он сможет приобрести милосердие аллаха и султанские щедроты.

Итак, Ушурма прямо говорит о директивах, которые ему давали турецкие паши относительно возбуждения горцев против России и организации из них вспомогательного войска, которое должно было действовать совместно с турками.

Какова же была обстановка на Северном Кавказе? Что обусловило возможность выступления Ушурмы (шейха Мансура)?¹²

Условия жизни горских народов на Северном Кавказе в конце XVIII в. были далеко не одинаковы. Если кабардинцы и кумыки жили в условиях сложившегося, но ещё не развитого феодального общества, то общественный строй лаксов, чеченцев и других горских племён, населявших горные районы, не достиг и этой ступени развития.

Экономический и общественный строй большинства горских племён в конце XVIII в. свидетельствовал о наличии там разлагавшихся первобытно-общинных отношений; уже имела место общественная дифференциация, феодализирующимся старшинам противостояла масса обездоленной бедноты и абреков. У кумыков и кабардинцев к 80-м годам XVIII в. обострились противоречия между князьями и узденями, с одной стороны, и простым народом — с другой. Разобщённость горцев князья использовали для усиления крепостной зависимости.

В то же время постоянно враждовавшие друг с другом феодалы вовлекали в свою борьбу не только узденей, но и простой народ.

¹¹ ЦГАДА. Разр. VII, д. 2777. «О бунтовщике кавказском чеченце ших Мансуре, отправленном в Шлиссельбург на заточение», лл. 1—44. Из этих показаний следует, что Ушурма был у турок в Анапе дважды: в конце 1785 г. (после поражения под Кизляром) и в 1786 году. В третий раз и окончательно Ушурма бежал к туркам 5 июня 1787 года. Что касается Батал-паши, то его войска были разбиты русскими войсками 30 сентября 1790 года. Таким образом, показания Ушурмы в этой части неверны.

¹² О восстании шейха Мансура имеется небольшая литература как дореволюционная, так и советская. Однако за исключением общих фактологических трудов по Кавказу Буткова и Дубровина, вся эта литература тенденциозна и порочна. Большинство дореволюционных авторов (Потто, Лавров, Прозрителев и др.) так или иначе разделяют занесённый из иностранной литературы взгляд на шейха Мансура, как на авантюриста, монаха католического ордена «братьев-проповедников», по имени Джованни Батиста Биэтти (?!), который якобы поднял горцев против России и после ареста в Анапе был сослан в Соловки (?!), откуда сумел переслать в Италию свой дневник, о чём и сообщалось в итальянской и французской печати во второй половине XIX века. Этой легендой увлёкся и советский писатель А. Виноградов, написавший книгу «Шейх Мансур». Другие авторы (В. Скитский, З. Шерипов), написавшие в 30-х годах специальные работы о шейхе Мансуре, полностью разделяют порочную концепцию М. Н. Покровского и его «школы». У них шейх Мансур выступает как революционный крестьянский вождь, поднявший знамя национально-освободительной борьбы против России (?!). Следует особо отметить, что ещё в 1929 г. в Дагестане был издан на русском языке труд Гасана Алкадари «Асари-Дагестан», написанный в 1891 г., в котором прямо и определённо говорится о Мансуре как о турецком агенте, посланном султаном Абдул-Хамидом I, чтобы привлечь мусульман Кавказа к священной войне против России.

Междоусобная борьба феодалов, недовольство кумыков и кабардинцев усиливавшейся крепостной зависимостью, отсталость и разобщённость горских племён и возраставшее недовольство действиями старшин — всё это, до известной степени, облегчало царизму утверждение своего господства на Северном Кавказе.

Иллюстрацией политики царизма, стремившегося разжигать противоречия между народными массами и местной правящей верхушкой, а также между кабардинскими феодалами, может служить сообщение генерал-майора Шемякина в рапорте на имя П. С. Потёмкина от 29 апреля 1786 г. об усилении раздоров между ведущими княжескими кабардинскими фамилиями, которые просят его быть посредником. «Я, — пишет ген. Шемякин, — расстройство их приемлю по настоящему положению нужным, стараясь усилить оное, извещая их между тем, что доношу Вашему высокопревосходительству и что с прибытием Вашим должны они ждать Вашего высокопревосходительства рассмотрения»¹³.

Причиной, вызывавшей недовольство кабардинских феодалов, служило массовое бегство крестьян от своих владельцев к русским, на «линию». Там их принимали и обращали в христианство, что давало возможность беглому горцу считать себя свободным от подчинения своему феодалу и не бояться принудительного к нему возвращения.

На этой почве происходили постоянные конфликты горских феодалов со своими крестьянами и с царской администрацией. В Моздоке была создана специальная миссионерская контора для распространения христианства среди осетин. Миссионеры, опираясь на поддержку местной русской администрации, успешно действовали и среди других кавказских народностей. Правда, сами распространители христианства иногда в припадке откровенности заявляли, что успех их деятельности следует относить за счёт холста, выдававшегося в подарок каждому новокрещённому, что нередко приводило к повторному крещению одних и тех же лиц. Коменданты крепостей и укреплений, расположенных на «линии» в 1783—1786 гг., постоянно доносили о массовом бегстве крестьян, а иногда и узденей со своими семьями от местных князей-эксплуататоров и о желании беглецов принять христианство и поселиться около «линии» под защитой русских. Разумеется, фактической свободы они не получали, но всё же жилось им легче.

В 1786 г. П. С. Потёмкин вынужден был в письме к кабардинскому старшему владельцу М. Баматову и через него всем владельцам и узденям написать: «Ежедневно почти из Кабарды чёрный народ выбегает и, принося жалобы на владельцев и узденей в притеснении ими чинимом, просят и защиты им и позволения здесь селиться»¹⁴.

П. С. Потёмкин предложил направить к нему по одному представителю от четырёх главных феодальных фамилий и одного — двух представителей от духовенства для рассмотрения жалоб крестьян и показаний владельцев и узденей. В том же 1786 г. полковник Таганов доносил из Моздока, что из Малой Кабарды прибыли семьдесят человек простого народа и старшин с жалобой на своих владельцев Алхасова и Коргокина и узденей, которые «без всякой причины довели их к крайнему в убытках разорению»¹⁵.

Феодалы, в свою очередь, обращались к русским начальникам с жалобами на трудное положение, создававшееся в связи с уходом крестьян. Кабардинские владельцы Мисост Баматов, Коргока и Муса Карамурзины, Касаев, Аджиев и другие в письме от 12 ноября 1786 г. на имя П. С. Потёмкина сообщили: «Осмеливаемся донести Вашему высокопревосходительству, что холопы наши кабардинцы, разбегавшись от нас,

¹³ ЦГАДА. Разр. XXVIII, д. 13, ч. 17, лл. 111—112.

¹⁴ Там же, ч. 12, л. 493.

¹⁵ Там же, ч. 15, л. 94.

находятся жительствою около крепостей: Георгиевской, Павловской и в Моздоке. Кабардинцы же (т. е. феодалы. — Н. С.), лишаясь их, приходят во оскудение. Мы всеиже просим Ваше высокопревосходительство приказать нам с холопьями нашими помириться»¹⁶.

Подобные факты говорят о том, что в конце XVIII в. на Северном Кавказе, в частности среди кабардинцев и кумыков, имела место классовая борьба, которую царская администрация использовала в своих интересах. Разумеется, интересы феодалов были ей ближе, чем интересы простого народа.

С феодалами и старшинами у царских генералов, комендантов и приставов был общий язык, подкреплявшийся денежными вознаграждениями, подарками, пенсиями, чинами, орденами. Кроме того царские власти брали у князей «аманатов» (заложников). Наконец, интересы феодалов обеспечивались царским законодательством, в силу которого за ними закреплялись земли, а сами они привлекались на военную службу, получали дворянство и различные льготы.

Среди горских князей, старшин и узденей были и открытые враги царской России, предпочитавшие полное господство Турции; однако таких было меньшинство. Они находились под постоянным наблюдением приставов; их дети преимущественно и брались в «аманаты»; после пребывания в Науре или другой русской крепости заложники нередко возвращались домой со званием офицеров царской службы.

Следует отметить, что турецкая агитация встречала сочувствие не только у некоторой части феодалов, но и среди наиболее отсталых горских племён. Быть может, этим и следует объяснить появление «пророка» Ушурмы именно среди чеченцев, считавшихся наиболее отсталыми и враждебными России.

Турецкая агентура при помощи шейха Мансура воздействовала в первую очередь на самые отсталые племена, а также пыталась использовать недовольство кумыков и кабардинцев мероприятиями царской колониальной администрации и гнётом своих феодалов.

Владелец кумыков по имени Али-султан так объясняет причину недовольства кумыков царским режимом: «...видали мы наперёд сего немалые себе обиды во время бытности господина генерала де Медема к притеснению нашему. Под предлогом убийства нами армянина взыскано с нас напрасно до шести тысяч баранов, до сто восемьдесят рублёв денег. Да сверх того, захватили у узденя нашего аксаевские владельцы, наглым образом, до шести же тысяч баранов и пять человек «есырей» (крепостных); да отняли у нас хлебопашные места, состоящие за рекою Кой-су; да и других обид было нам немало»¹⁷.

Документы свидетельствуют, что кумыки страдали как от феодальной эксплуатации и междоусобий своих феодалов, так и от произвола царских властей. Колониальная политика, проводившаяся на Северном Кавказе царизмом, земельные захваты, насаждение на Кавказе русских помещиков в лице генералов и высшей царской администрации — всё это вызывало недовольство широких народных масс кумыков и кабардинцев.

Следовательно, в 80-х годах XVIII в. почва на Северном Кавказе была достаточно накалена. Напряжение ещё более усилилось после землетрясения, происшедшего в начале 1785 года. Оно послужило удобным поводом для начала проповеднической деятельности Ушурмы.

Религиозная проповедь Ушурмы среди экономически отсталых и политически забитых горских народностей была наиболее доходчивой формой агитации против России и обеспечила ему на первых порах извест-

¹⁶ ЦГАДА. Разр. XXVIII, ч. 15, л. 100.

¹⁷ Там же. Разр. XXIII, д. 13, ч. 12, л. 261 об.

ный успех. Лишь немногие позволяли себе открыто высказать сомнения в пророческой силе Ушурмы.

Первые сведения о выступлении Ушурмы были получены от генерал-майора Пеутлинга, который 8 марта 1785 г., вслед за сообщением о землетрясении, писал: «За рекою Сунжою, в алдынской деревне сказался предсказатель о будущих событиях, преклоняющий, в невежестве по грубой слепоте погруженной суеверный народ, к повиновению себе; сказывал, что имеет откровение»¹⁸.

Используя свою агентуру, старшину деревни Куллар, Кайтуку Бакова и других лиц, побывавших в ауле Алды, ген. Пеутлинг и его ближайший помощник Савельев собрали сведения о деятельности Ушурмы. Во время своего пребывания в ауле Алды Баков узнал, что там было получено письмо от аварского Ум-хана, в котором последний извещал Ушурму и всех жителей о получении им из Турции подарков и требовал собрать войско и объединиться со всеми мусульманами. Для этого хан собирался прибыть в аул Алды. Тот же Баков сообщил, что жители всех окружающих аул Алды деревень открыто готовились к походу и изготовляли знамёна. По слухам, предполагался поход в горы и в Кабарду «для приведения всех тамошних жителей в магометанский закон».

Однако ген. Пеутлинг высказал предположение, что собранный Ушурмой народ может быть направлен и против русских крепостей; комендант Владикавказа подполковник Матцен сообщил ему, что «лжепророк» стал известен и у них. Одновременно он доносил об участившихся случаях нападения горцев на небольшие группы солдат, выходивших из крепости для рубки леса.

Подобные известия заставили царское военное командование принять меры предосторожности. Ген. Пеутлинг предписал полкам Астраханскому и Томскому, а также Кабардинскому егерскому батальону быть в готовности к движению, а полковнику Савельеву велел «приложить старание сего народного возмутителя захватить»¹⁹.

О тяге простых горцев к Ушурме свидетельствует ряд донесений из различных мест Северного Кавказа. Так, бывший в Малой Кабарде майор Жильцов доносил 26 июля 1785 г.: «А чёрный народ в селениях доловых (князя Дола, примкнувшего к Ушурме. — Н. С.) и узденя Внорда — все поспешно приуготавлиютца к бегству»²⁰. Комендант Кизляра бригадир Вешняков отправил своих агентов в деревни, население которых примкнуло к Ушурме. Один из этих агентов, Али Алхасов, доносил 15 октября 1785 г.: «У имама войска не более трёхсот человек и то совсем не из знатных, а из бродяг разных деревень»²¹. Шамхал тарковский Бамат в своём письме подтверждал, что из его подвластных «хороших людей» к Ушурме никто не присоединился: «Да уехать за силою моих повелений не осмелится, разве какой-нибудь бездельник отважится пуститься на такую дерзость. Но с теми, со всеми не упущу поступить со всей строгостью своей воли»²².

Ушурма понимал, что в борьбе против России нельзя было целиком положиться на феодалов и старшин, ибо в своём большинстве они сотрудничали с царским колониальным режимом. Поэтому он решил использовать в своих целях недовольство простого народа, действуя при помощи религиозной пропаганды. Многие местные феодалы и старшины, увидев, что Ушурма лишь заигрывает с простым народом, заняли по отношению к нему благожелательную позицию, не принимая, однако, активного участия в его враждебных России выступлениях. Они, видимо, выжидали, на чьей стороне будет перевес.

¹⁸ ЦГАДА. Разр. XXIII, д. 13, ч. 10, лл. 143—144.

¹⁹ Там же, лл. 144—145.

²⁰ Там же, л. 258.

²¹ Там же, л. 372.

²² Там же, л. 392.

В августе 1785 г. генерал-поручик Леонтьев, заместитель отсутствовавшего в то время главноначальствующего на Кавказе П. С. Потёмкина, сообщал, что по прибытии в Кизляр он получил от андреевских и аксаевских владельцев прошение с признанием, что сколько они ни задерживали своих холопей, те тайно уходили в толпу «развратника» (Ушурмы). Причём, пишет ген. Леонтьев, владельцы и старшины подтвердили свою присягу в преданности русским властям и заявили, что «будут старатца скопищам лжепророка препятствовать проходить через их земли и давать тотчас знать нам о всех его намерениях против нас»²³.

Используя доверие примкнувших к нему людей, Ушурма предпринял боевые действия против Кизляра. Крепость Кизляр, одна из старейших на Кавказе, имела большое стратегическое значение. Она была связующим звеном между Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем. Кизляр занимал важное положение на «Кавказской линии»; через него проходил путь, связывавший «Кавказскую линию» с Астраханью; он являлся военно-административным и первостепенным экономическим центром Северного Кавказа. Однако главная квартира П. С. Потёмкина находилась не здесь, а в Екатеринограде, расположенном в центре «Кавказской линии».

Предпринятая Ушурмой военная операция против Кизляра могла иметь преимущественно политическое значение и не вызывалась соображениями, связанными с его религиозной деятельностью. Для распространения ислама среди горцев ему гораздо удобнее было действовать в горных районах, примыкавших с востока к Кабарде, и в самой Кабарде. Но Ушурма открыто провоцировал военное столкновение с русскими властями.

Князь Потёмкин-Таврический в своём ордере на имя П. С. Потёмкина от 6 мая 1785 г. предписал двинуть против находившегося в ауле Алды Ушурмы отряд войск под командой полковника Пиери. «Ваше превосходительство, — сказано в ордере, — предпишите ему прибыть туда требовать лжепророка в руки, и буде бы какое тут открылось затруднение и упорство, то стараться хоть силою достать сего обманщика и восстановить нарушенное им в том краю спокойствие... Весьма желательно, — добавлял Потёмкин, — чтобы дело сие было кончено без пролития крови»²⁴.

Первое выступление против Ушурмы войск в составе Астраханского пехотного полка, батальона егерей, кавалерии и двух орудий оказалось неудачным. 26 июня 1785 г. на обратном пути, после разгрома аула Алды, отряд был окружён в лесу и уничтожен горцами. Около двухсот человек попало в плен, больше трёхсот было убито, в том числе полковник Пиери и восемь офицеров. Отряд потерял 576 солдат и два орудия. Престижу царской армии был нанесён тяжёлый удар. Сподвижники Ушурмы поспешили выдать эту победу за исполнение его пророчества.

Торопясь развить военный успех, Ушурма 15 июля 1785 г. подступил к Кизляру. Несмотря на отчаянную атаку, взять Кизляр Ушурме не удалось. Его успех ограничился захватом Каргинского редута, находившегося в пяти километрах от крепости.

Неудачной была также попытка овладеть 29 июля небольшой крепостью Григориполисом. В течение 19 и 20 августа Ушурма вторично пытался овладеть Кизляром, имея на этот раз в своём распоряжении несколько тысяч человек. Однако сильным артиллерийским огнём и действиями пехоты кизлярского гарнизона, особенно терских казаков под командой кабардинского князя Бековича-Черкасского, атака была отражена, и на рассвете 22 августа горцы отступили.

²³ ЦГАДА. Разр. XXIII, д. 13, ч. 10, лл. 250 -251.

²⁴ Там же, л. 177.

Систематические военные неудачи и большие людские потери решительно поколебали авторитет Ушурмы. Примкнувшие к нему люди увидели, что ведут бесполезную борьбу против русской власти, что пророчество Ушурмы о скорой победе и о том, что огонь русских пушек и ружей не способен принести вред правоверным мусульманам, — обман. Они разочаровались в Ушурме, поняв, что цели, которые он ставит, не отвечают их интересам. Начался массовый отход от Ушурмы. Ему перестали верить и даже обвиняли в преднамеренном желании поссорить горцев с русскими властями, в результате чего должны были последовать жестокие репрессии со стороны царских генералов.

Ушурма попытался тогда перенести свою деятельность на кумыков и ногайцев с тем, чтобы с их помощью продолжать борьбу против царской России. Он стремился также привлечь к себе кабардинцев. Ушурма, видимо, надеялся на то, что некоторые преданные ему кумыкские и кабардинские князья сумеют поднять своих людей. В сентябре 1785 г. ген. Шемякин доносил, что кабардинцы получают письма от Ушурмы и по сборе жатвы «обратятся на злодеяние»²⁵.

Комендант Константиноградской крепости Рик, подтверждая слух о сборе закубанцев для нападения, доносил, что в Кабарду ожидается прибытие шейха Мансура для совместных с кубанцами действий против русских укреплений. В то же время один из узденей Большой Кабарды, Шабаз Гирей Куденетов, сообщил, что кабардинские владельцы Атажуко Мисостов, Наврузов и Акдемиров со своими людьми в числе более трёхсот человек собрались на реке Нальчике и решили напасть на станицу Прохладную, а сын Мисостова, по имени Арсланбек, со ста человеками уже отправился к Ушурме, который якобы поднимает всех дагестанцев для нападения после праздника («байрама») на русские границы²⁶. Ещё раньше к Ушурме примкнул князь Малой Кабарды по имени Дол. И всё же основная масса кабардинцев не признала Ушурму и тем самым поставила его в затруднительное положение.

Что же толкало Ушурму на активные военные действия? Отход от него чеченцев, колебания кумыков и пассивность кабардинцев в тот момент, когда русское командование ещё пребывало в состоянии растерянности, ясно свидетельствуют, что военная деятельность Ушурмы против царской России не отвечала интересам горцев. Выступление Ушурмы в то время могло отвечать прежде всего интересам султанской Турции.

Нельзя не отметить, что князь Потёмкин-Таврический ещё в своём первом ордере на имя П. С. Потёмкина от 26 апреля 1785 г., запрашивая по поводу деятельности Ушурмы, писал: «Нет ли каких сторонних тут подстреканий?»²⁷, — намекая, видимо, на турок. В своём ордере от 2 августа того же года он высказался более определённо; по его мнению, Ушурма — «лжепророк, или лучше сказать — орудие, присланное от турок»²⁸. Эти слова в подлиннике подчёркнуты.

Конец 1785 г. был крайне тяжёлым для Ушурмы. Военные неудачи и большие людские потери, а также слухи о приближении царских войск и карательных экспедиций, грозивших полным разорением селений, усилили разложение в его лагере. От него начали отходить самые преданные ему люди.

В сентябре — декабре 1785 г. положение Ушурмы стало критическим. Он был вынужден из своего аула перейти к кумыкам, надеясь удержать их около себя, и, опираясь на преданного ему андреевского владельца князя Чепалова, поднять ногайцев.

²⁵ ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 10, л. 447.

²⁶ Там же, л. 426.

²⁷ Там же, л. 161.

²⁸ Там же, лл. 234—235.

В такой обстановке он сделал попытку усилить религиозную агитацию и провести насильственную мобилизацию для пополнения своих вооружённых сил. Комендант Кизляра Вешняков в рапорте от 22 сентября сообщил, что недавно Ушурма послал во многие горские деревни своих людей для «призыва в свою толпу». Агент Кайтуко Баков доносил, что в письмах, полученных от Ушурмы, горское население призывалось после «байрама» идти к нему; пришедшие люди якобы увидят большого человека — «махдия» (мессию), который поможет им овладеть Кизляром²⁹.

Стремясь удержать перешедших на его сторону князей, а быть может, и не очень им доверяя, Ушурма потребовал от князя Чепалова, узденя Казбека, Умашева и других выдать ему своих детей в «аманаты», что и было исполнено³⁰. В октябре 1785 г. ген. П. С. Потёмкин отдал приказ о переходе в наступление против Ушурмы и сам во главе войска в 5698 человек пришёл в Кабарду на р. Малку. В ноябре в Кабарде имело место столкновение Ушурмы с отрядом полковника Нагеля. Ушурму в этом столкновении постигла неудача, и он был вынужден покинуть Кабарду.

С декабря 1785 г. начинается второй период деятельности Ушурмы. Оставившие Ушурму князья, владельцы, а затем и старшины различных горских народностей направили царским властям просьбы о помиловании; это сделали даже старшины его родного аула Алды. Письма о полной покорности с просьбой переменить «аманатов» поступили в ноябре — декабре 1785 г. от старшин почти всех аулов, примыкавших ранее к Ушурме.

Тогда царскими властями было принято решение изловить князей и владельцев, оставшихся верными Ушурме, а также и самого Ушурму, за что даже были объявлены награды. Так, например, полковник Матцен из Владикавказа сообщал, что он за поимку кабардинского князя Дола назначил вознаграждение деньгами 200 рублей, или холста 600 аршин, или сукна 150 аршин³¹. За Ушурму бригадир Вешняков обещал 300 рублей. Однако подобная практика не дала результатов.

В то же время всё чаще и настойчивее стали поступать донесения о появлении на Кавказе пришедших на помощь Ушурме турецких агентов. В лагере Ушурмы о них говорили открыто, их видели, с ними беседовали. Высшее командование, следуя правительственному курсу избегать «безвременного разрыва» с Турцией, долго не хотело придавать значения этому факту. Дело дошло даже до того, что ген. П. С. Потёмкин сделал выговор коменданту Кизляра Вешнякову за донесение, в котором последний передавал слух об ожидавшейся Ушурмою турецкой военной помощи.

В ноябре 1786 г. Вешняков, возражая П. С. Потёмкину по поводу его сомнений в достоверности сведений относительно помощи Ушурме со стороны Турции, указывал, что сведения эти он получил из вполне достоверного источника, причём бригадир добавил: «Но когда в.в. негодно таких донесений, то я их оставляю».

На протяжении 1786—1787 гг. кавказское высшее командование получало много донесений, говоривших о связях Ушурмы с турецким правительством.

Так, полковник Савельев рапортовал 3 января 1786 г. из Наура, что вернувшиеся из Константинополя люди джангутского владельца Ахмат-хана привезли с собой от Порты в Дагестан, в Андреевскую и Аксаевскую деревни и к другим горцам письма, в которых обещается присылка

²⁹ ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 11, л. 70.

³⁰ Там же, ч. 10, л. 364.

³¹ Там же, ч. 11, л. 204.

денег и войск. 24 января Арслан Гирей Бабуков сообщил, что в секретном разговоре с ним Мисост Куденетов (кабардинский князь) сказал, что три недели тому назад из Константинополя от турецкого двора к шейху Мансору приехали с письмами турки³².

Позднее поступило донесение, свидетельствовавшее о связях Ушурмы не только с местными турецкими властями, но и с правительством в Константинополе, которое отправило на Северный Кавказ муллу с приказом узнать, что представляет собою Ушурма, сумевший произвести «замешательство» среди горцев и даже поднять закубанцев. Между прочим, сведения о посылке этого муллы совпадают с донесением посла Булгакова, представившего Екатерине II особую «Записку»³³.

Эта «Записка» является как бы протоколом допроса человека, специально отправленного из Турции к Ушурме с тем, чтобы «определить», тот ли он, о ком предсказывал пророк Мухаммед. Турецкий агент «софты» (кандидат в учёные богословы), по его словам, пробыл у Ушурмы 25 дней и установил, что он не особенно набожен и вовсе не учён, хотя и не уклоняется от совершения молитв, предписанных законом.

Из приведённого в «Записке» разговора между софтой и Ушурмой видно, что связаться с ним решили не только местные турецкие власти, но и центральное константинопольское правительство. Софту больше всего интересовали намерения Ушурмы в отношении России и проведённые им военные действия. Ушурма ответил, что не может ничего предпринять, пока к нему не прибудет человек, которого он ожидает, что часть его войска против его желания напала на русские границы и разбила несколько русских полков (?!). Ушурма просил, чтобы халиф (турецкий султан) прислал ему денег и начальника над войсками. По рассказу софты, Ушурма — вовсе не то лицо, которого ожидали по предсказаниям пророка, а обманщик, не пользующийся большим доверием в Дагестане³⁴.

Передав эти сведения, посол Булгаков сообщал далее, что Порта якобы была очень обрадована таким известием, так как появление настоящего пророка могло бы вызвать большие беспорядки во всей империи и «весьма гибельные последствия». Однако к этому замечанию надо относиться критически: оно было рассчитано, видимо, на то, чтобы усыпить бдительность посла и показать, что турецкое правительство вовсе не интересуется Ушурмой. Полученные Булгаковым сведения о посещении турецким агентом Ушурмы, даже независимо от достоверности отдельных фактов, устами самих турок подтверждают сообщения различных информаторов о появлении у Ушурмы турецких агентов и о наличии у него непосредственных связей с Турцией.

Быть может, турецкому влиянию и следует приписать новый метод мобилизации мусульман, который Ушурма начал практиковать в 1786 году.

Он стал требовать со всех горских аулов, с каждой мечети по два человека, а также десятую часть имевшегося у жителей хлеба для прокормления находившихся при нём людей³⁵. Жители Андреевской и Аксеевской деревень по требованию Ушурмы должны были выставить по 10 человек с мечети и по 60 копеек с каждого двора. То же самое Ушурма потребовал и с Костиковской деревни, но жители ответили, что ввиду отсутствия князя выполнить его требование не могут. Лишь под угрозой строгого наказания они обещали выполнить требование при условии, что и другие деревни пришлют Ушурме людей и деньги. Жителям Брагунской деревни было предъявлено такое же требование с угрозой, что в случае отказа деревня будет разорена.

³² ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 16, л. 42.

³³ РИО. Т. 47, стр. 179—181 (французский текст и русский перевод).

³⁴ Под Дагестаном турки обычно понимали также и земли, примыкавшие к Дагестану, вплоть до Терека.

³⁵ ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 17, л. 38.

18 апреля 1786 г. бригадир Вешняков известил о получении от Ушурмы письма (подлинник письма Ушурмы имеется в архиве. Оно написано по-татарски. Вместо подписи в правом верхнем углу четырёхугольная печать с арабским текстом, в нижней части которого ясно выделяются слова: «Имам ал Мансур»). Содержание этого письма таково: «Через сие ваше высокородие уведомляю, что между нами и вами простирается война, а через это с обеих сторон смертоубийство и захваты людей. Так, по сему, не согласитесь ли вы за захваченных людей положить цену, чему мы, кумыцкие, чеченские и кабардинские народы, все согласны. Если вы сами хотите воспользоваться, то о том дать нам знать, дабы после сего о цене ничего уже с обеих сторон не происходило. У вышеописанного же-лаем мы видеть в скором времени»³⁶.

Вешняков тотчас же послал Ушурме ответ, в котором говорилось, что он весьма удивлён упоминанию о какой-то войне, которая якобы имеет место. Хотя и происходили, писал Вешняков, с вашей стороны «неустройства и грабежи», однако «не считаю, чтобы добрые и честные люди в оном приняли или паки пожелали принять участие, и особливо, когда все горские народы через опыты знают, сколь велико могущество и сила нашей высокомиловитой государыни, е. и. в., равно и сколь, напротив, велико её милосердие к прибегающим под её величества покров». В заключение Вешняков сообщал, что обо всём донёс главнокомандующему Потёмкину³⁷.

Из этого обращения Ушурмы к бригадиру Вешнякову, коменданту той крепости, которая составляла основной объект его притязаний, можно видеть, что Ушурма без всякого основания присвоил себе право говорить от имени горских народов, что он продолжал лелеять свои воинственные замыслы, считая себя в состоянии войны с Россией.

Нельзя не отметить, что действия отдельных военных начальников, считавших необходимым применение самых жестоких репрессий к горцам, восстанавливали их против России и служили на пользу Ушурме. К числу таких бесчеловечных командиров, жестоко расправлявшихся с простым народом, следует отнести бригадира Кнорринга, который рапортом от 7 августа 1786 г. доносил, что, будучи на р. Куме, «вчера и севодни истребляли посланными для того казачьими полками и калмыками к потоптанию лошадьми абазинского хлеба. А который за сим остаётца, предписал я господину премьер-майору и походному атаману Янову — зжечь»³⁸. Этот пример свидетельствует о близорукости царского командования, которое своими действиями восстанавливало против России горцев и тем самым затягивало восстание Ушурмы.

К весне 1786 г. Ушурма сумел несколько улучшить своё положение. Известные результаты дали, с одной стороны, принятые им меры к насильственной мобилизации людей и денег, с другой — обещание активной помощи со стороны турецких агентов. Но, несмотря на это, обстановка на Северном Кавказе и особенно в районах, охваченных деятельностью Ушурмы, к середине 1786 г. складывалась благоприятно для России. Не только кабардинские князья, но и шамхал тарковский Мухаммед, владельцы и уздени Аксаевской и Андреевской деревень, примыкавшие ранее к Ушурме, обратились к русскому командованию с письмами, в которых заявили: «...просим высочайшего... повеления о даровании нам в преступлениях наших прощения, воображая, что рабы и слуги без прегрешения, а властители без милосердия не бывают»³⁹. Что касается князей Малой Кабарды, то они, за исключением Дола, писали: «К имаму мы не касаемся и никак его не слушаемся»⁴⁰.

³⁶ ЦГАДА. Разр. XVIII, ч. 17, лл. 73—74.

³⁷ Там же, л. 73.

³⁸ Там же. Разр. XXIII, ч. 18, л. 208.

³⁹ Там же, ч. 12, л. 261.

⁴⁰ Там же, л. 194.

Итак, если до середины 1786 г. многие феодалы (князья и владельцы) занимали выжидательную позицию, то после соответствующих запросов П. С. Потёмкина и появления его с войсками в Кабарде все они поспешили открыто отмежеваться от Ушурмы и объявить себя преданными сторонниками России.

Большим ударом для Ушурмы был уход от него двух феодальных владельцев — кабардинца Дола и кумыка Чепалова. Правда, второй несколько раз после декабря 1785 г. вновь возвращался к Ушурме, но Дол был принуждён под давлением русских властей в июле 1786 г. окончательно покинуть Ушурму.

В своих показаниях князь Дол не пожалел красок, чтобы очернить как самого Ушурму, так и его людей. Он рассказывал, что после поражения в Кабарде отряд Ушурмы «рассыпался по своим домам», что люди его друг друга ловили, грабили и продавали, так что к моменту его ухода он при Ушурме никого «из дальних народов не видал». Нынешней весной Ушурма разглашал, что к нему из Турции и из Ирана будет прислано войско, хотел попрежнему собрать народ, «но никто ему о том не верит и не собирается».

Сдача и помилование Дола произвели сильное впечатление на сподвижников Ушурмы. В августе 1786 г. полковник Нагель доносил, что кумыки-аксаевцы собрали совещание и под присягой вместе с андреевцами «как владельцы, так и простой народ, согласились принести повинную и просить о помиловании»⁴¹. Он пишет, что Ушурму этот народ (кумыки) никогда не считал законоположником и теперь таковым не считает. Ушурма для них тот человек, «который сверх чаяния успел было всех собрать в то время, когда уже частое было негодование».

Аксаевские и андреевские кадии обратились к коменданту Кизляра Вешнякову с особым письмом, в котором от своего имени и от имени старшин и народа сообщали о раскаянии и о том, что «обещанное нам в прегрешении прощение приняли мы с крайней чувствительностью». В этом письме была сделана попытка объяснить причины, побудившие народ поддержать Ушурму. На первом месте перечислялись частые обиды и притеснения со стороны местных владельцев. «Просили мы запретить отнимать им у нас безвинно скот наш; за воровство же и шалости наложить на творящих оное штраф... Но не видя укрощения, дошли до совершенной крайности и принудительными нашлись, согласясь с другими присягнуть имаму с тем, чтобы разбирались ссоры и тяжбы наши по закону, обидчики от обид и наглостей были удержаны, воры были наказаны, включая притом и то, чтобы быть к России в верности». В заключительной части письма говорилось, что «если угодно будет с имамом примириться, то они, кадии, с усердием это выполнят»⁴².

В сентябре 1786 г. с нескольких пунктов на «линии» стали поступать донесения, что все покинули Ушурму и он с несколькими спутниками поехал на Кубань⁴³. Как впоследствии показал сам Ушурма, в это время он действительно ездил на некоторое время за Кубань, к туркам. Об этом же показывал и горец Чаге, уроженец Алды. «Вскоре после возвращения из-под Кизляра Мансур отправился в первый раз в Анапу и оставил его (Чаге) при своём семействе»⁴⁴. 10 сентября 1786 г. полковник Матцен рапортовал ген. П. С. Потёмкину, что брагунский владелец Арсланбек Мудатов его известил: «...всех возмутительских деревень жители выехали пахать, а также и скот весь из гор выпущен на степь»⁴⁵.

⁴¹ ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 18, л. 257.

⁴² Там же, ч. 12, л. 329.

⁴³ Там же, ч. 14, л. 206.

⁴⁴ Там же. Разр. VII, д. 2788 «О четырёх кавказских горцах, бывших сообщниками ших Мансура», лл. 6—11.

⁴⁵ Там же, ч. 14, л. 43.

В свете этих событий и следует рассматривать предпринятую Ушурмою в октябре 1786 г. попытку добиться амнистии. С этой целью он отправил своего шурина Этту Батырмурзина в русский лагерь. 20 октября Этта дал своё первое показание. Он сообщил, что отправлен Ушурмою тайно с просьбой о прощении. «Он (Ушурма) считает себя избранником бога не для разбсев, но для удержания мусульман от злых дел и шалостей. Однако, те народы брали неволею его (Ушурму) с собой в российские места против войск российских. (Имеется в виду нападение на Кизляр. — *Н. С.*). Ныне видит он (Ушурма), что те народы на него не смотрят и не слушаются. Он от них спасается, чтобы его не убили или не выдали русским. И для этого просит пощады и помилования». В заключение Этта сказал: «Если он, Ушурма, будет прощён, то ни с какой стороны род татарский (вернее, горский. — *Н. С.*) не будет делать шалость России, а всех он может от того удержать и будет стараться их успокоить»⁴⁶.

На втором допросе, 17 ноября того же года, Этта ответил на поставленные ему вопросы, которые охватывают всю историю выступления Ушурмы, начиная с того, как и почему он «возмечтал себя назвать пророком». Из ответов видно, что Ушурма был связан с турками. Этта сказал, что в скором времени после объявления Ушурмы пророком к нему прибыл от ахалцихского паши турок с письмами и подарками. После поражения в Малой Кабарде Ушурма бежал к владельцу Долу, от него — к карабулакам и затем в свой аул Алды, «где принят был от народа без того почтения и доверенности, какую они прежде ему чинили».

Весною этого года, показал Этта, Ушурма хотел вновь привести в послушание народы и начал требовать с деревень в «аманаты» по десяти человек. Одновременно он условился, чтобы и закубанцы соединились с ним в Кабарде для общего нападения на русские укрепления. В данное время Ушурма народом оставлен и не имеет средств к возобновлению военных действий, но попрежнему себя называет имамом⁴⁷.

Показания шурина Ушурмы свидетельствуют о полном провале всех планов Ушурмы. Турецкое покровительство и подарки не помогли, горцы его окончательно покинули. Трудно сказать, чем руководствовался ген. П. С. Потёмкин, когда не принял просьбу Ушурмы о помиловании, требуя безоговорочной сдачи. Этим шагом он только затянул борьбу.

Наступил 1787 год. Турция собиралась начать войну с Россией. Послы Франции, Швеции и Пруссии наперебой предлагали туркам свои услуги, обещали деньги, флот, вооружение, инструкторов и даже войска. Пока в Константинополе велись сложные дипломатические переговоры, турецкое правительство развивало кипучую деятельность на Кавказе. Полученные от иностранных покровителей деньги щедрой рукой раздавались вместе с халатами, саблями, султанскими фирманами и прочими подарками кавказским ханам и князьям. Рассчитав, что восстание на Кавказе не только затруднит положение русских войск в Грузии, но и отвлечёт часть русских сил от европейского театра военных действий (продолжалась война России со Швецией) и от Крыма, Турция уделила Кавказу особенное внимание. В марте 1787 г. поступило известие от грузинского царя Ираклия о том, что в турецкой крепости Карсе был открыто объявлен султанский фирман о войне с Россией. Сулейман-паша ахалцихский в связи с этим будто бы получил предписание не отпускать находившихся у него для вторжения в Грузию лезгин. В марте 1787 г. турецкие агенты с подарками появились в Дагестане и Кабарде у крупных горских князей.

⁴⁶ ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 14, л. 459.

⁴⁷ Там же, ч. 15, лл. 146—151.

В апреле полковник Савельев известил, что из-за Кубани, от суджукского пашы, приехал человек с письмом к Ушурме. В его задачу входило помочь Ушурме вновь войти в доверие к горским народам⁴⁸. Из донесения бригадира Нагеля от 11 апреля видно, что Ушурма говорил своим близким людям о прибытии к нему войск от турок, а также от аварского хана, шамхала и уцмня. Это известие, однако, не произвело никакого впечатления на горцев. Более того, они посылали нарочных и к шамхалу и к уцмню справиться о том, готовы ли те оказать Ушурме помощь, и «всюду нашли его обман». Но такое отношение горцев не остановило Ушурму; он заявил, что разорит всех приверженцев русских.

В мае — июне 1787 г. Ушурма развивал усиленную агитационную деятельность, проводил собрания в горских аулах, настаивая на необходимости собрать новое войско якобы для защиты имущества горцев от русских войск. Такое собрание было проведено и в его родном ауле Алды, но жители «разошлись, ни в чём не согласясь; колеблются, потеряв к обманщику веру»⁴⁹. Тогда Ушурма обратился к горцам с особым посланием, в котором сделал попытку поднять их, используя сугубо религиозную аргументацию. «Да будет всем ведомо, — писал Ушурма, — что в день пятницы намерен я итти на брань с беззаконными, почему приглашаю вас непременно в пятницу ко мне съехаться. Ибо, как писано в Коране, когда мусульмане начнут бой с неверными в пятницу, то беззаконных одолеют»⁵⁰, и т. п.

Но не помогли и эти религиозно-демагогические воззвания. В мае 1787 г. все горцы, жившие в области, простиравшейся до р. Сунжи, в том числе и жители аула Алды, начали пахать землю⁵¹. Это был признак их отхода от Ушурмы.

Наконец 3 июля 1787 г. было получено секретное донесение от старшины Кайтуко Бакова о том, что весь народ от Ушурмы разошёлся по домам, а сам он вот уже четыре дня как скрылся из своего аула Алды. Было установлено, что 5 июля 1787 г. Ушурма переправился через Кубань и находился в доме владельца Камамета Мансурова, на реке Большой Инжик.

Сведения, поступившие из различных кумыкских и других горских аулов, подтверждали, что горцы довольны бегством Ушурмы.

Ушурма окончательно дискредитировал себя своей протурецкой, враждебной России деятельностью, которая не нашла поддержки у горских народов. Это произошло прежде всего потому, что трудящиеся горцы поняли, что Ушурма ничего не может им дать.

Бегство Ушурмы за Кубань не было следствием его желания покончить с пророческой деятельностью и отказаться от антирусской политики. Напротив, Ушурма был призван турками за Кубань для осуществления активной антирусской деятельности среди закубанских и ногайских племён. Турки полагали, что отсюда Ушурма сумеет установить связь с горцами и в качестве имама сможет руководить их борьбой против России.

Накануне войны с Россией Турция рассматривала Закубанский край как удобный плацдарм для вторжения в Кабарду и разгрома «Кавказской линии». С этой целью наряду с регулярными войсками, которые могли быть двинуты на Кавказ, турецкое правительство возлагало большие надежды на закубанцев и их враждебное отношение к русским.

Ушурма был нужен туркам для того, чтобы, спекулируя на религиозном фанатизме и высоком звании имама и пророка, объединить под его руководством закубанские племена и бросить их против русских.

Начиная с 16 июля 1787 г. к русскому командованию систематиче-

⁴⁸ ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 22, л. 114.

⁴⁹ Там же, л. 135.

⁵⁰ Там же, ч. 20, л. 382 (подлинника в деле нет).

⁵¹ Там же, ч. 22, л. 270.

ски стала поступать информация о выступлениях Ушурмы с религиозными наставлениями, в которых он пытался внушить каждому своему последователю, что тот обязательно победит 10 русских. Турки поощряли и направляли эту деятельность Ушурмы, получившего к этому времени от султана официальное разрешение на звание имама.

Очутившись за Кубанью, Ушурма, по приказу турок, вёл оживлённую переписку с горскими и кабардинскими единомышленниками. В Андреевской и других горских деревнях были получены письма, в которых Ушурма просил всех правоверных мусульман быть единодушными и строго следовать его наставлениям. Тут же Ушурма сообщал, что закубанские народы якобы почитают его как имама. Ушурма заявил, что после того как получит от турок войско и снаряды, немедленно прибудет на Северный Кавказ «защищать народ от русских». Докладывая об этих письмах, бригадир Нагель замечал, что, по его представлению, горцы всё ещё якобы верили этим обещаниям о турецкой помощи и письма Ушурмы волновали народ⁵².

Народ боялся Ушурмы, который мог придти вместе с крымцами и всех разорить; поэтому горцы поспешили убрать с полей просо. Правда, добавлял Нагель, среди горцев есть и такие, которые Ушурме не верят и вообще сомневаются в том, что он вновь здесь появится⁵³. В другом рапорте Нагеля, от 10 августа, говорится, что в новом письме Ушурма просил горцев потерпеть с месяц и не давать России никакого обещания и не быть ей верными⁵⁴. Из этой переписки видно, что Ушурма был хорошо осведомлён о времени открытия военных действий против России, которые точно начались через месяц, в сентябре 1787 года.

Одновременно с письмами Ушурмы на Северном Кавказе появилась новая партия турецких агентов. Командующий Каспийской флотилией капитан Шишкин донёс, что к Фет-Али-хану дербентскому прибыли агенты из Турции с богатыми подарками, в том числе саблей, осыпанной дорогими камнями. Это якобы для того, чтобы хан не пропускал русские войска в Иран⁵⁵. О появлении турок в количестве 60 человек у шамхала Бамата доносил 18 августа 1787 г. новый комендант Кизляра, Грызлов⁵⁶.

Турецкие агенты вели на Северном Кавказе усиленную агитацию, стараясь доказать ханам и князьям, что они, как единоверцы, обязаны держать сторону мусульман, т. е. турок, а не русских. Уговаривая шамхала Бамата принять турецкую сторону, агенты заявляли, что вот «Ушурма — последний в народе человек — мог сделать такое замешательство, что русские, сколько ни грозили народам, но ничего сделать не могли, старались его иметь (поймать. — Н. С.), и то не удалось». Указав на то, что русские не могут расправиться с закубанцами, турки делали вывод, что «и вам, конечно, ничего сделать они (русские. — Н. С.) не в состоянии»⁵⁷.

Вся эта агитация, включая и письма Ушурмы, не оказала серьёзного влияния на события. За исключением нескольких горских и кабардинских князей, старшин и узденей, известных своими симпатиями к Турции, горцы Северного Кавказа к началу русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в своей массе не проявляли желания сотрудничать с турками, не верили в их «спасительную» роль.

Обосновавшись за Кубанью, Ушурма открыто стал сотрудничать с турками. 20—22 сентября 1787 г. Ушурма во главе закубанских и ногайских орд, поддержанный турками, имел несколько столкновений с русскими войсками между реками Урупом и Лабой, но был разбит.

⁵² ЦГАДА. Разр. XXIII, ч. 23. лл. 312—313.

⁵³ Там же, л. 335.

⁵⁴ Там же, л. 374.

⁵⁵ Там же, л. 363.

⁵⁶ Там же, л. 395.

⁵⁷ Там же, ч. 24, лл. 3—4.

Вторично он был разбит на р. Урупе в октябре того же года и вынужден был оставить военную карьеру; турки отправили его в Суджук-Кале.

Когда в 1788 г. ген. Текелли подошёл со своим отрядом к Анапе, он узнал, что Ушурма уже находился там. С этого времени и вплоть до падения Анапы в 1791 г. Ушурма оставался в этой крепости. Турки, видимо, решили использовать его исключительно как религиозного агитатора. От его имени рассылались из Анапы во все концы Кавказа воззвания, в которых Ушурма, ссылаясь на своё звание имама, требовал от мусульман «встать на защиту ислама», т. е. на сторону турок. На этом новом поприще турецкого агента в Анапе Ушурма провалился так же, как он провалился на Северном Кавказе.

После взятия войсками ген. Гудовича Анапы находившегося там Ушурму как важного пленника срочно направили в Петербург. Граф А. Безбородко в записке от 26 июля 1791 г. на имя обер-секретаря Тайной экспедиции С. И. Шешковского сообщил, что Екатерина II не считает Ушурму «как сущего развратителя народов закубанских и кавказских» за военнопленного. Она приказала допросить «о всех его похождениях и всех действиях его». В соответствии с этим распоряжением Ушурма и был несколько раз допрошен в Тайной экспедиции. Судьба его была определена секретным рескриптом Екатерины II от 15 октября 1791 г. на имя полковника Колюбакина, коменданта Шлиссельбургской крепости. В этом рескрипте сказано, что ших (шейх) Мансур возмущал горские народы против России, а после начала войны с Турцией «разные ко вреду нашей империи делал покушения».

Находясь для допроса в Петербургской крепости, Ушурма, как сказано в рескрипте, «поразил ножом караульного, за что и скован в железо». В таком состоянии он и был препровождён в Шлиссельбургскую крепость «на безысходное в ней пребывание». В крепости было приказано снять с Ушурмы цепи, но иметь строгое за ним наблюдение, «дабы от него побегу или какого зла учинено не было».

13 апреля 1794 г. комендант Шлиссельбургской крепости Колюбакин донёс в Тайную экспедицию о болезни и смерти Мансура⁵⁸.

Деятельность Ушурмы (шейха Мансура) охватывает относительно большой период — с марта 1785 г. по июнь 1791 года. Он выступал среди различных горских народностей и на сравнительно большой территории — от р. Сунжи и Терека до Кубани. На всём протяжении своей деятельности он выступал как проводник турецкой захватнической политики на Кавказе.

Первый период деятельности Ушурмы показал, что он не ошибся в своих расчётах на поддержку горцев. Но горцы ошиблись в Ушурме, приняв его на первых порах за своего вождя. Отсталых горцев толкала к Ушурме колониальная политика царизма, бесконечные конфискации и контрибуции; их прельщала его враждебная России пропаганда и призыв к борьбе против казикумухов и карабулаков; что касается находившихся в условиях феодально-крепостнической эксплуатации кумыков и кабардинцев, то они на первом этапе хотели пойти в его лагерь в надежде добиться под его руководством облегчения своего тяжёлого положения. У него думали найти справедливое разрешение спора с эксплуататорами за землю, за скот.

Но Ушурма не оправдал надежд простых людей, потому что действовал не в их интересах, а в интересах Турции и тех кавказских феодалов, старшин и мулл, которые предпочитали жить под эгидой турецкого султана. Ушурма проповедовал ислам, который далеко ещё не получил распространения на Северном Кавказе. Попытка объединения горцев

⁵⁸ ЦГАДА. Разр. VII, д. 2777, л. 44.

под флагом ислама на борьбу против России не встретила с их стороны сочувствия, его требование строгого выполнения предписаний шариата вызвало упорное противодействие.

Ушурма не стал на путь отмены налогов и сбременительных повинностей, в том числе и накладываемых законами шариата; он не выступил против феодалов — главных угнетателей и классовых врагов кумыков и кабардинцев; он не пытался обуздать старшин и кадинов различных горских племён, не задавался целью сделать земли, пастбища, леса, воду свободными и доступными каждому горцу.

Идея равенства, которая почти всегда в той или иной форме проповедуется в крестьянских движениях, совершенно отсутствовала в выступлениях Ушурмы и его сообщников. Всё это свидетельствует о том, что поднятое Ушурмой движение не имело ничего общего с крестьянским прогрессивным движением.

Вспомним, какую роль идее равенства в крестьянском движении отводил В. И. Ленин: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»⁵⁹.

Вместо борьбы за землю, борьбы с эксплуататорами и осуществления идеи равенства Ушурма призывал к вооружённому выступлению против России. Подобная политическая программа не отвечала первоочередным, насущным интересам горцев. Вот почему она и не могла поднять их на борьбу. Правда, в начале выступления Ушурмы кумыки, часть кабардинцев и других горцев, увидя в его воззваниях и проповедях сигнал к восстанию, пошли за ним, мечтая прежде всего о борьбе со своими угнетателями-феодалами.

Но Ушурма, действуя в интересах султанской Турции, не был способен защищать требования простых горцев и не смог возглавить их классовой борьбы. Без всяких колебаний он принял сторону группы феодалов и князей, мечтавших об установлении на Кавказе турецкого режима, о подчинении султанской Турции. Его выступление было типичным реакционным восстанием, направляемым иностранной рукой.

Неудача Ушурмы вовсе не отбила охоту у Турции и её европейских подстрекателей к продолжению подрывной деятельности на Кавказе. Однако из факта равнодушного отношения горцев к пропаганде шариата и быстрой потери Ушурмою религиозного авторитета среди горцев, повидимому, были сделаны некоторые выводы.

Мусульманские круги в XIX в. стали на путь создания на Кавказе особой религиозно-политической организации — мюридизма. Созданная в интересах захватнической политики Турции в качестве её агентуры на Кавказе, слепо преданная своему имаму, эта организация мюридов должна была насаждать с оружием в руках ислам и его лозунги «священной войны» с неверными (т. е. с русскими) и прививать народам Кавказа ненависть ко всему русскому. Её политическая задача состояла в том, чтобы поднять движение горцев против России и подчинить его захватническим интересам Турции и стоявшей в то время за её спиной Англии.

С особой силой, как показал М. Д. Багиров⁶⁰, реакционный мюридизм развернулся на Кавказе под руководством Шамиля, который, опи-

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 317. 4-е изд.

⁶⁰ М. Багиров. Указ. соч., стр. 25 и сл.

раясь на своих мюридов и англо-турецкую поддержку, возглавил реакционное и националистическое движение, окончившееся полной неудачей.

Анализируя причины неудачи Шамиля, выдающийся русский революционный демократ Н. А. Добролюбов в 1859 г. писал: «Под Шамилем была им (горцам. — Н. С.) уж плохая свобода. Наибы его действовали очень произвольно, грабили и наживались; а он, говорят, очень часто смотрел на это сквозь пальцы. Уважение к себе поддерживал он более страхом, нежели любовью; палач был при нём неотлучно, и казни были беспрестанны». И далее: «Управление Шамиля казалось тяжело для племён, непривыкших к повиновению, а выгод никаких от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Следовательно, им представлялся уже выбор — не между свободой и покорностью, а только — между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта. Само собою разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее»⁶¹. В заключение Н. А. Добролюбов говорит: для того, чтобы больше не появлялись личности, подобные Шамилю, и чтобы они не имели никакого успеха, «нужно одно: чтобы, вследствие гуманного и справедливого управления, горные племена не нуждались более в подобных деятелях»⁶².

По мере ослабления в XIX в. турецкого военно-феодалного государства, поражений его во внешних и внутренних войнах в этой стране широко развернулось национально-освободительное движение угнетённых народов, в том числе и исповедовавших общую с турками мусульманскую религию. Для борьбы с возрастающим национально-освободительным движением в Турции были использованы идеи панисламизма, при помощи которого султаны пытались не только удержать, но и укрепить своё господство. Выступая в качестве защитников ислама, панисламисты проповедовали захватническую политику и пытались распространить власть султана-халифа на народы, исповедовавшие ислам, но не входившие в его империю, в том числе и на народы Кавказа.

Так, в эпоху империализма под лозунгами панисламизма проводилась открытая захватническая политика с целью насаждения власти отсталой, разлагавшейся феодальной Турции, равно как и укрепления власти всевозможных ханов, беков и мулл, являвшихся агентурой султана в соседних странах. Верным союзником и покровителем панисламизма являлся германский империализм, стремившийся использовать отсталую Турцию и её панисламистские идеи в своих захватнических целях накануне и в годы первой мировой войны.

Вскрывая сущность панисламизма, В. И. Ленин указывал на «необходимость борьбы с пан-исламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.»⁶³.

Засылаемые на Кавказ турецкие агенты, муллы и агитаторы вели под вывеской панисламизма самую неприкрытую пропаганду за признание авторитета Турции и турецкого султана-халифа, за разжигание вражды кавказских народностей к России, содействуя тем самым их отчуждённости и замкнутости.

Англо-французский империализм в союзе с реакционной Турцией, поставив ислам на службу своим захватническим целям, являлся самым опасным и жестоким врагом народов Кавказа.

⁶¹ Н. Добролюбов. Полное собр. соч. Т. IV, стр. 155. М. 1937.

⁶² Там же, стр. 156.

⁶³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 289. 3-е изд.

МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР И ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ АНГЛИЙСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ

Н. Калинин

Захват Абиссинии фашистской Италией и итало-германская интервенция в Испании свидетельствовали о нараставшей угрозе мировой войны. Фашистские державы — Германия и Италия — осуществляли свои агрессивные замыслы при явном попустительстве правительств США, Англии и Франции. Последние отказались от коллективного отпора немецкой агрессии; американская политика «нейтралитета» и англо-французская политика «умиротворения» представляли политику систематических уступок гитлеровской агрессии. Англо-французские правящие круги, конечно, понимали, что политика «умиротворения» вела к усилению фашистской агрессии, но не считали её опасной для себя и рассчитывали направить её на Восток, против СССР.

И. В. Сталин в отчётном докладе на XVIII съезде ВКП(б), в марте 1939 г., объясняя причины усиления гитлеровской агрессии, говорил: «Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию... «нейтралитета»¹.

События 1936—1938 гг. показали, что правительства Англии и Франции своими уступками фашистским государствам — Германии и Италии, объединившимся в 1936 г. в военно-политическом блоке «ось Берлин — Рим», — подбадривали и толкали гитлеровскую Германию на путь захватов.

Опубликование ряда документов германского министерства иностранных дел, захваченных советскими войсками после разгрома гитлеровской Германии, помогло раскрыть перед всем миром подлинную сущность внешней политики Англии и Франции того периода, которая «закключалась не в объединении сил миролюбивых государств для совместной борьбы против агрессии, а в том, чтобы изолировать СССР и направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза, используя Гитлера как орудие в своих целях»².

Это был подлинный сговор, закулисное соглашение империалистических правительств о предоставлении гитлеровской Германии новых территорий за счёт третьих стран. В марте 1938 г. этот сговор привёл к своему первому результату.

12 марта 1938 г. Гитлер захватил Австрию, не встретив никакого противодействия со стороны других капиталистических держав.

На призыв Советского Союза организовать коллективную защиту независимости стран, которым угрожала агрессия, английское правительство ответило, что, по его мнению, согласованные действия против агрессии могут неблагоприятно повлиять на перспективы европейского мира.

В то же время правительство Англии, стремясь установить ещё более тесное согласие с гитлеровской Германией, всячески показывало, что оно «понимает» требования Гитлера, идёт им навстречу, имея в виду, что Германия затем направит свою агрессию непосредственно против

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 570. 11-е изд.

² «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 22. Огиз. Госполитиздат. 1948.

СССР. Такое поведение английского правительства означало поощрение агрессии.

29—30 сентября 1938 г. на совещании в Мюнхене, на котором присутствовали Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье, была совершена позорная сделка за счёт Чехословакии с той целью, чтобы направить гитлеровскую агрессию против СССР. «Немцам,— говорил И. В. Сталин на XVIII съезде ВКП(б),— отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»³.

Вскрыв, таким образом, смысл мюнхенского сговора, И. В. Сталин показал истинное существо политики правительств Англии и Франции: «Политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны,— следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»⁴.

За политику попустительства и поощрения германской агрессии, за мюнхенский сговор полную ответственность несёт не только консервативное правительство Англии, но и руководство лейбористской партии, ибо его действия ни в чём существенном не отличались от действий правящей клики Великобритании. Принимая иногда словесные декларации против агрессора, лейбористы на деле с момента прихода Гитлера к власти поддерживали политику соглашения и «умиротворения» агрессора. Лидеры лейбористской партии отвергали действительную борьбу против фашизма и стояли за сотрудничество с ним.

Лидер лейбористской партии, нынешний премьер-министр Англии Эттли, в книге «Лейбористская партия в перспективе» писал: «Бороться с фашизмом нужно не путём применения вооружённой силы, а посредством показа, что сотрудничеством в экономической области могут быть достигнуты лучшие условия, чем проведением политики агрессии»⁵.

В основе этой книги лежала «идея» англо-германского экономического сотрудничества — «идея», близкая к Гугенберговской программе совместной эксплуатации старых и новых колоний, с мандатом для Германии на Восточную Европу.

Лэнсбери, который в течение четырёх лет (1931—1935) был парламентским лидером лейбористской партии, подобно Эттли, всецело придерживался политики «умиротворения» агрессора путём так называемого экономического сотрудничества, т. е. за счёт предоставления Германии чужих территорий, богатых сырьём. Поддерживая лживую гитлеровскую пропаганду, Лэнсбери пытался доказать, что ни Германия, ни её правительство не хотят войны. В своих мемуарах «Моё паломничество ради мира» он писал: «Ни германское правительство, ни германский народ не желают войны, и если только дать Германии шанс на некоторую долю мировых ресурсов и рынков, она охотно примет участие в обсуждении вопроса о том, как покончить с войнами путём ликвидации вооружений»⁶.

Лэнсбери отождествлял, таким образом, германский народ с гитлеровцами. Он воспевал диктатуру фашизма, уверяя своих читателей в том, что при фашистском строе в Германии и Италии условия жизни населения якобы улучшились. Необходимо отметить полное сходство измыш-

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 572

⁴ Там же, стр. 570—571.

⁵ C. Attly. The Labour party in perspective, p. 224. London. 1937.

⁶ G. Lansbury. My Pilgrimage for Peace, p. 124. New York. 1938.

лений лейбористского лидера Лэнсбери и лидера твердолобых консерваторов Лондонери, автора книги «Германия и мы».

Из указанного произведения Лэнсбери можно было бы привести множество цитат, свидетельствующих о том, что Лэнсбери выступал в качестве поклонника «фюрера» и провозвестника англо-германской дружбы при Гитлере и Чемберлене. Но нет нужды повторять здесь многочисленные лживые заверения Лэнсбери вроде того, что «фюрер ничего лучшего не хочет, кроме дружбы с нами»⁷, что «история будет вспоминать Гитлера в качестве одного из великих людей нашего времени»⁸. Лэнсбери отрицал, что в Германии фашизм является террористической диктатурой наиболее реакционных слоёв монополистического капитала.

Важно сделать из этих «объяснений в любви» Лэнсбери к Гитлеру основной политический вывод: лейбористское руководство наряду с руководством консервативной партии занималось распространением в Англии идей пособничества агрессору и умиротворения агрессора. Лейбористы рекомендовали сотрудничество с гитлеровской Германией и заявляли о том, что такое сотрудничество допустимо и полезно в интересах Англии.

Видный деятель лейбористской партии, член её исполкома, Базиль Уэбб, рассматривая протоколы заседаний палаты общин за период между двумя войнами (1918—1939), вынужден был признать, что «многие депутаты-лейбористы, даже после прихода Гитлера к власти, больше заботились о сохранении мира с Германией, чем об улучшении отношений с СССР»⁹.

Но Б. Уэбб не сказал главного, а именно, что лидеры лейбористов придерживались политики натравливания гитлеровской Германии на Советский Союз.

Так, лейбористы выступили с оправданием действий гитлеровской Германии, когда она при явном попустительстве Англии и Франции ввела вооружённые силы в Рейнскую область.

В условиях начавшейся гитлеровской агрессии сохранение всеобщего мира зависело от совместных действий СССР, Англии и Франции. Народный комиссар иностранных дел СССР, выступая 17 марта 1936 г. в Совете Лиги наций, напомнил членам Лиги, что защита международных договоров является обязанностью Лиги наций, ибо нельзя сохранить Лигу, если она не будет выполнять своих постановлений, и что занятием Рейнской области германскими войсками Германия преследует явно захватнические цели, подготовку к войне против СССР.

Английское правительство признавало, что вторжение немецких войск в рейнскую зону является нарушением Версальского договора и Локарно. Однако оно отрицало, что вторжение является угрозой миру. Министр иностранных дел Англии Иден 18 марта 1936 г. заявил, что Совет Лиги не видит необходимости в применении непосредственной акции, предусмотренной при соответствующих условиях Локарнским договором. Английское правительство стремилось к тому, чтобы избежать всякого повода для коллективных действий против Германии. Оно отвергло предложение о применении экономических или финансовых санкций по отношению к Германии и постаралось полностью парализовать дееспособность Лиги наций.

В то время как правительство Англии своими действиями помешало созданию сплочённой коалиции держав против агрессора, реакционные лидеры лейбористской партии сделали всё возможное, чтобы не допустить сплочённого фронта мира среди рабочих Англии и других стран. Лейбористские лидеры взяли Гитлера под свою защиту и уверяли, что он так же мало хочет войны, как и другие руководители буржуазных

⁷ G. Lansbury. My Pilgrimage for Peace, p. 122.

⁸ Там же, стр. 120.

⁹ B. Webb. The House divided, p. 30. London. 1945.

правительств. «Я думаю,— писал Эттли,— что ни одно правительство не хочет войны»¹⁰. В этой общей «амнистии» виновников и поджигателей войны Гитлер так же избавлялся от ответственности, как и британские империалисты, апологетом которых выступал Эттли. Дальтон призывал английских министров встретиться с Гитлером и выяснить его претензии к англичанам.

Лейбористы в лице того же Дальтона провозгласили Гитлера носителем германских национальных чаяний, а не выразителем интересов германского монополистического капитала. Защищая интересы британского империализма, Дальтон интересовался лишь тем, каковы пределы уступок, на которых настаивает Гитлер, и можно ли ограничиться уступками за чужой счёт.

Швейцарская социал-демократическая газета «Фрейер ааргауэр» от 11 марта 1936 г. не без основания писала по адресу Дальтона: «Если бы Гитлер искал в Англии союзника среди оппозиции, то последний не мог бы лучше сделать своё дело, чем этот представитель английской лейбористской партии».

Центральный орган лейбористской партии, газета «Дейли геральд», изо дня в день вела кампанию в защиту гитлеровской Германии, словно не германский фашизм угрожал войной другим странам, а последние угрожали войной Германии. «Верхом безумия является то, что хотят напасть на Германию», хотят «превентивной войны» против Германии¹¹. «Занятием Рейнской области Гитлер ликвидировал неравенство, созданное Версалем»¹²,— писала та же газета. Этой формулой «ликвидации неравенства» «Дейли геральд» прикрывала агрессивные цели Гитлера, ставившего под угрозу мир во всём мире.

Лидеры лейбористской партии исходили из того, что германский империализм «заслуживал» участия в разделе колоний и обладал якобы на то неоспоримым правом.

В своих выступлениях в палате общин Дальтон защищал притязания Гитлера на новый передел «источников сырья», что означало, по существу, передел колоний. Требование это также обосновывалось и отстаивалось во имя «равноправия». Однако Дальтон вовсе не думал ущемлять интересы Британской империи, когда предлагал предоставить Германии колонии: он имел в виду укрепление позиций гитлеровской Германии не за счёт британских колоний, а за счёт других стран. Лидеры лейбористской партии пытались лицемерно оправдать свою позицию поддержки требований германского фашизма тем, что они, мол, являются сторонниками «всеобщего» мира, а следовательно, также мира и с гитлеровской Германией.

В то время как правительство Германии вело бешеную подготовку к развёртыванию новой войны за рынки, сырьё, колонии, за мировое господство против ряда других стран и в первую очередь против Советского Союза, лейбористы успокаивали широкие массы, говорили о том, что Гитлер не хочет войны, дезориентируя тем самым народ Англии и срывая борьбу против фашизма.

Лидеры лейбористской партии шли рука об руку с консервативным правительством Боддуина, а затем Чемберлена в деле обмана и запугивания широких масс английского народа, твердя, что в случае сопротивления агрессивной политике Гитлера начнётся война. Этот довод выставлялся ими против принятия санкций по отношению к Германии. Они выдвигали ложную альтернативу: «умиротворение» или война.

Когда Гитлер, давший приказ своим войскам вступить в Рейнскую область, выступил 7 марта 1936 г. с предложением заключить с некоторы-

¹⁰ Газета «Daily Herald» от 8 марта 1936 года.

¹¹ Там же от 23 марта 1936 года.

¹² Там же от 9 марта 1936 года.

ми странами пакт о ненападении на 25 лет, лейбористская партия тотчас же ухватилась за него и предложила правительству исследовать это «искреннее» «мирное предложение» Гитлера. Лидеров лейбористской партии отнюдь не смущало, что Гитлер не собирался заключать такого пакта с СССР, Австрией и Чехословакией. Гитлер не называл эти страны, так как хотел проверить, как отнесётся Англия к исключению СССР из пакта и каково её отношение к возможности дальнейшей германской экспансии в сторону юга и юго-востока — Австрии и Чехословакии. Лейбористы охотно высказались за обсуждение и принятие «мирных» предложений Гитлера после того, как Гитлер 10 марта согласился исправить «ошибку» в своей речи от 7 марта и «включить» Австрию и Чехословакию в свой мирный договор, тем самым обещая никого не трогать на Западе, взамен предоставления ему возможности нанести удар по Советскому Союзу.

Лейбористы отлично понимали, что этот манёвр Гитлера лишь подчёркивал стремление фашистского правительства прощупать отношение западных держав к желательной для германского империализма изоляции Советского Союза. Именно поэтому они постарались обеспечить ему поддержку.

Изо дня в день обсуждая «мирное предложение» Гитлера, лейбористская печать, в частности центральный орган лейбористской партии «Дейли геральд», настаивала на принятии предложений Гитлера. Не случайно Геббельс в награду за такую услугу предписал передавать передовые статьи «Дейли геральд» по радио в Германии.

Такая открытая поддержка лейбористскими лидерами агрессивной политики гитлеровской Германии вызывала негодование английского рабочего класса. Рабочие организации выступили с решительным осуждением прогитлеровской политики руководства лейбористской партии и «Дейли геральд». На рабочих собраниях, на заседаниях профессиональных советов и в местных лейбористских организациях принимались резолюции протеста и осуждения. Под давлением широких масс лидеры лейбористов были вынуждены всячески маневрировать, чтобы полностью не разоблачить себя. Чтобы обмануть широкие массы английского народа, они непрочь были принять ряд деклараций с «осуждением» действий Германии, но тут же призывали «искренне стремиться найти основу для переговоров с Гитлером»¹³.

Лейбористская партия, и прежде всего её лидеры, прилагала все усилия к тому, чтобы сорвать единство действий прогрессивных сил, боровшихся против фашизма внутри Англии и вне её. Конференция II Интернационала и Амстердамского объединения профсоюзов, собравшаяся в марте 1936 г. в связи с оккупацией Рейнской области, показала, что именно лейбористские лидеры являлись инициаторами срыва единства действий рабочего движения. В резолюции, принятой этой конференцией, на словах говорилось о необходимости сохранения всеобщего мира, системы коллективной безопасности против агрессивности гитлеровской Германии, на деле же конференция II Интернационала не дала ответа на выдвигавшиеся рабочим движением вопросы о том, что должны предпринять социал-демократические партии и профсоюзы перед лицом обострившейся опасности. Конференция II Интернационала обошла вопрос о необходимости немедленного осуществления единства действий пролетариата в национальном и международном масштабе. Она выступила против самостоятельных действий рабочего класса, ограничившись призывом положиться на Лигу наций. Такого решения добивались и добились представители лейбористской партии Англии, которые согласились написать резолюцию, «осуждающую» Гитлера, с условием, что резолюция не будет содержать никаких практических мер по организации международного рабочего движения против гитлеровской Германии.

¹³ «Daily Herald» от 15 мая 1936 года.

Выступая на конференции лейбористской партии в сентябре 1936 г. в Эдинбурге, Дальтон призвал делегатов конференции принять резолюцию, выражающую... сожаление по поводу актов агрессии и призыв мирно договориться с фашистскими агрессорами. «Нарушение договоров,— говорил Дальтон,— стало ежедневным делом фашистов, и мы... (лейбористская партия. — Н. К.) принимаем резолюцию сожаления» (!) ¹⁴.

Обращаясь к делегатам конференции, Дальтон патетически восклицал, что придёт время, когда лейбористы должны будут сказать фашистским государствам — Германии и Италии: закон должен соблюдаться, договоры не должны нарушаться, агрессия не должна совершаться! Но этот момент, по мнению Дальтона, ещё не наступил. Пока что он предлагал сказать: «Приходите (Германия и Италия. — Н. К.) и присоединяйтесь к нам... и если вы считаете, что вам нанесены обиды, скажите нам, что они из себя представляют, скажите это умеренным тоном (!), и мы ответим вам подобным же тоном» ¹⁵.

Дальтон, по сути дела, приглашал Гитлера к сговору. Такого рода заявления председателя исполкома лейбористской партии Хью Дальтона ещё раз показали, что действительной политикой лейбористской партии была политика умиротворения гитлеровских агрессоров и сговора с ними.

Лэнсбери, так же как и Дальтон, призывал «мирно» договориться с Гитлером, защищал гитлеровскую Германию и предлагал признать её «права». С этой целью он предлагал создать международную конференцию великих держав, которая должна будет «полюбовно» разрешить спорные вопросы — о колониях, источниках сырья, рынках сбыта и сферах влияния. Созыв и руководство подобной конференцией Лэнсбери возлагал на США. Лэнсбери не ограничился одними высказываниями, а развил бурную деятельность в целях осуществления своего замысла. В апреле — мае 1936 г. он предпринял поездку в США, где встретился с президентом Франклином Рузвельтом, государственным секретарём Корделлом Хэллом и др. Он выступил с рядом речей, в которых восхвалял американский империализм, рассматривая его как единственную силу, могущую «спасти» мир.

Основной темой беседы Лэнсбери и Фр. Рузвельта была проблема умиротворения фашистских агрессоров — Германии и Италии. Лэнсбери предложил для разрешения всех спорных вопросов созвать международную конференцию с участием США, Англии и Франции, с одной стороны, Германии и Италии — с другой. Такая конференция на деле должна была удовлетворить захватнические притязания фашистских держав.

В своих мемуарах «Моё полномочие ради мира» Лэнсбери с сожалением отмечает, что президент США Фр. Рузвельт «не совсем понял» его благое намерение умиротворения агрессоров и не дал согласия руководить подобной конференцией капиталистических держав.

В то время как фашистские полчища Германии и Италии проливали кровь испанского народа и разрушали испанские города и деревни, Лэнсбери отправился с «оливковой ветвью мира» на поклон к Гитлеру и Муссолини, а генеральный секретарь конгресса британских тред-юнионов сэр Уолтер Ситрин приветствовал Идена и Чемберлена по поводу проводившейся ими империалистической внешней политики.

В апреле 1937 г. Лэнсбери посетил Гитлера в Берлине, взяв на себя «высокую миссию» превратить главу германского фашизма в «миротворца и подлинного христианина». Фашистская Германия гостеприимно встретила посланца лейбористской партии Англии: его встречали представители германского правительства и советник британского посла сэр Оливье Форбес.

¹⁴ «Report of the 36th Annual Conference of the Labour party», p. 182. Edinburgh. 1936.

¹⁵ Там же, стр. 184.

19 апреля Лэнсбери был принят Гитлером. Во время их беседы присутствовал представитель министерства иностранных дел Германии. Лэнсбери передал Гитлеру предложение «созвать международную конференцию для предотвращения войны, на основе взаимной договорённости и сотрудничества». Содержание беседы стало подробно известно только 4 мая 1937 г., когда газета «Таймс» опубликовала материалы, переданные с Лэнсбери. По словам Лэнсбери, Гитлер обещал признать и гарантировать Франции её границы, всячески заверяя в своей дружбе к французскому народу. Он предлагал провести разоружение стран, в том числе сократить армию Германии до 200 тыс. человек. Он заявил о своём желании заключить пакты о ненападении с соседними государствами, выражая готовность уничтожить вооружения, предназначенные для агрессии, — тяжёлую артиллерию, танки; провести ограничение тоннажа морских судов, подводных лодок и т. д. Гитлер обещал, что Германия не откажется от международного сотрудничества.

Гитлеровская печать с особым удовлетворением приводила слова Лэнсбери о том, что «беседа вполне себя оправдала» и что «Германия не хочет войны».

Известно, что подобные обещания Гитлера представляли собой один из многочисленных манёвров гитлеровской Германии. «Высокая миссия» Лэнсбери была лишь на руку Гитлеру, помогая ему в этом очередном демагогическом манёвре.

Визит Лэнсбери был весьма выгоден фашистской Германии и потому, что совпадал с новым манёвром берлинской дипломатии, добивавшейся международного займа и облачившейся для достижения этой цели в шкуру смиренного ягнёнка.

Руководство лейбористской партии возлагало большие надежды на «визиты» Лэнсбери, пытаясь через него связаться с Гитлером и Муссолини и заверить их в том, что они могут беспрепятственно проводить агрессию против Советского Союза. «Дейли геральд» посвятила специальную статью «успеху», который Лэнсбери имел у Гитлера.

8 июля 1937 г. Лэнсбери снова отправился с «высокой миссией» на поклон к фашистскому агрессору, на этот раз уже не к Гитлеру, а к Муссолини. Престарелого лейбористского лидера, которому в то время было 82 года, не смущало то обстоятельство, что он выступал в качестве адвоката агрессоров, поджигателей войны.

Глава итальянского фашизма Муссолини, усиливая интервенцию в Испании, не прочь был в безответственной беседе с лейбористским лидером предстать в образе «святого мужа», жаждущего вечного мира и спокойствия в Европе. Несомненно, что поездка Лэнсбери на поклон к Муссолини была предпринята не без ведома правящих кругов Великобритании.

Лэнсбери был в восторге от той сердечной атмосферы, в которой происходила его встреча с дуче. Он умилялся по поводу того, что не оправдались опасения о возможном холодном тоне встречи с Муссолини. Лэнсбери обсуждал с Муссолини вопросы, касавшиеся взаимоотношений Англии и Италии, вопрос о возможности устранения разногласий между ними посредством заключения полюбовного соглашения, не допускающего возникновения войны.

Возвратившись из Италии в Англию, Лэнсбери выступил в защиту итало-германской интервенции в Испании, доказывая, что Италия не имеет территориальных притязаний и что оккупация ею ряда испанских островов предпринята была с сугубо «мирной» целью. Лэнсбери всячески убеждал английский народ в том, что Италия не будет воевать против Англии.

Италия, по мнению Лэнсбери, делает всё для устранения опасности войны в Европе путём соглашений со своими соседями. Лэнсбери дока-

зывает, что Германия и Италия не хотят войны. «Ни Италия, ни Германия не выиграют ничего от войны, и оба — Муссолини и Гитлер — понимают это прекрасно»¹⁶.

Лэнсбери выставлял Италию как страну, которая готова принять любые меры к тому, чтобы... приостановить гонку вооружений. Он холопски воспевал самого Муссолини, славословил этого презренного убийцу сотен тысяч невинных жертв как человека гуманного, доброго, искреннего друга английского народа.

Выступая в декабре 1937 г., Лэнсбери вновь высказался за необходимость умиротворения Германии и Италии путём созыва мирной конференции, на которой можно было бы договориться по всем спорным вопросам: «Сейчас Великобритания, Германия и Италия должны быть вместе»¹⁷.

Из приведённых выше материалов становится совершенно ясно, почему фашистские правители Германии и Италии так торжественно встречали этого престарелого патриарха лейбористской партии, который выполнял свою гнусную миссию умиротворения агрессора, на деле сводившуюся к оправданию фашизма, его агрессивных действий, сознательно обманывал и убаюкивал бдительность английского народа перед угрозой второй мировой войны.

В 1937 г., когда было уже совершенно очевидно, что дело идёт к большой войне, затеваемой Гитлером при прямом попустительстве Великобритании и Франции, лидеры лейбористов продолжали защищать гитлеровскую Германию. 24 февраля 1937 г. лейборист лорд Арнольд, выступая в палате лордов против политики коллективной безопасности, против франко-советского договора о взаимопомощи, всемерно защищал «мирные» предложения гитлеровской Германии. Спустя год после захвата Гитлером Рейнской области лейбористская партия вновь подтвердила, что одобряет этот агрессивный акт.

Лейбористский депутат Белленджер заявил в палате общин: «Я приветствую тот факт, что Германия отбросила навязанные ей кандалы (Версальский договор. — Н. К.). Я бы предпочёл, чтобы она это сделала в сотрудничестве с другими державами, подписавшими этот договор, т. е. мирно, а не столь воинственно, как она это сделала»¹⁸.

Такой мягкий выговор по адресу гитлеровской Германии, милитаризовавшей Рейнскую область, служил, по существу, приглашением к дальнейшей агрессии. В этом отношении симптоматично поведение лейбористов по вопросу об «аншлюссе».

Когда три крупных английских профсоюза: горняков, машиностроителей и железнодорожников — после захвата Австрии потребовали от Генерального совета Конгресса тред-юнионов созыва специального конгресса для обсуждения вопроса о сохранении и защите мира¹⁹, Генеральный совет во главе с Ситрином отказался созвать такой конгресс.

Захват Гитлером Австрии показал сотням тысяч англичан, остававшихся долгое время политически индифферентными, профашистский характер правительства Чемберлена.

Коммунистическая партия Англии обратилась к лейбористской партии с призывом объединить все силы рабочего класса, организовать мощную кампанию против правительства Чемберлена. Этот призыв коммунистической партии был услышан всеми прогрессивными силами, но ру-

¹⁶ G. Lansbury. My Pilgrimage for Peace, p. 142.

¹⁷ G. Lansbury. Peace through economic cooperation, p. 8. London. 1937.

¹⁸ B. Webb. The House divided, p. 33.

¹⁹ В уставе Конгресса британских тред-юнионов имеется параграф, который гласит: «Исходя из необходимости для профсоюзного движения сделать всё, что в его силах, чтобы предупредить войну в будущем, генеральный совет должен в случае опасности войны созвать специальный конгресс, который должен будет принять решение относительно действий профсоюзов».

ководство лейбористской партии, отказавшись от переговоров с компартией, развернуло бешеную кампанию против создания народного фронта.

Видный лейбористский историк Коль вынужден был признать, что «лейбористские лидеры не хотели вести борьбу с фашизмом, не хотели идти вместе с народным фронтом... что они боялись этого фронта»²⁰. Коль не сказал главного: он не сказал того, что лейбористские лидеры так решительно выступили против кампании по созданию народного фронта потому, что в последнем они увидели силу, которая могла свалить правительство Чемберлена и повести действительную борьбу против фашизма. А это не входило в планы и расчёты лейбористских лидеров, видевших своего главного врага не в фашизме, а в коммунизме: «Для Ситрина, Бевина... главный противник не Франко, а героиня испанского народа Долорес Ибаррури, не де ля Рок и Гитлер, а Торез и Тельман»²¹.

В условиях военной интервенции фашистских держав в Испании и возраставшей угрозы демократии и всеобщему миру огромное значение приобретало единство действий международного пролетариата, единство действий международных организаций рабочего класса, которое могло помешать интервенции, сорвать планы поджигателей новой войны, сохранить мир. «Установление единства действий международного пролетариата против общего врага, смертельного врага всего человечества — фашизма является основной неотложной задачей рабочих организаций всего мира»²².

Между тем руководство II Интернационала и Амстердамского объединения профсоюзов делало всё для того, чтобы сорвать это единство. В этой раскольнической деятельности ему помогала лейбористская партия, лидеры которой выступали штрейкбрехерами пролетарского единства, предателями интересов демократии во всём мире. Лейбористские лидеры были инициаторами и руководителями кампании за срыв единства действий международного пролетариата. Представители лейбористской партии во II Интернационале и в Амстердамском объединении профсоюзов, действуя рука об руку с правительствами капиталистических стран, прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить совместных действий с Коммунистическим Интернационалом. В то же время лейбористская партия, как и другие партии II Интернационала, стремилась обойти молчанием решительную позицию СССР по отношению к фашистским державам, борьбу Советского Союза против политики «невмешательства».

Нельзя назвать иначе, как предательским, поведение лейбористских руководителей Конгресса британских тред-юнионов на международной конференции профсоюзов в мае 1938 г. в Осло. На этой конференции были поставлены два чрезвычайно важных вопроса: о международном профсоюзном единстве и о борьбе против войны и фашизма.

В то время как империалистическая реакция всё теснее спланировала свои ряды и англо-французская реакция всё более открыто сотрудничала с фашистскими агрессорами, в то время как Гитлер уже захватил Австрию и готовился расправиться с Чехословакией, Ситрин, Бевин и К° решительно выступали в Осло против международного профсоюзного единства, в частности против объединения советских профсоюзов с Амстердамским объединением профсоюзов. Бевин, Ситрин и К° прекрасно понимали, что отрицательное решение вопроса о международном профсоюзном единстве означало в то же время и отказ от серьёзных и эффективных мер в борьбе против войны и фашизма. В то время как пролетарские массы стремились к этой борьбе, руководство Амстердамского объединения профсоюзов (Ситрин и другие) вновь обмануло чаяния международного пролетариата: оно не только отвергло участие советских профсоюзов в между-

²⁰ D. Cole. The people's front, p. 34. London. 1937.

²¹ «Коммунистический Интернационал» № 5 за 1937 г., стр. 20.

²² Там же, стр. 18.

народном объединении профсоюзов, но и не пожелало вести с ними дальнейшие переговоры об установлении международного профсоюзного единства.

Когда сторонники единства действий, составлявшие на конференции меньшинство, потребовали принять решительные меры борьбы против фашизма, в частности, меры бойкота агрессоров, Ситрин и другие лидеры Амстердамского объединения приложили все усилия к тому, чтобы не дать конференции принять решение о бойкоте. Тактика лейбористов продолжала оставаться тактикой предательства и лицемерия.

Ситрин всячески запугивал участников конференции тем, что в случае применения бойкота против агрессоров Гитлер начнёт войну. Господа ситрины и шевенельсы, по сути дела, выступали от имени своих правительств, которые проводили политику поощрения фашистских агрессоров. Они выполняли заказ своего монополистического капитала — сорвать единство действий международного пролетариата и тем самым помешать принятию решительных мер против фашистских агрессоров.

В это время угроза фашистской агрессии стала особенно реальной для Чехословакии. Ещё 29 февраля 1938 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, угрожающе заявил о своём намерении «объединить» в рейхе немцев, живущих на территории Чехословакии. Активную пропаганду за присоединение к Германии вела гитлеровская агентура в Чехословакии — «судетонемецкая партия», во главе которой стоял Генлейн. Эта партия требовала такой «автономии» для Судетской области, которая, по существу, означала расчленение чехословацкого государства, что должно было облегчить Германии порабощение всей страны.

Для маскировки своих агрессивных планов гитлеровская дипломатия пока ещё повторяла свои фальшивые заверения о том, что Германия не имеет территориальных претензий к Чехословакии. Эти заверения рекламировались правительствами Англии и Франции, за кулисами ведшими переговоры с Германией о расчленении Чехословакии.

Только Советский Союз последовательно вёл борьбу в защиту демократии, за систему коллективной безопасности, за принятие решительных мер против фашизма и войны. Решительная позиция Советского Союза сорвала намерение «умиротворителей» фашизма провести в начале 1938 г. в Лиге наций решение об отмене ст. 16 Устава (статья о санкциях против агрессоров).

Противодействие Советского Союза помешало Польше в марте 1938 г. захватить Литву. Благодаря активному вмешательству Советского Союза опасность вооружённого конфликта между Польшей и Литвой была предотвращена.

Видя, что ни Англия, ни Франция не собираются воевать с Германией из-за Чехословакии, Гитлер начал готовиться к вторжению в эту страну. Однако он ещё не решался открыто напасть на Чехословакию, надеясь использовать правительство Чемберлена для дипломатического нажима на Чехословакию с целью её расчленения. Надежды Гитлера оправдались.

3 августа последовала организация «миссии Ренсимена», который был рекомендован как «беспристрастный посредник» между Германией и Чехословакией. Ренсимен грозил Чехословакии, что в случае войны она будет разбита гитлеровскими войсками и её неуступчивость лишит её всякой поддержки Англии и Франции.

Газета «Таймс» 7 сентября настоятельно предлагала правительству Чехословакии немедленно передать Германии «судетскую окраину». Правящие круги Англии всё более и более открыто говорили о том, что упорство Чехословакии может вызвать войну в Европе. Поэтому, чтобы предупредить войну, следует безоговорочно удовлетворить все требования Германии.

В этих условиях лидеры лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов оказали поистине «неоценимую» услугу правящей клике Великобритании своей политикой поддержки правительства Чемберлена, политикой обмана широких масс английского народа, возлагавшей все надежды в разрешении чехословацкого вопроса на переговоры Чемберлена с Гитлером.

Следует сопоставить события, происходившие в дипломатических сферах, с поведением лейбористских лидеров на 70-м съезде британских тред-юнионов 5—9 сентября 1938 г. в Блэкпуле.

Несмотря на подробную информацию о деятельности Ренсимена, которую представили съезду профсоюзы Чехословакии, лейбористские лидеры на конгрессе тред-юнионов отказались поверить тому, что Чемберлен намерен принудить Чехословакию к отказу от Судетской области в пользу фашистской Германии. На этом основании руководство Блэкпульского конгресса тред-юнионов отказалось призвать английских рабочих к борьбе против Чемберлена и его политики сговора с Гитлером, отказалось осудить «миссию Ренсимена как прогерманскую» и предупредить профсоюзное движение о готовившемся предательстве в отношении Чехословакии. Более того: Генеральным советом была предпринята атака против тех профсоюзов и их представителей, которые на съезде требовали проведения кампании в защиту Чехословакии и против реакционной политики правительства Чемберлена в этом вопросе.

Лидеры лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов, а также их орган «Дейли геральд» обманывали английский народ, пытаясь изобразить миссию лорда Ренсимена как миссию миротворческую.

Председатель Конгресса тред-юнионов Эльвин всячески защищал правительство Чемберлена, изображая его «искренним другом» чехословацкого народа, который, мол, только и думает о том, чтобы помочь Чехословакии. Эта лживая пропаганда, проводимая руководством Конгресса тред-юнионов, понадобилась ему для того, чтобы скрыть от английского народа подготавливавшееся предательство чехословацкого народа правительствами Англии и Франции, с целью натравливания фашистского агрессора против СССР.

«Дейли уоркер» указывала, что выступления на конгрессе тред-юнионов членов исполкома лейбористской партии, парламентской фракции этой партии и членов Генерального совета Конгресса тред-юнионов были, как две капли воды, похожи на выступления английских министров. «Эти чиновники угрожают рабочему классу расколом, если конгресс примет какие-либо решения о проведении в жизнь требований рабочих»²³.

Когда же 15 сентября 1938 г. Чемберлен отправился в Берхтесгаден для реализации своего плана предательства Чехословакии, лидеры лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов не только не заклеили этот визит Чемберлена как чудовищный заговор против мира, но, наоборот, восхваляли его как смелый поступок человека, решившего «сохранить мир». «Чемберлен,— справедливо отмечал коммунистический журнал «Лейбор монсли»,— отправился к Гитлеру не только под приветствия нацистов; он прибыл на поклон к Гитлеру не только под возгласы «Хейл Чемберлен!» и «Хейл Гитлер!»,— ему сопутствовали аплодисменты официального лейбористского органа и восторженные крики лидеров Конгресса тред-юнионов»²⁴.

Чемберлен информировал лидеров лейбористской партии Эттли и Гринвуда о целях своей поездки к Гитлеру. Накануне полёта Чемберлена к Гитлеру «Дейли геральд», возлагая большие надежды на Гитлера и Чемберлена, уверяла своих читателей, что чехо-судетские переговоры идут успешно. Касаясь речи, произнесённой Гитлером в Нюрнберге по вопросу

²³ «Daily Worker» от 10 сентября 1938 года.

²⁴ «Labour Monthly». Т. 20, № 10 за 1938 год, стр. 597.

о чехо-судетских переговорах», «Дейли геральд» писала: «Гитлер не сказал ничего, что могло бы приостановить переговоры. Это очень хорошо. Он ничего не сказал и о плебисците или об объединении области с Германией»²⁵.

Так «Дейли геральд» хвалила «миролюбие» Гитлера, ублаживая рабочих насчёт реальной опасности, которая угрожала миру. И в то же время она подсказывала Гитлеру, чего ещё он может потребовать, какой тактики для дальнейшего успеха своей агрессии ему следует придерживаться, какой ещё нажим Гитлер может осуществить.

В передовой статье «Британское мнение» «Дейли геральд» воспевала «миролюбие» Гитлера, доказывая, что есть возможность мирно урегулировать вопрос между судетскими немцами и чехословаками. «Судетские переговоры продолжаются,— писала газета.— Гитлер угрожал. Но (!) Гитлер не стал угрожать немедленным нападением... не сделал этого потому, что он видит, что это означало бы войну. Можно верить в возможность мирного разрешения вопроса между судетцами и чехословаками»²⁶.

«Дейли геральд» с восторгом встретила решение Чемберлена лично отправиться в Берхтесгаден для переговоров с Гитлером. В своей передовой под заголовком «Желаем Вам успеха, мистер Чемберлен» она утверждала: «Чемберлен имеет целью завоевать симпатии общественного мнения независимо от партийности»²⁷.

Так лейбористским руководством последовательно проводилась политика содействия Чемберлену и его правительству, стремившихся принудить Чехословакию к уступкам Гитлеру и направить агрессию Германии против СССР. Взяв под защиту Чемберлена, «Дейли геральд» пыталась обмануть английских рабочих и рабочих всего мира, утверждая, что предпринятый премьером Великобритании шаг, т. е. его переговоры с Гитлером, якобы встретил всеобщую поддержку в Англии: «Не может быть вопроса, что в решении полететь в Берхтесгаден для личных переговоров с г. Гитлером мистер Чемберлен предпринял смелый шаг, который получит всеобщую поддержку»²⁸.

Более того, предательскую позицию правительства Чемберлена «Дейли геральд» пыталась выдать за позицию всего британского народа: «Было бы опасно, если бы господин Гитлер неправильно понял позицию Британии, которая является не только позицией одного правительства, но в целом британского народа»²⁹.

Взывая к миролюбию Гитлера, газета указывала, что если он мирно и «откровенно» заявит, чего он хочет добиться для судетских немцев, то его предложения можно будет рассмотреть и удовлетворить мирным путём³⁰, т. е. путём сговора за счёт Чехословакии.

Лейбористский орган лицемерно возлагал надежды на «мирные» переговоры в Берхтесгадене: «В Берхтесгадене мы надеемся достигнуть самого полного и дружественного обмена мнениями между Чемберленом и господином Гитлером»³¹.

В то время как лейбористские лидеры и их печатный орган так рьяно поддерживали паломничество Чемберлена к Гитлеру, в Берхтесгадене между «фюрером» и главой английского правительства заключалась сделка за счёт Чехословакии. Гитлер потребовал полного «самоопределения» для судетских немцев,— иными словами, присоединения Судетов к Германии. После трёхчасовой беседы с Гитлером Чемберлен вылетел

²⁵ «Daily Herald» от 13 сентября 1938 года.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же от 15 сентября 1938 года.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же от 16 сентября 1938 года.

в Лондон для консультации с членами британского кабинета и с главой французского правительства Даладье.

«Дейли геральд» с присущей ей рабской угодливостью перед буржуазными правителями писала, что по возвращении из Берхтесгадена Чемберлен был встречен на аэродроме ликующей толпой, умолчав при этом, что среди тех, кто приветствовал Чемберлена, было много обманутых лейбористами, надеявшихся, что Чемберлен окажет Гитлеру сопротивление и не допустит расчленения Чехословакии. Их присутствие английская реакция вкупе с её усердными агентами из «Дейли геральд» выдавала за свидетельство выражения народного «доверия» Чемберлену.

«Дейли геральд» «забыла» отметить очень показательное для тех дней явление: в тот же день и на том же аэродроме грандиозная толпа англичан встречала приглашённых в Лондон Даладье и Боннэ криками: «Никаких уступок Гитлеру! Поддержите чехов!»

Лейбористская печать убаюкивала английский народ постоянными уверениями, что войны не будет, что Гитлер якобы не хочет войны. Сообщая о переговорах между Чемберленом и Гитлером, «Дейли геральд» писала: «Переговоры сами по себе не означают мира, но равно не может быть мира и без них»³². Газета торжествовала по поводу того, что Чемберлен, ведя переговоры с Даладье, прежде чем прийти к решению по чехословацкому вопросу, принял делегацию от национального исполкома лейбористов — Хью Дальтона, Герберта Моррисона и сэра Уолтера Ситрина. Конечно, «Дейли геральд» сохранила в тайне от читателей, о чём беседовал Чемберлен с лейбористским руководством, ограничившись лишь указанием на то, что «справедливость по отношению к чехословакам не менее, чем по отношению к судетцам, должна быть основой урегулирования вопроса»³³.

В то время как английское и французское правительства осуществляли империалистический сговор с гитлеровской Германией за счёт Чехословакии, заседавший непрерывно Национальный совет лейбористской партии не принял никаких конкретных решений в защиту Чехословакии. Лидеры лейбористской партии ссылались на то, что они не могут принять никакого решения, не согласовав его с французской социалистической партией и II Интернационалом.

19 сентября 1938 г. Национальный совет лейбористской партии под давлением местных организаций вынужден был принять и опубликовать резолюцию с критикой Чемберлена и призывом к организации кампании протеста. Но, «осуждая» на словах переговоры Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене, Национальный совет лейбористов на деле пытался возложить ответственность за судьбу Чехословакии на правительства СССР и Франции, выгораживая от ответственности английское правительство.

Руководство лейбористской партии перед вторым, как и перед первым, посещением Гитлера Чемберленом заверяло массы, что Чемберлен готовится наконец дать отпор Гитлеру. На собраниях лейбористов лидеры этой партии заявляли о своей поддержке любых мероприятий, которые примет Чемберлен против наступления Гитлера. Доверие к Чемберлену — такова была линия лейбористского руководства.

Только коммунистическая партия Англии через свою печать, на собираемых ею митингах и собраниях постоянно и настойчиво предупреждала английский народ об угрожающей Чехословакии опасности и решительно выступала против сговора Чемберлена с Гитлером. Коммунистическая партия разоблачала предательскую роль лидеров лейбористов и Генерального совета Конгресса тред-юнионов. Коммунистическая партия требовала отзыва Ренсимена из Праги. Она вела работу по моби-

³² «Daily Herald» от 17 сентября 1938 года.

³³ Там же от 19 сентября 1938 года.

лизации всех сил рабочего класса для борьбы против профашистской политики Чемберлена, за решительные меры в защиту чехословацкого народа. Коммунисты призывали массы выйти на улицу с требованием отставки правительства Чемберлена.

В заявлении ЦК коммунистической партии от 14 сентября говорилось: «Всё зависит от того, как скоро рабочее движение станет во главе британского народа, как скоро будет положен конец профашистской деятельности Чемберлена и английское правительство под нажимом масс станет рядом с Советским Союзом»³⁴.

13 сентября лондонский комитет коммунистической партии организовал в Лондоне большую демонстрацию протеста против действий германских фашистов. От имени демонстрантов английскому правительству был вручён меморандум с требованием принять решительные меры в защиту Чехословакии. Рабочие фабрик и заводов, среди которых были и члены местных организаций лейбористской партии, в резолюциях, принятых на многочисленных митингах, проходивших по всей Англии, требовали изменения внешней политики правительства и принятия необходимых мер по ограждению Чехословакии от германской агрессии. Коммунистическая партия Великобритании заклеймила паломничество Чемберлена к Гитлеру как предательство мира и демократии. «Чемберлен полетел к Гитлеру,— писала «Дейли уоркер»,— не для того, чтобы остановить войну, а для того, чтобы предать мир и демократию»³⁵.

XV съезд коммунистической партии Великобритании (16—19 сентября 1938 г.) решительно осудил реакционную политику правительства Чемберлена. Съезд потребовал отказа от прогитлеровской политики правительства, призвал английский народ не допустить дальнейших визитов Чемберлена к Гитлеру и дальнейших уступок агрессору, призвал рабочее движение к тесному союзу с СССР. Коммунистическая партия решительно выступила против сделки правительства Великобритании с Германией за счёт Чехословакии, против присоединения Судетской области к Германии, против «гарантий», даваемых Англией относительно новой чехословацкой границы.

Коммунистическая партия указывала, что ответственность за организацию борьбы против империалистической политики правительства Чемберлена падает на рабочее движение Англии в целом. В момент напряжённой международной обстановки это движение не было единым, чему виной была предательская деятельность лидеров лейбористской партии. «Лидеры лейбористской партии,— говорил Г. Поллит на съезде,— ищут сотрудничества с Чемберленом и проводят политику, которая держит рабочее движение расколотым и слабым»³⁶.

Коммунистическая партия решительно боролась за единство действий рабочего класса, за единство всех прогрессивных сил страны. «Наш конгресс,— говорил Поллит,— имеет главную цель... сформулировать политику, которая поможет рабочему движению и всем сторонникам прогресса, понимающим угрозу войны и опасность, стоящую перед лицом демократии, объединить свои усилия для того, чтобы свергнуть национальное правительство»³⁷.

Английские коммунисты разоблачили манёвр Чемберлена, который в целях оправдания своей предательской политики в чехословацком вопросе старался убедить английский народ в необходимости принять предъявленные Гитлером условия, так как отклонение их будто бы означало войну. Коммунисты возглавили массовую кампанию протеста против чемберленовского плана расчленения Чехословакии; в этой кампании

³⁴ «Daily Worker» от 14 сентября 1938 года.

³⁵ Там же от 16 сентября 1938 года.

³⁶ «Report of the 15th Congress of the Communist Party of Great Britain», p. 45. Birmingham. 1938.

³⁷ Там же, стр. 27.

приняли участие также профсоюзы, кооперативная партия и отдельные местные организации лейбористской партии.

Федерация горняков Южного Уэльса приняла резолюцию, в которой призывала все общественные организации решительно выступить против политики, проводимой правительством по отношению к чехословацкому народу. Аналогичные резолюции приняли: лондонский окружной комитет объединённого профсоюза машиностроителей, профессиональный совет Манчестера, Сальфорда, делегаты союза государственных служащих, профессиональный совет Шеффилда, профессиональный союз машиностроителей Бирмингама, объединённый союз рабочих судостроительной и машиностроительной промышленности, насчитывавший свыше 500 тыс. человек, и многие другие рабочие предприятий и прогрессивные организации.

23 сентября перед зданием английского правительства была организована десяти тысячная демонстрация в знак протеста против политики предательства Чехословакии. Демонстранты шли с лозунгами: «Защитите Чехословакию!», «Чемберлен должен уйти!». В тот же день состоялась демонстрация рабочих-печатников, которые также требовали отставки Чемберлена. Вечером многочисленные демонстрации направились к зданию правительства с призывами «Остановите Гитлера, остановите войну!»

24 сентября во время заседания английского кабинета к зданию правительства прибыла делегация из 30 представителей от объединённого союза машиностроителей Лондонского района и национального объединённого союза деревообделочников; она вручила правительству декларацию, в которой требовала немедленного прекращения переговоров с Гитлером и изменения политического курса правительства.

Многочисленные резолюции собраний и митингов, тысячи и десятки тысяч писем читателей газет, заявления рабочих и прогрессивных организаций и отдельных видных деятелей свидетельствовали о том, что широкие слои английской общественности охватило глубокое возмущение предательской политикой правительства Чемберлена и его пособников — лидеров лейбористской партии.

Так вопреки политике лейбористских лидеров народные массы выступили против политики Мюнхена. По этой причине прибывший в Годесберг Чемберлен не смог сразу принять предъявленные ему Гитлером требования. Чтобы осуществить сговор с Гитлером, пришлось прибегнуть к широко задуманному манёвру.

С этой целью правительство Чемберлена начало «психическую атаку» на английское общественное мнение. Населению внушалось, будто бы над Англией нависла военная опасность и что мирное течение жизни будет немедленно нарушено, если правительство откажется от соглашения с Гитлером. По всей Англии демонстративно проводились военные приготовления. В печати сообщалось о том, что в правительственных кругах обсуждается план перелома в течение 24 часов всей тяжёлой промышленности на военное положение. Проводились приготовления для эвакуации автомобильных заводов, мобилизации всех видов транспорта. В Лондоне были открыты бомбоубежища. Во всех районах города и в предместьях были установлены зенитные орудия и прожекторы; вокруг общественных зданий укладывались мешки с песком.

22 сентября в Лондоне были открыты 14 пунктов для раздачи противоголодов. Министерство торговли объявило, что предвидится введение продовольственных карточек; три тысячи лондонских полицейских из резерва получили приказ явиться на службу для оказания «помощи» регулярной полиции; распространялись слухи о предстоящей эвакуации населения столицы.

Правительство Чемберлена, а с ним и правительство Франции всячески раздували панику. «Шантаж войной» был им нужен для того, чтобы подготовить народы своих стран к сговору с Гитлером, к открытой измене обязательствам, взятым по отношению к Чехословакии. При этом Чембер-

лен и Даладье пытались изобразить своё предательство как «миротворческий акт».

Лидеры лейбористской партии и лейбористский официоз «Дейли геральд» не только не предостерегали английский народ от опасности нового предательства со стороны Чемберлена, но внушали ему уверенность в том, что Чемберлен наконец даст отпор Гитлеру. Они обманывали бдительность английских рабочих и тем сослужили немалую службу британским империалистам, подготавливая почву для мюнхенского предательства.

Накануне экстренного заседания палаты общин (28 сентября), созванного в связи с новым требованием Гитлера о передаче к 1 октября Судетской области Германии, парламентская фракция лейбористской партии на своём совещании приняла преступное решение воздержаться от резкой критики Чемберлена и обещать ему всяческую поддержку. Большого Чемберлен и не мог желать от «оппозиции».

В эти решающие для Чехословакии и для судеб мира дни лейбористская партия стала на сторону правительства Чемберлена, которое вместе с правительством Даладье во Франции всё дальше и дальше шло по пути преступного сотрудничества с Гитлером и Муссолини, вылившегося 30 сентября 1938 г. в мюнхенский заговор против демократии и мира, против страны победившего социализма — СССР.

Лидеры лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов, которым ещё до открытия парламента 28 сентября было известно о проекте созыва так называемой конференции четырёх держав в Мюнхене, не только ничего не сделали для того, чтобы разоблачить предательство кабинета Чемберлена и показать широким массам английского народа, что страна стоит перед двумя путями: либо коллективного отпора Гитлеру и борьбы за демократический мир либо империалистического сговора с Гитлером за счёт демократии и мира, — но, наоборот, верные себе, поддержали Чемберлена.

На заседании палаты общин лидер парламентской фракции лейбористской партии Эттли более чем одобрительно высказался по адресу Чемберлена. В дни мюнхенского сговора Генеральный совет Конгресса тред-юнионов в лице Уолтера Ситрина заявил, что Чемберлен является поборником мира против фашизма. Ситрин восторженно отзывался об искреннем желании Чемберлена «бороться за мир» и призывал «верить Чемберлену». В эти дни коммунистический журнал «Лейбор монсли» с полным основанием указывал: «События настоящего кризиса (речь Гитлера в Нюрнберге, ультиматум Генлейна, поездка Чемберлена к Гитлеру и план расчленения Чехословакии) явились одно за другим мрачным комментарием к ситринговскому призыву «верить Чемберлену»³⁸.

Докладывая парламенту 28 сентября о переговорах с Гитлером в Берхтесгадене и Годесберге, Чемберлен уверял палату общин в том, что Гитлер дал «чрезвычайно серьёзное заверение в том, что после удовлетворения его требований в отношении Судетов Германия не будет больше выставлять никаких территориальных претензий в Европе». Чемберлен при этом всячески восхвалял себя и свою «миссию» к Гитлеру, заявляя, что только так можно было предотвратить войну. «Я не сомневаюсь, — говорил Чемберлен, — что только мой визит к Гитлеру предотвратит вторжение (в Чехословакию. — Н. К.)»³⁹. В это время Галифакс передал ему записку. Прочитав её, Чемберлен заявил: «Я ещё не всё сказал палате, я должен сделать дополнительное сообщение. Господин Гитлер приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене завтра. Нет необходимости в том, чтобы я сказал вам, каков может быть мой ответ»⁴⁰.

³⁸ «Labour Monthly». Т. 20. № 10 за 1938 г., стр. 594.

³⁹ «Parliamentary debates House of Commons. Official Report». Vol. 339, № 16, p. 15.

⁴⁰ Там же, стр. 26.

Лидер лейбористской оппозиции Эттли поднялся тогда со своего места для того, чтобы «от всей души» приветствовать эту новость. «Я абсолютно уверен,— заявил Эттли,— что каждый в палате общин доброжелательно отнесётся к заявлению премьер-министра о том, что в этот поздний час появилась новая благоприятная возможность для дальнейшей дискуссии, которая может повести к предотвращению войны. Я уверен, что каждый член палаты общин не пожелает пренебречь шансом сохранения мира» (т. е. сговором с Гитлером за счёт Чехословакии) ⁴¹.

Такая позиция Эттли была логическим продолжением линии, принятой реакционным руководством лейбористской партии и сводившейся к поддержке чемберленовской политики «умиротворения» фашистского агрессора, натравливания его против СССР.

Только один член парламента, коммунист Галлахер, протестовал в палате общин против готовившегося предательства. «Никто не желает мира более, чем я и моя партия,— заявил Галлахер,— но мы хотим мира, основанного на свободе и демократии, а не на расчленении и разрушении малой страны. Именно к расчленению Чехословакии ведёт политика «национального» правительства. Я решительно возражаю против принесения в жертву Чехословакии» ⁴².

Получив одобрение своих предательских действий, таким образом, не только со стороны консервативных членов палаты общин, но и со стороны парламентской фракции лейбористской партии, Чемберлен 29 сентября, в третий раз, направился в Германию на конференцию четырёх держав. На этой конференции, происходившей 29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене, Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье, как известно, оформили свой сговор о расчленении Чехословакии.

По решению Мюнхенской конференции Чехословакия должна была передать Германии не только Судетскую область, но и все граничившие с Австрией районы, которые ей предстояло «очистить» между 1 и 10 октября. Все военные сооружения, находившиеся в этих районах, подлежали передаче Германии. В соглашении указывалось на необходимость «урегулировать» вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах в Чехословакии, что на деле означало отторжение от Чехословакии ещё некоторой части её территории в пользу Польши и Венгрии. После «урегулирования» этого вопроса остальной части Чехословакии должны были быть предоставлены гарантии четырёх держав — Англии, Франции, Германии и Италии — против неспровоцированной агрессии.

Так правительства Чемберлена и Даладье осуществили свой преступный план: отдали немцам районы Чехословакии как цену за обязательство гитлеровской Германии начать войну с Советским Союзом.

Чехословакия была предана с ведома и при активном содействии правящих кругов США. Американские монополисты Морган, Дюпон, Рокфеллер и их агенты поощряли гитлеровскую агрессию. Выступая на секретном совещании, имевшем место в Сан-Франциско 23 ноября 1937 г., на котором присутствовали гитлеровские эмиссары фон Типпельскирх и фон Киллинггер и от США семь крупных промышленников и членов конгресса, сенатор Ванденберг заявил, что во внешней политике нужно стремиться к сближению США с Германией для совместной борьбы против Советского Союза. В январе 1938 г. Ванденберг выступил в защиту резолюции, внесённой в конгресс, о том, что в случае войны США не будут участвовать в едином фронте отпора агрессору.

Бывший президент США Г. Гувер, посетивший в начале 1938 г. Гитлера в Берлине, был не только информирован о германских планах относительно Чехословакии, но и проявил немало энергии, помогая осу-

⁴¹ «Parliamentary debates House of Commons. Official Report». Vol. 339, № 16, p. 26.

⁴² Там же, стр. 28.

шествованию этих планов. Гувер решительно выступал против коллективной безопасности, открыто призывал не препятствовать Гитлеру в его деятельности и не мешать его планам. В оправдание подобной пропаганды Гувер указывал на тот факт, что Германия в результате сговора с ней будет повернута на Восток, т. е. против Советского Союза.

Правящие круги США в мае 1938 г. отказались отменить эмбарго на вывоз оружия. Заявление государственного секретаря США Хэлла от 12 мая 1938 г., что он не поддержит резолюцию об отмене эмбарго, свидетельствовало о том, что вопрос об оказании помощи Испании был снят с повестки дня, чего и добивались Гитлер и Чемберлен.

Такая позиция правящих кругов США сыграла важную роль и в развитии чехословацких событий: она развязывала руки Гитлеру для захвата Чехословакии.

Так правящие круги Англии, США и Франции расчищали путь гитлеровской агрессии, неизменно направляя её против СССР.

Мюнхенский сговор вызвал глубокое возмущение в самых различных слоях английской общественности. С протестами выступали профсоюзы, члены кооперативного движения, рядовые лейбористы, политические деятели, писатели и публицисты.

Лейбористские лидеры, видя недовольство и возмущение, охватившие широкие слои английского народа, попытались снять с себя ответственность за мюнхенский сговор. «Обрушившись» на Чемберлена, который, мол, не оправдал их надежд, лейбористы прикинулись сторонниками союза Англии с СССР, «противниками» гитлеровской Германии и её агрессивных действий. Однако ничто не может скрыть от народов мира преступное соучастие лейбористских лидеров в мюнхенском сговоре, предательстве и выдаче Чехословакии гитлеровской Германии, натравливании Гитлера против СССР.

Следует отметить, что даже после Мюнхена, объявив себя «противниками» Чемберлена, лейбористы отдавали ему «должное». Обманывая английский народ, они всячески пытались уменьшить силу протеста широких масс против политики сговора Чемберлена с агрессором. С этой целью лидеры лейбористской партии распустили слух о величайшей якобы заслуге Чемберлена в деле защиты и сохранения мира. Так, Эттли, выступая в палате общин 3 октября 1938 г., говорил: «Каждый член парламента признаёт огромные усилия, которые он (Чемберлен. — Н. К.) вложил в дело мира»⁴³.

Мюнхенскому сговору в значительной мере способствовало то обстоятельство, что рабочий класс вследствие раскольнической, капитулянтской политики лидеров II и Амстердамского Интернационалов — Ситрина и К° — и крупнейшей партии II Интернационала — лейбористской партии Англии — не смог сплотить свои силы и сорвать преступный заговор германского фашизма и английской реакции.

В воззвании Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции говорилось: «В своей смертельной ненависти к социализму, к международному рабочему классу, ко всему демократическому движению империалистические клики Англии и Франции заключили контрреволюционный союз с германским и итальянским фашизмом... Не мир спасали английские и французские реакционеры, они спасали германский фашизм от банкротства. Они укрепили позиции Гитлера для ведения большой войны»⁴⁴.

Только Советский Союз последовательно выступал в защиту независимости и национальных прав Чехословакии. СССР полностью сохра-

⁴³ «Parliamentary debates House of Commons. Official report». Vol. 339. № 16, p. 52.

⁴⁴ «Коммунистический Интернационал» № 10 за 1938 год, стр. 120.

ния верность своим международным обязательствам в отношении Чехословакии.

Когда в середине сентября 1938 г. чехословацкое правительство запросило советское правительство о том, готово ли оно в соответствии с пактом между СССР и Чехословакией оказать ей немедленную и действительную помощь, если таковая будет оказана также и Францией, советское правительство тотчас же ответило положительно.

В критические дни 27—28 сентября советское правительство высказалось за созыв международной конференции для оказания коллективной помощи Чехословакии и для принятия решительных мер в целях сохранения мира. Более того, Советский Союз своим решительным предупреждением польскому правительству предотвратил вторжение польских войск на территорию Чехословакии.

Председатель коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд на торжественном митинге в Праге в декабре 1949 г. в честь семидесятилетия И. В. Сталина привёл замечательное свидетельство той последовательной и решительной позиции Советского Союза, которую он занимал в период чехословацких событий. «В критическом 1938 году я был приглашён в гости к Сталину,— сказал К. Готвальд.— В продолжительном разговоре мы обсудили положение Чехословакии и вопрос о советской помощи на случай нападения на Чехословакию гитлеровской Германии. Тогда Сталин заявил мне ясно, что Советский Союз готов оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если этого не сделает Франция, что было условием советской помощи, и даже в том случае, если тогдашняя бековская Польша или боярская Румыния откажутся пропустить советские войска. Конечно, подчеркнул Сталин, Советский Союз может оказать помощь Чехословакии при одном условии: если сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи»⁴⁵.

Как известно, господствующая клика чехословацкой буржуазии в страхе за свои классовые интересы отказалась от помощи Советского Союза и предпочла позорную капитуляцию.

В момент паники среди буржуазных пацифистов и предательства империалистических держав советское правительство сохранило спокойствие и осталось верным своим договорным обязательствам. СССР проявил твёрдую решимость бороться в защиту мира и демократии, против поджигателей войны.

Когда гитлеровская Германия полностью оккупировала Чехословакию (18 марта 1939 г.) и правительства империалистических стран стали заявлять о признании «совершившегося факта», советское правительство в ноте от 18 марта заклеямило захват Чехословакии гитлеровской Германией при пособничестве Англии и Франции как акт произвола, насилия и агрессии. В этой же ноте советское правительство указало, что действия Германии усилили угрозу всеобщему миру, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы ещё ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»⁴⁶.

Лейбористская партия Англии занимала позицию, соответствовавшую общему курсу британского империализма, направленному на использование гитлеровской Германии для войны против СССР. Английские лейбористы проводили политику сговора с германским фашизмом и разными средствами оправдывали агрессивные акты Гитлера. Лейбористские лидеры оправдывали занятие немецкими войсками Рейнской обла-

⁴⁵ Газета «За прочный мир, за народную демократию!» № 32 от 21 декабря 1949 года.

⁴⁶ Газета «Известия» от 20 марта 1939 года.

сти, Австрии, поддерживали в период итапо-германской интервенции в Испании политику правящей клики Англии и Франции, политику «невмешательства», что на деле означало попустительство агрессии и развязывание войны. Лейбористская партия и её лидеры ратовали за предоставление колоний гитлеровской Германии, конечно, стремясь осуществить это не за счёт британских колониальных владений, в защиту которых они постоянно выступали, а за счёт других стран — за счёт превращения Восточной Европы в колонию гитлеровской Германии. Они постоянно вели лживую пропаганду, обманывая бдительность английского народа, утверждая, что «Гитлер не хочет войны», что с Гитлером можно договориться. Это они, поощряя Гитлера, вели клеветническую кампанию против СССР — страны победившего социализма. Это они способствовали захвату Чехословакии Гитлером.

Предатели английского рабочего движения, предатели интересов международного пролетариата — Бевин, Эттли, Ситрин и им подобные лидеры лейбористской партии и тред-юнионов — сорвали единство рабочего класса, всячески стараясь услужить Чемберлену; они предпочли сговор с Гитлером международному единству действий рабочего класса и совместной борьбе с Советским Союзом за мир.

Выступая против могучего оплота мира — СССР, — лейбористские лидеры, рабски пресмыкаясь перед американским империализмом, возлагали на США свои надежды в деле «умиротворения» фашистских агрессоров. Лидеры лейбористской партии уже тогда отводили США особую роль в системе капиталистических стран, признавали их права оказывать решающее влияние на ход событий не только на американском континенте, но и во всём мире, признавали и оправдывали вмешательство американского империализма во внутренние дела других стран. Лейбористские лидеры выступали как апологеты американского империализма.

Лидеры лейбористской партии своей политикой, являвшейся частью общей политики британских империалистов, способствовали росту агрессии гитлеровской Германии, облегчая ей борьбу за господство в Средней Европе, за создание плацдарма для нападения на СССР, помогая ей в развязывании второй мировой войны.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

*Г. Мосберг и А. Вассар**

Открывая дискуссию по вопросам периодизации истории СССР, журнал «Вопросы истории» писал: «Одной из главнейших задач советских историков является активная, непримиримая борьба против всех и всяческих фальсификаций и враждебных марксизму-ленинизму теорий, которые проповедуются в капиталистических странах и отражают идеологию мировой буржуазии»¹.

«Не менее важной задачей является беспощадная критика всех проявлений космополитизма и низкопоклонства перед западной, растленной культурой гниющего капитализма в работах советских историков, оказывающихся в плену буржуазной идеологии»².

Тем более актуальны и важны эти задачи для историков молодых советских республик, в частности Эстонии, где до восстановления советской власти в 1940 г. буржуазные историки всех мастей в угоду своей буржуазии и иностранному империализму извращали историю Эстонии. Все эти извращения и псевдонаучные теории до последнего времени подвергались недостаточному разоблачению. Более того, некоторые из буржуазных историков, например, Х. Круус, подвизаясь в советской исторической науке, пытались протаскивать буржуазные теории.

Как и все историки СССР, эстонские историки «должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»³. Только при этом условии советская историческая наука может выполнить важнейшие задачи, возложенные на неё советским обществом, большевистской партией и товарищем Сталиным.

Историки Советской Эстонии должны на основе глубокого изучения марксизма-ленинизма разработать основные вопросы истории Эстонской ССР и дать ей марксистско-ленинскую периодизацию.

В настоящей статье не представляется возможным остановиться на всех волнующих нас вопросах истории Эстонской ССР. Вскрывая классовую, эксплуататорскую сущность периодизации, принятой в буржуазной историографии, мы попытаемся осветить некоторые проблемы периодизации истории Эстонской ССР и дать схему периодизации, которая разработана за последние годы историками Эстонской ССР. Мы понимаем, что эта схема страдает большими недостатками ввиду неразработанности многих разделов истории Эстонской ССР. Но мы надеемся, что историки других советских республик помогут нам преодолеть эти недостатки.

По вопросам периодизации истории Эстонской ССР имеется пока только одна статья, написанная в 1948 г. группой авторов (т.т. А. Вассар, А. Либман и Г. Наан)⁴. Эта статья была первой попыткой дать на основе марксистско-ленинской теории схему периодизации истории Эстонской ССР. Она содержит ряд правильных положений, но всё же критика буржуазно-националистических концепций была в ней недостаточно острой, недостаточно большевистски принципиальной. Авторы не сумели до конца вскрыть классовую сущность эстонской буржуазной историографии. Разоблачение эстонской

* Тарту. Институт истории Академии наук Эстонской ССР.

¹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 год, стр. 3.

² Там же, стр. 4.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 315. 4-е изд.

⁴ См. журнал «Эстонский большевик» № 17 за 1948 год. «О периодизации истории Эстонии».

буржуазной историографии усилилось лишь в последний год, когда в печати появился ряд статей⁵, но по этому вопросу пока ещё сделано далеко не достаточно.

Прибалтийская немецкая дворянско-буржуазная историография периодизацию истории Эстонии начинала с завоевания и господства завоевателей — немецкого дворянства. Конкретная история эстонского народа этой периодизацией совершенно исключалась. Всё, что было до завоевания, зачёркивалось, как несущественное. Эстов и латышей пронемецкие историки объявляли дикарями, которым немцы-завоеватели принесли «христианскую культуру». В своих работах они превозносили эту «скотскую культуру», как её называл К. Маркс, и оправдывали крепостнический грабёж и национальное угнетение эстов.

Пронемецкая дворянско-буржуазная историография делила историю Эстонии на периоды: «немецкий», «польский», «шведский» и «русский». Более «мелкие» этапы определялись по правлениям орденских магистров, королей или по отдельным политическим событиям.

Эстонская буржуазная историография совершила характерную эволюцию в вопросах периодизации. Буржуазный эстонский просветитель К. Р. Якобсон в 70-х годах прошлого века выступил с рядом статей, в которых, борясь против немецких помещиков-крепостников, поднял вопрос об историческом значении эстонского крестьянства и утверждал, что до немецкого грабительского завоевания в Эстонии было «время света», с вторжением завоевателей наступила «тьма», а с отменой крепостничества начинается «рассвет». Показав, что история эстонского народа начинается задолго до вторжения немецких завоевателей, и резко критикуя немецкую «культуртрегерскую» концепцию, К. Р. Якобсон впервые выступил с периодизацией истории Эстонии, противоположной той, которую давала прибалтийская немецкая историография. Периодизация К. Р. Якобсона была идеалистической, но в условиях того времени она служила задачам борьбы против крепостничества.

По мере развития капитализма и обострения классовых противоречий внутри эстонской нации национальная буржуазия Эстонии превращалась в реакционную силу.

Уже во время первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. эстонская буржуазия была целиком в лагере контрреволюции. Поэтому первые эстонские буржуазные историки конца XIX и начала XX в. не пошли по пути К. Р. Якобсона, а заимствовали исторические концепции прибалтийской немецкой дворянской историографии и исходили из её периодизации, иногда лишь несколько «исправляя» её; так, например, время до вторжения немецких захватчиков они называли «донсторией», «древнейшим временем», «временем туземцев», а войну с немецкими завоевателями — «большой эстонской войной», «переломным временем» и т. д.

Во время Октябрьской революции и в последующий период буржуазия предала эстонский народ. В борьбе против эстонского трудового народа она готова была продавать Эстонию кому угодно. Она искала поддержки у немецких оккупантов и у англо-американских империалистов. И. В. Сталин писал в конце 1918 г. о положении на национальных окраинах: «Эфемерность национальных «правительств» оккупированных областей объясняется не только их буржуазным характером, чуждым интересам рабочих и крестьян, но и, прежде всего, тем обстоятельством, что они являются простыми придатками оккупационных властей, что не могло не лишить их всякого морального веса в

⁵ См. журнал «Эстонский большевик» № 7 за 1950 год. «До конца разоблачить буржуазных националистов — злейших врагов эстонского народа», стр. 2—14.

Я н С е п п. Эстонские буржуазные националисты — агенты англо-американского империализма. Газета «Рахва Хяаль» от 19 мая 1950 года.

П. В и х а л е м. Буржуазные националисты — фальсификаторы древней истории Эстонии. Газета «Рахва Хяаль» от 11 июня 1950 года.

П. В и х а л е м. Буржуазные националисты — фальсификаторы истории; Эстонское советское государство в 1917—1918 гг. и борьба эстонской буржуазии против Советов. Газета «Советский учитель» от 30 июня 1950 года.

Г. М о с б е р г. Против буржуазно-националистических концепций о революции 1905—1907 гг. в Эстонии. Сборник «О развитии советской науки ЭССР в 1940—1950 гг.». Таллин. 1950.

В. М а а м я г и и А. В а с с а р. 10 лет советской исторической науки в ЭССР. Сборник «О развитии советской науки в ЭССР в 1940—1950 гг.». Таллин. 1950.

глазах широких слоёв населения»⁶. Эстонской буржуазии удалось захватить власть именно при помощи иностранных империалистов.

В период буржуазной диктатуры эстонские буржуазно-националистические историки всячески извращали историю Эстонии и боролись против марксистско-ленинского понимания её. Они исходили из основного требования эстонской буржуазии: увековечить её господство, оправдать её продажность и зависимость от западноевропейских империалистов и её враждебность к Советскому Союзу. Выполняя этот заказ, буржуазно-националистическая историография основывалась на враждебном историческому материализму идеалистическом и метафизическом методе. История Эстонии начиная с древнейших времён фальсифицировалась и извращалась. Так, например, в первом томе «Истории эстонского народа» (Тарту. 1932—1933) первобытно-общинный строй именуется «временем древнейшей самостоятельности». Такая антинаучная характеристика древнейшей истории Эстонии служила определённой политической цели. Буржуазно-националистические историки, чтобы скрыть от народа истинный характер гражданской войны и буржуазной диктатуры, пытались толковать их как восстановление какой-то древней бесклассовой свободы и самостоятельности. Я. Конкс в учебнике для 2-го класса прогимназии называет период с марта 1917 г. «возрождением эстонской самостоятельности». «Победоносная освободительная война (т. е. гражданская война 1918—1920 гг.—Г. М. и А. В.),— пишет он,— вернула нам государственную самостоятельность, которая была у нас отнята в XIII веке»⁷. Х. Круус в первом томе «Истории Эстонии» исходил из этой же концепции и утверждал, что «эсты уже в то время (т. е. в начале XIII в.—Г. М. и А. В.) представляли собой связанную с сознанием внутреннего единства и с единой национальной культурой—целостность»⁸.

Буржуазно-националистические историки, извращая историю Эстонии, раздували ненависть ко всему русскому. Они, например, считали русских врагами эстов наряду с немецкими и датскими «псами-рыцарями». В действительности же русские были союзниками эстов в борьбе с захватчиками.

При освещении эпохи феодализма буржуазные историки основное внимание концентрировали на антирусской борьбе. Буржуазные космополиты всячески идеализировали пресловутый «дранг нах остен», господство в Эстонии Ордена, Речи Посполитой и Швеции. Идеализация немецких захватчиков стала особенно активной в 1930-х годах, когда эстонское буржуазное государство всё больше превращалось в придаток фашистской Германии. Буржуазные историки даже пытались изобразить немецких захватчиков союзниками «эстов». Если Х. Круус в первом томе «Истории Эстонии» говорил ещё о том, что эсты «были завоёваны немцами в кровавой войне», то во втором томе, вышедшем через два года, в 1937 г., он уже следовал концепции фашиста Улуотса и доказывал, что эсты подчинились немцам на основе договорных отношений.

Эта идеализация завоевателей отразилась и в периодизации истории Эстонии. Время от завоевания немцами края до ликвидации Ордена в русско-ливонской войне в 1561 г. объединялось в один период. Для того чтобы подчеркнуть единство истории Эстонии с западноевропейской историей, этот период стали называть «эстонским средневековьем». Годы 1558—1582, когда восточная Эстония входила в состав Русского государства, не выделяли в особый период, а если что-нибудь о нём и писали, так называли этот период временем русской оккупации.

В целях идеализации так называемого «шведского времени» и опорочивания «русского времени» начало последнего датировали с 1695 г.; это делалось для того, чтобы страшный голод 1695—1697 гг., который явился результатом тяжёлого колониально-крепостнического грабежа шведских феодалов, исключить из «доброго шведского времени» и объединить с «ранним русским временем». Прогрессивное значение присоединения Эстонии к России отрицалось или совсем замалчивалось. С целью опорочивания «русского времени» утверждалось, что крепостничество победило якобы только в XVIII в., т. е. в «русское время». В третьем томе «Истории эстонского народа» (Тарту. 1935) после глав «О Северной войне» следуют главы: «О закреплении эстонского народа» и «Крепостничество». История Эстонии начиная с Северной войны до Февральской революции 1917 г. включалась в «русское время» как целостный период.

⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 179.

⁷ Я. Конкс. История Эстонии. Т. II, стр. 130. Тарту. 1938.

⁸ Х. Круус. История Эстонии. Т. I, стр. 374. Тарту. 1935.

Далее следовал период истории Эстонии, именуемый «временем эстонской самостоятельности»; эстонская буржуазная историография начинала его сразу же после Февральской революции. Эта фальсификация нужна была эстонской буржуазной историографии для того, чтобы скрыть от трудового народа предательство эстонской буржуазии, свою полную зависимость от империализма, чтобы оправдать свою диктатуру.

Буржуазно-националистическая историография пыталась всячески отрицать или замалчивать победу Великой Октябрьской социалистической революции и упорную борьбу трудового народа за советскую власть в Эстонии, а антинародную политику продолжной эстонской буржуазии поднимала на щит, выдавая за «высшее достижение исторического развития».

Эстонская буржуазно-националистическая историография и в вопросах периодизации была ярким апологетом националистической буржуазии, прислужницы иностранных империалистов.

Эстонская ССР — равноправный член великого Советского Союза, её история является частью истории СССР. Её периодизация является частью периодизации истории СССР, так как историческое развитие эстонского народа тесно связано с историческим развитием русского и других народов СССР.

На основе марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях не представляет особых затруднений установление хронологических границ социально-экономических формаций на территории Эстонии. В известной мере они совпадают с хронологическими границами социально-экономических формаций русской истории, хотя, разумеется, имеются и некоторые отклонения. Так, первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР охватывает время с VIII тысячелетия до н. э. до начала XIII в. н. э. Начальная хронологическая граница определяется древнейшими памятниками — мезолитическими, — найденными на территории Эстонской ССР. Следов памятников палеолитических пока не обнаружено.

Конечная хронологическая граница этого строя в Эстонии вызывает особенно много споров и сомнений. Чем объяснить то обстоятельство, что существование первобытно-общинного строя растянулось на территории Эстонии до начала XIII в., в то время как в Киевском государстве, в состав которого входила значительная часть территории Эстонии, уже с середины XI в. первобытно-общинный строй существует лишь в виде уклада? Очевидно, это объясняется более поздним переходом эстонского сельского хозяйства к интенсивным формам производства — к плужному земледелию (с VIII—IX вв.).

В начале XIII в. преобладающим на эстонской территории был общинный строй с характерными для него организациями, старейшинами и военачальниками (вроде известного Лембиту). Общинная раздробленность была одной из основных причин поражения эстов в борьбе с немецкими феодалными завоевателями. Во время борьбы с немецкими захватчиками эсты делали попытки объединения на более широкой основе во главе с отдельными военачальниками, но военно-рыцарская организация немецких захватчиков оказалась сильнее таких эстонских ополчений.

Внутренняя периодизация развития этого строя может быть определена приблизительно следующим образом. Материнский родовой строй (мезолит и неолит) — примерно с VIII тысячелетия до середины II тысячелетия до н. э. Основными способами добывания средств к жизни в это время были охота и рыболовство. Орудия труда изготовлялись из камня, кости и дерева, позднее (с III тысячелетия до н. э.) появляется керамика. Патриархальный родовой строй (бронза, раннее и среднее железо) — со II тысячелетия до н. э. до конца VIII в. н. э. Основным занятием людей было скотоводство, а с начала н. э. — подсечное земледелие. Наряду с каменными и костяными орудиями в начале периода появляются в незначительном количестве бронзовые орудия, а в последние века до н. э. широко распространяются железные орудия. Появляется обмен. С первых веков н. э. начинается разложение родовой строй, обусловленное появлением прибавочного продукта.

IX—XII века были временем территориально-общинного строя и вхождения значительной части Эстонии в состав Киевской Руси. В этот период происходит созрева-

ние элементов классового общества. Территориальная община является основной общественной организацией. Родовые отношения сохраняются ещё в виде довольно сильного уклада. Экономическую основу этих социальных изменений составляет появившееся пашенное земледелие, увеличение скотоводства, начало отделения ремесла от земледелия и расширение обмена.

Рост производительных сил и прибавочного продукта является основой социальной дифференциации. Отдельные члены общин, прежде всего старейшины, богатеют за счёт эксплуатации остальных членов общества или рабов. Появляется частная собственность. Рабство, имеющее патриархальный характер, прослеживается с X века. В это время уже существуют элементы рабовладельческого уклада, но они ещё не сложились окончательно в уклад. Элементы же феодализма к концу периода развились в уклад. Многие «лучшие люди» конца XII в. в эстонских общинах мало чем отличались от феодалов соседних областей.

Именно в этот период устанавливаются тесные экономические и политические связи — вначале с восточными славянами, а позднее с Киевским государством, с Полоцким, Новгородским и Псковским княжествами. Эти связи положительно влияли на эстов: они ускоряли социально-экономическое развитие складывающейся эстонской народности.

Значительная часть территории эстов входила в состав Киевского государства, но между эстами и Киевским государством не было отношений завоевателей и завоёванных. Поэтому эсты и в последующие века дружелюбно относились к русскому народу и не раз обращались к нему за помощью в борьбе против своих врагов — немецких феодалов. Этот период следует рассматривать как переходный к феодализму.

Многовековой исторический процесс происходил автохтонно, поэтому буржуазные «иммиграционные» теории не выдерживают никакой критики. Развитие Эстонии вело к образованию феодальной формации, феодальных отношений. Но вторжение немецких захватчиков внесло глубокие изменения в жизнь эстонского народа, оно, несомненно, было реакционным явлением в истории Прибалтики.

Борьба эстонского народа против немецких и датских захватчиков в 1208—1227 гг. должна быть также выделена в особый период. Выделение этого маленького отрезка истории Эстонской ССР обусловлено упорной борьбой эстов в союзе с русскими войсками против чужеземных завоевателей; его следует выделить потому, что это завоевание внесло тяжёлые изменения в жизнь эстонского народа.

Как показывает хроника Генриха Латвийского, эстонцы, опираясь на помощь русских, очень упорно боролись с завоевателями, но общинная раздробленность препятствовала объединению всех сил народа для общей борьбы. Русские княжества также не могли оказать эстам достаточной помощи вследствие своей феодальной раздробленности. У новгородского князя Александра Невского хватило сил, чтобы уничтожить врага на границе русской земли и приостановить дальнейшее продвижение немецких феодальных захватчиков на восток, но он не имел возможности изгнать их из Прибалтики, так как в это время происходило татаро-монгольское завоевание русских земель.

Немецкие и датские феодалы устремились в Прибалтику и с помощью жесточайшего террора захватили страну; при этом они опирались на сильных феодальных сюзеренов — римского папу и германского императора — и получали непрерывную помощь извне.

Завоевания немецких и датских феодалов принесли эстам, как и латышам, систему феодального угнетения в её наиболее жестоких формах. Вся феодальная и церковная иерархия на территории эстов была установлена по образцу германских феодальных княжеств.

Во время борьбы с немецкими захватчиками весь эстонский народ выступал против врага, но когда он был побеждён, часть эстонского господствующего класса пошла на службу к завоевателям и постепенно ассимилировалась с ними, усвоив их язык и обычаи, часть же была разорена — слилась с зависимым крестьянством.

Так в Прибалтике немецкие и датские завоеватели стали господствующим классом со своим языком, бытом и церковью. Эстонский народ был превращён в эксплуатируемый класс, сохранивший эстонский язык, культуру и обычаи; ему насильно прививалось христианство и почитание всего немецкого. Всё «языческое» подвергалось преследованиям и травле.

В русских землях под властью татаро-монголов сохранилась княжеская власть со своим войском, сохранилась вся существовавшая до завоевания система феодальных отношений. Одним из условий победы русского народа над монголо-татарами было объединение двух сил — стихийного сопротивления широких народных масс, выливавшегося в восстания, и укрепившейся великокняжеской власти, которая могла использовать вооружённую силу народа. В Эстонии отдельные стихийные восстания эстонского крестьянства против угнетателей, не подкреплённые вооружённой силой и государственной организацией, не были в состоянии опрокинуть иноземное владычество.

Хронологические границы феодальной формации в России установлены В. И. Лениным с IX по XIX век⁹. Начало феодальной формации в Эстонии не совпадает с началом феодализма в России, но конечная граница — 60-е годы XIX в. — совпадает полностью.

Немецкие феодалы, превратившиеся в результате завоевания эстонских земель в господствующий класс, ускорили здесь развитие феодальной системы эксплуатации и придали феодальному гнёту особенно тяжёлый, мучительный для народа характер.

Определяющими для феодальной формации в Эстонии являются феодальный способ производства и классовая борьба эстонского крестьянства против немецких феодальных захватчиков. «Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»¹⁰.

Мы делим феодальную формацию в Эстонии на четыре основных периода. Первый период — феодальной раздробленности — в Эстонии охватывает время с начала XIII до конца XV века.

Феодальные завоеватели не представляли собой какой-либо единой организации. Завоевав земли эстов, они разделили страну между следующими сюзеренами: Ливонским орденом (объединённым с Тевтонским орденом), Датским государством, Рижским архиепископством, Тартуским и Ляанемааским епископствами. Каждое из этих сюзеренств превратилось в маленькое, обособленное феодальное государство со своим вассалитетом. Феодальные сюзерены не уживались между собой. Особенно длительной была борьба между Рижским архиепископством и Орденом за гегемонию в Прибалтике. К. В. Базилевич правильно подчёркивал, что под феодальной раздробленностью нельзя понимать только раздробленность политического строя: «Феодальная раздробленность есть прежде всего понятие социально-экономическое»¹¹. Отдельные хозяйства были мало связаны друг с другом; основным условием экономической раздробленности являлось господство натурально-хозяйственных отношений.

В начале своего господства ни крупные феодалы, ни их вассалы не заводили собственного хозяйства. Они требовали с крестьян натуральную ренту в виде десятины и различных других повинностей. Орденское рыцарство вело хозяйство по фогствам.

С XIII в. вассалы и орденские рыцари, оседая на земле, переходили к организации собственных хозяйств. Барская запашка быстро расширялась, чему способствовали образование и рост городов, развитие ремесла и торговли. Всё это привело к резкому увеличению барщины и других повинностей. Крестьянство отвечало на усиление эксплуатации частыми волнениями и восстаниями. Самым крупным восстанием было восстание «Юрьевой ночи» в 1343—1345 годах. Восставшие надеялись с помощью русских изгнать всех немцев из Эстонии, но это восстание было жестоко подавлено.

В ответ на усиление классовой борьбы крестьянства господствующий класс — немецкие феодалы — стремился объединить свои силы; так, после восстания 1343—1345 гг. владения датского королевства в северной Эстонии перешли к Ордену, который стал самым сильным феодальным сюзереном в Эстонии. Вассалы начали организовываться в корпорации прежде всего для совместной борьбы против крестьянства. Ряд заклю-

⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 348. 4-е изд.

¹⁰ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

¹¹ Журнал «Вопросы истории» № 11 за 1949 год, стр. 68.

чѣнных между феодальными владельцами договоров и других документов свидетельствует о том, что они стремились прикрепить эстонских крестьян к земле и поставить их в полную зависимость от власти феодалов. Ко второй половине XV в. в Эстонии сложились крепостнические отношения.

На территории эстов, так же как и в русских землях, дальнейшее развитие производительных сил и товарно-денежных отношений привело к преодолению экономической раздробленности и обострению классовых противоречий. Во второй половине XV в. образовалось Русское централизованное государство, в котором немецкие феодалы видели для себя непосредственную опасность. Всё это вынуждало немецких феодалов предпринимать попытки к объединению — централизации политической власти. Но колониальный характер господствующего класса исключал какую-либо поддержку со стороны народных масс в этом его предприятии, тем более, что экономически Эстония тяготела к Русскому государству.

Поэтому ликвидация феодальной раздробленности и централизация политической власти произошли здесь не в результате внутреннего объединения местных феодальных государств, как это имело место в России, а путѣм подчинения местного господствующего класса иностранным государствам, от правителей которых он получал помощь в борьбе против эксплуатируемого эстонского народа.

Второй период — усиления крепостничества и борьбы Русского государства за присоединение Эстонии к России — охватывает время с конца XV в. до 1710 года.

В продолжение этого периода, в условиях длительных войн и значительного разрушения производительных сил страны, происходило усиление феодальной эксплуатации, крепостнических отношений, полное закрепощение крестьян и обострение классовой борьбы. При определении условий подчинения эстонских земель соседним государствам прибалтийские немецкие феодалы обычно выпрашивали для себя возможно большую «самостоятельность» в делах внутреннего управления прибалтийскими провинциями. Окончательно сложившееся сословие прибалтийского немецкого дворянства вело упорную борьбу за сохранение и расширение своих привилегий.

Для Русского государства, которое во второй половине XVI века превращается в многонациональное, присоединение прибалтийских владений было жизненной необходимостью, так как местные феодальные правители: Орден и епископства, а через них и другие прибалтийские государства — Польша, Швеция и Литва — чинили всевозможные препятствия торговым, политическим и культурным связям России с Западной Европой. Правительство Ивана IV, начав в 1558 г. войну с Ливонским орденом, учитывало, что последний не мог оказать серьёзного сопротивления. В короткий срок русские войска заняли восточную Эстонию. Но по приглашению отдельных групп прибалтийских феодалов в Прибалтику устремились Швеция, Дания, Польша и Литва. В ходе войны Эстония была разделена между названными государствами. Верховная власть Ордена и епископств перестала существовать. Война России с Польшей и Швецией продолжалась до 1582—1583 гг., когда были заключены соответствующие договоры с Польшей и Швецией. Правители последних остались хозяевами Эстонии.

В то время, когда восточная Эстония находилась под властью Русского государства, экономические, политические и культурные связи эстонского народа с ним расширились и укрепились. Изоляция же от Русского государства в конце XVI в. оказала на экономическую жизнь Эстонии пагубное влияние, тем более, что война между Польшей и Швецией продолжалась до 1629 г., когда Швеция стала хозяином Эстонии, за исключением о. Сааремаа, который перешѣл к Швеции лишь в 1645 году. Швеция по отношению к Эстонии вела колониальную политику, выкачивая из неё всё, что можно. В этой связи проводились и некоторые реформы, но они носили эпизодический характер. Именно в этот период окончательно складывается прибалтийское дворянское сословное самоуправление — ландштат. В Эстляндии, Лифляндии и на Сааремаа были отдельные ландтаги. Они состояли из дворян — владельцев и арендаторов рыцарских имений. Этот так называемый «особый порядок» упорно отстаивался прибалтийским дворянством в последующие века, так как он полностью обеспечивал дворянские интересы в деле эксплуатации крестьянства. Помещики изыскивали всё новые формы крепостнической эксплуатации. Продажа крестьян стала обыденным явлением, процветал жестокий вотчинный суд.

История Эстонии времени её вхождения в состав Российской дворянской империи в XVIII в. составляет третий период.

Правительство Петра I решило для России ту задачу, которую не смогли решить ни Иван IV, ни другие русские цари. Прибалтика была присоединена к Российской империи. Если для России это присоединение было насущной необходимостью, то и для эстонского народа оно было лучшим решением её исторических судеб. Это присоединение создало необходимые предпосылки для исторического союза эстонских и русских трудящихся в борьбе против всех эксплуататоров.

С момента присоединения Эстонии к России начинается длительный период мирного времени. Сильное Русское государство было в состоянии защищать Прибалтику от посягательств на неё соседних государств.

Этот период характеризуется возникновением элементов капиталистических отношений и резким усилением крепостнической кабалы эстонского крестьянства. Географическое расположение Эстонии способствовало расширению внешней торговли. Так как внутренний рынок был ещё очень ограничен, прибалтийское дворянство вывозило на внешний рынок значительное количество зерна. Развитие товарно-денежных отношений происходило за счёт усиления феодальной эксплуатации. В стране имелись мануфактуры, но значительная часть их была ещё крепостнической.

Прибалтийскому дворянству удалось получить от царского правительства подтверждение своих прежних привилегий и укрепить свою власть над эксплуатируемым крестьянством. В первой половине XVIII в. прибалтийское дворянство полностью сохраняло свой «особый порядок» управления провинцией.

Во второй половине XVIII в. с усилением русского дворянства и купечества в интересах укрепления государства и более тесного слияния Прибалтики с внутренней Россией со стороны самодержавия делаются некоторые попытки ограничить прибалтийский «особый порядок», но в основном прибалтийскому дворянству удалось сохранить этот порядок до 80-х годов XIX в., а свою власть — до 1917 года.

Четвёртый период, продолжающийся с конца XVIII до середины XIX в., характеризуется кризисом феодализма и развитием капиталистического уклада. Рост товарно-денежных отношений за счёт усиления феодальной эксплуатации привёл к ещё большему обострению классовых противоречий и классовой борьбы. Крестьянские волнения 80-х годов XVIII в. в Эстонии являются одним из признаков назревания кризиса феодализма и революционной ситуации.

Первый этап кризиса феодализма в Эстонии закончился крестьянскими реформами 1816—1819 годов. Крестьянство, освобождённое без земли, осталось в полной кабале помещиков. Своей землёй крестьянин мог отныне пользоваться только за «барщинную аренду», назначаемую по произволу помещиков. По закону передвижение крестьян было ограничено, а судебная и административная власть осталась в помещичьих руках. Наряду с остатками внеэкономического принуждения помещики получили полную свободу экономического принуждения: капиталистическая промышленность была ещё слабо развита, крестьянину некуда было уйти от помещика.

Расширение барской запашки, усиленный рост товарности помещичьего хозяйства на старой барщинной основе, неограниченный грабёж крестьянства привели к новому обострению кризиса феодализма, к революционной ситуации в 40-х годах XIX в. и к аграрным реформам 1849 г. в Лифляндии и 1856 г. в Эстляндии. Часть крестьянской земли помещики закрепили за собой, а остальная часть могла быть выкуплена крестьянами, которым предоставлялось также право перейти на денежную аренду. Помещики получили новые возможности грабежа крестьянства и развития своего хозяйства на капиталистической основе. Реформы 1816—1819 и 1849 и 1856 гг. направили развитие капитализма в Эстонии по «прусскому пути».

Разумеется, внутри отмеченных выше четырёх периодов феодальной формации могут быть установлены более дробные деления отдельных этапов истории. Так, например, первый период может быть разделён на две части: первая — начальный этап феодальных отношений и крестьянское восстание 1343—1345 гг. и вторая — возникновение крепостнических отношений. Второй период — на три части: борьба Русского государства за присоединение Эстонии к России в XVI в., борьба между Польшей и Швецией за Эстонию и Эстония — провинция Швеции.

Начало капиталистической формации, капиталистического способа производства в Эстонии, несмотря на отмену крепостного права в 1816—1819 гг., определяется, так же как и в России, 60-ми годами XIX в., когда после реформ 1849 и 1856 гг. капиталистический способ производства наряду с развитием в промышленности утверждается сравнительно быстро и в помещичьем хозяйстве. Устанавливается тесная связь с всероссийским рынком. Крестьянство дифференцируется, зажиточная часть — «серые бароны» — переходит тоже к капиталистическому способу производства и эксплуатации. Беднейшее крестьянство пролетаризируется, превращаясь или в фабричных или в сельских рабочих.

Несмотря на сохранение значительных остатков крепостнических отношений, Эстония к 80-м годам XIX в. экономически становится одной из наиболее развитых капиталистических частей Российской империи; в то же время политическая структура управления провинцией в виде пресловутого «особого порядка» продолжает оставаться воплощением отсталости. Немецкое баронство слишком медленно, под давлением народных масс, шло на осуществление в Прибалтике тех буржуазных реформ, которые проводились в России после 1861 года. Только руссификаторская политика царизма начиная с 80-х годов наносит этому «особому порядку» существенный удар. В этом состоит одна из особенностей исторического развития Эстонии данного периода.

Победа капиталистического способа производства обусловила консолидацию эстонцев в нацию, положила начало национальному движению, направленному главным образом против пережитков крепостничества, а также возникновению рабочего класса и началу рабочего движения в Эстонии. Отмеченные уже в предыдущие периоды дружественные связи эстонского и русского народов начинают перерастать в прочный союз русского и эстонского пролетариата.

Период империализма и буржуазно-демократических революций в Эстонии (конец XIX в. до марта 1917 г.) полностью совпадает с соответствующим периодом истории СССР, так как Эстония к тому времени являлась и экономически и политически неотделимой частью российской военно-феодальной империалистической системы. Здесь, как и в остальной России, происходила концентрация промышленности и капиталов, рост акционерных обществ и т. д. Многие промышленные предприятия, находившиеся в Эстонии, работали на всероссийский рынок. Промышленные кризисы, так же как и в остальной России, тяжело отражались на эстонском пролетариате.

Наряду с противоречиями между капиталистическим способом производства и остатками крепостничества, воплощённого в господстве помещиков, резко обостряются противоречия между рабочим классом и капиталистами. Рабочее движение расширяется. В первые годы XX в. под руководством революционных социал-демократов — М. И. Калинина и других — начинается в Эстонии проникновение социалистического сознания в рабочее движение.

В начале XX в. назревает революционный кризис. В первой буржуазно-демократической революции в Эстонии, являющейся неотделимой частью российской революции, гегемоном был пролетариат. Наряду с царизмом, немецкими помещиками и немецкой буржуазией эстонская националистическая буржуазия играла в революции контрреволюционную роль.

Жестокое подавление революции 1905—1907 гг. не сломило эстонский пролетариат. Он объединился в профсоюзы и под руководством эстонской организации РСДРП продолжал борьбу в годы реакции. В годы нового подъёма рабочего движения его коллективным организатором была большевистская газета «Кийр». Эстонский пролетариат активно участвовал в свержении самодержавия в феврале 1917 года. Эсеры и меньшевики фактически служили эстонской буржуазии — верной приспешнице Временного правительства. Большевики готовили массы к вооружённому восстанию. Победой Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии начинается новый период истории Эстонии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, иностранная военная интервенция и гражданская война в Эстонии 1917—1920 гг. открывают новый период в истории Эстонии.

Подготовленный исторической общностью борьбы за освобождение, союз русского и эстонского пролетариата особенно упрочился в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. «Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и крестьянами России, вдохновив их верой в торжество социализма»¹². Эстонские большевики во главе с В. Кингисепом, руководимые В. И. Лениным и И. В. Сталиным, проводили большую массовую разъяснительную работу и добились изгнания из Советов меньшевиков и эсеров, сделав Советы большевистскими. Эстонский рабочий класс и беднейшее крестьянство под руководством большевиков сразу же, как только в Петрограде началось вооружённое восстание, изгнали представителей Временного правительства и повсеместно установили советскую власть. Национализацией земли, фабрик, заводов, транспорта и и т. д. закладывались основы социалистической системы. Эстонский язык стал впервые в истории эстонского народа государственным языком Эстонской Советской Социалистической Республики.

Попытки эстонской националистической буржуазии захватить власть были сметены победным шествием Великого Октября. Но предательская политика Троцкого, отказавшегося выполнить указания В. И. Ленина и И. В. Сталина о подписании мирного договора с Германией, открыла немецким империалистам путь в Прибалтику. В феврале 1918 г. Эстония была оккупирована. Начался период иностранной военной интервенции и гражданской войны, когда эстонская буржуазия играла роль послушного вассала и союзника иностранных интервентов и предателя интересов своего народа. Вместе с иностранными империалистами она активно участвовала в военных действиях и походах против Страны Советов, называя эту захватническую войну «освободительной». Своей подлой политикой эстонская буржуазия надеялась завоевать доверие иностранных империалистов и получить из их рук подачку в виде угодной интервентам «самостоятельной» Эстонии.

В результате успешного наступления Красной Армии, в рядах которой боролись многие сыны эстонского народа, в ноябре 1918 г. в Эстонии была восстановлена советская власть — Эстонская Трудовая коммуна. И. В. Сталин писал в то время: «Эстляндские рабочие первые подняли знамя восстания. Эстляндская трудовая коммуна победоносно идёт вперёд, разрушая основы эстляндского буржуазно-республиканского «правительства», подымая на борьбу трудовые массы городов и деревень Эстляндии. В ответ на запрос Эстляндского Советского правительства, Российское Советское правительство торжественно признало независимость Эстляндской Социалистической Республики»¹³. Но в условиях похода 14 капиталистических государств против молодой Советской страны Красной Армии не удалось освободить всю Эстонию от ига иностранных интервентов и эстонской буржуазии, которая пришла к власти при помощи иностранных империалистов. Эстонский трудовой народ продолжал упорную борьбу за своё освобождение (например, восстание на о. Сааремаа в феврале 1919 года).

В угоду иностранным империалистам и в целях сохранения своей власти эстонская буржуазия установила в стране неслыханный террор, направленный против трудящихся. В этой борьбе эсеры и социал-демократы были верными слугами эстонской буржуазии.

Под давлением военных успехов советского государства и требований эстонских рабочих эстонское буржуазное марионеточное правительство вынуждено было в феврале 1920 г. заключить мир с Советской страной. Заключив этот мир, эстонское буржуазное государство выпало из единого фронта интервентов против советского государства.

Годы временной реставрации капитализма, буржуазной диктатуры в Эстонии (1920—1940 гг.) следует выделить в особый период.

Эстонской буржуазии удалось захватить власть при помощи иностранных империалистов. Эстонское буржуазное государство было превращено в звено западноевропейского империализма, в его аграрный придаток, в плацдарм для наступления против Советского Союза. Свою продажность эстонская буржуазия пыталась скрывать от народных масс с помощью болтовни о «самостоятельности» Эстонии и видимости псевдodemократических преобразований. В действительности же политика эстонской буржуа-

¹² И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 161.

¹³ Там же, стр. 178.

зни заключалась в реставрации капитализма, в послушной службе иностранным империалистам и в наступлении на трудящиеся массы.

Экономическая изоляция от советского государства вызвала разложение и полный упадок крупной промышленности в Эстонии. Этому способствовали иностранные империалисты, которые были заинтересованы в том, чтобы Эстония полностью зависела от иностранного капитала. Промышленный и аграрный кризис 1923 г. резко ухудшил и без того тяжёлое положение рабочих и сельской бедноты. Рабочий класс под руководством коммунистической партии Эстонии продолжал борьбу за своё освобождение. Коммунистическая партия Эстонии, работая в условиях глубокого подполья, умело использовала и легальные формы рабочего движения, смело разоблачала антинародную политику эстонской буржуазии и призывала трудящихся продолжать борьбу. Эстонская буржуазия пыталась всеми средствами подавить рабочее движение. Вожди эстонских трудящихся В. Кингисепп и другие были убиты. Организовывались политические процессы против коммунистов. Тысячи активных участников рабочего движения были брошены в тюрьмы. Восстание 1 декабря 1924 г. было потоплено в крови рабочих.

Эстонская буржуазия при помощи своих идеологов и особенно своей агентуры в рабочем движении — эсеров и социал-демократов — всячески пыталась развращать пролетариат и навязывать ему буржуазно-националистическую идеологию. Наглой клеветой она надеялась изолировать эстонских трудящихся от Советского Союза. Но ни убийства лучших представителей эстонского пролетариата, ни тюрьмы, ни беззастенчивая клевета на Советский Союз, ни «идеологическая» обработка не могли изолировать эстонских трудящихся от советского народа. Они узнавали правду о стране социализма, и её пример воодушевлял эстонских пролетариев в их борьбе за освобождение от ига эстонской буржуазии и иностранных империалистов.

Из экономического и политического кризиса 30-х годов после временной стабилизации капитализма (в 1924—1929 гг.) эстонская буржуазия надеялась выйти с помощью фашистского переворота, который и был осуществлён в 1934 году. Фашистская клика Пятса — Лайдонера оказалась на службе у гитлеровской Германии, которая надеялась использовать Эстонию в качестве плацдарма в войне против Советского Союза. Но трудящиеся Эстонии с помощью Советского Союза, разоблачив эстонских союзников поджигателей войны: пятсов, лайдонеров и других, — свергли их диктатуру и восстановили в 1940 г. в Эстонии советскую власть.

С провозглашением Эстонской Советской Социалистической Республики и её вхождением в состав СССР (в 1940 г.) начался новый период истории эстонского народа.

После свержения 21 июня 1940 г. власти фашистской клики Пятса — Лайдонера, после разрушения буржуазного государственного аппарата и создания советского государственного аппарата были проведены национализация земли, промышленности и банков, аграрная реформа и реорганизация системы образования, а также коренные преобразования во всех областях культуры.

21 июля 1940 г. была провозглашена Эстонская Советская Социалистическая Республика, и 6 августа 1940 г. она была принята в состав Советского Союза. Это было событием величайшей важности в истории эстонского народа. Коммунистическая партия Эстонии, воссоединившись с ВКП(б), стала единым организатором и руководителем всех советских преобразований и социалистического строительства. Все социал-демократические и так называемые «рабочие партии» — верные лакеи эстонской буржуазии и предатели интересов эстонского рабочего класса — были вместе со своими хозяевами сметены с исторической арены.

Вступив в братский союз народов СССР, эстонский народ под руководством большевистской партии и И. В. Сталина начал строить новое общество. Открылись неисчерпаемые возможности развития экономической, политической и культурной жизни страны. Громадная помощь, полученная от братских республик, стала мощным фактором, ускоряющим социалистическое строительство в Эстонской ССР.

Но это мирное строительство было прервано подлым нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Неизмеримо велика была братская помощь народов СССР эстонскому народу в годы Великой Отечественной войны, когда фашистские захватчики оккупировали Советскую Эстонию. Только эта помощь и непобедимая сила

Советской Армии ликвидировали попытку гитлеровских бандитов уничтожить эстонский народ.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. эстонский народ вместе со всеми народами СССР вёл упорную борьбу с немецкими захватчиками и в рядах эстонского национального корпуса, и в партизанских отрядах, и своей героической работой в тылу советской Родины.

После освобождения Советской Армией Эстонии от фашистской оккупации осенью 1944 г. эстонский народ начал восстанавливать разрушенное немецкими захватчиками народное хозяйство страны. Успешное выполнение послевоенного пятилетнего плана в Эстонской ССР стало возможно только благодаря систематической помощи братских социалистических республик.

Быстро развивается промышленность Эстонской ССР. Социалистические формы труда — социалистическое соревнование и стахановское движение — прочно утвердились в экономической жизни Эстонии. 1949 год был годом исторического перелома в эстонской деревне. Эстонская ССР прочно вступила на путь колхозной жизни. К 1950 г. уже более 80 процентов крестьян объединились в колхозы. Культура Эстонской ССР, социалистическая по содержанию, национальная по форме, развивается невиданными темпами.

Успешное социалистическое строительство в Эстонской ССР вызвало звериную злобу у сохранившихся в республике остатков эксплуататорских классов — кулаков и буржуазных националистов. Своей подлой деятельностью они пытались препятствовать эстонскому народу успешно строить социализм. Но, вооружённый непобедимой марксистско-ленинской теорией, под мудрым руководством большевистской партии и И. В. Сталина эстонский трудовой народ разоблачил врагов и устранил их с победоносного пути к коммунизму.

СООБЩЕНИЯ

К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого

И. Удальцов

Чешское национальное движение XIX в. имело ряд особенностей. Начавшись в условиях поднимающегося капитализма, национальная борьба в Чехии явилась главным образом борьбой чешской городской мелкой буржуазии против немецкой крупной буржуазии¹. В период революции 1848 г. чешское национальное движение в конечном итоге сыграло контрреволюционную роль, явившись одной из главных опор австрийского абсолютизма, а косвенно — и русского царизма в их борьбе с революцией². Иными словами, чешское буржуазно-национальное движение в 1848 г. оказалось направленным главным образом не против немецких господствующих классов, а против демократического революционного движения в австрийской империи, в том числе и в чешских землях. В 60—70-х годах и позднее чешское национальное движение всё более «превращается в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и «борьбу» за вывески...»³.

Такой характер чешского национального движения XIX в. определялся тем, что руководила этим движением чешская буржуазия, что именно она ставила национальный вопрос. Товарищ Сталин указывает, что «национальный вопрос» в разные времена служит различным интересам, принимает различные оттенки в зависимости от того, какой класс и когда выдвигает его»⁴.

Чешская буржуазия, ставившая национальный вопрос и руководившая национальным движением в условиях поднимающегося капитализма, использовала национальные лозунги не только в борьбе против господствовавших в экономической, политической и государственной жизни страны немецкой буржуазии и немецкого

дворянства, но и против демократического и революционного движения в империи вообще и в чешских землях в частности.

Именно политика чешской буржуазии, постоянно шедшей на соглашение и союз с австрийским абсолютизмом, дворянством, с любыми силами реакции против демократического движения, определяла в тот период характер чешского национального движения. Необходимо, однако, оговорить, что политика чешской буржуазии не была единой, что в среде чешской буржуазии имелись в различные исторические периоды разные направления. В 1848 г., например, наряду с национально-либеральным направлением выступало направление радикально-демократическое. Однако во все периоды, в том числе и в период революции 1848 г., в конечном итоге в национальном движении торжествовала политика чешской либеральной буржуазии.

История национально-политической борьбы в Чехии в 40—70-х годах XIX в. тесно связана с именем Франтишка Палацкого, возглавившего в эти годы чешскую либеральную буржуазия.

Правильная оценка роли Палацкого в истории чешского национального движения и в истории Чехии вообще, несомненно, должна явиться важным моментом в воссоздании подлинной картины истории чешского народа в указанный период.

Политические взгляды и деятельность Палацкого отражали политическую позицию чешской либеральной буржуазии, одним из виднейших руководителей которой он был. В период, предшествовавший 1848 г., деятельность чешской либеральной буржуазии была направлена к преобразованию путём реформ существовавшего общественного строя на капиталистической основе, к ослаблению немецкого национального гнёта в чешских землях. В этом позиция чешской либеральной буржуазии отличалась от позиции той части чешского дворянства, которая, приняв известное участие в оппозиции меттерниховскому режиму, стремилась лишь к восстановлению своих средневековых феодальных привилегий, стоявших на пути капиталистического развития Чехии. Тем более отличалась в этот период позиция чешской либеральной бур-

¹ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 305, 308.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI. «Революция и контр-революция в Германии»; т. VII. «Демократический панславизм»; «Революционная борьба в Венгрии» и др.; В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 139, 325—326. 4-е изд.; И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 142—143.

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 307.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. I, стр. 32.

жуазии от политики той части дворянства чешских земель, которая полностью онемечилась и являлась одной из главных опор габсбургского абсолютизма. Однако в периоды революционных выступлений чешских «низов» — крестьянства и пролетариата — либеральная буржуазия всегда оказывалась в одном лагере с чешским дворянством — в лагере австрийской контрреволюции. Рассмотрение политической деятельности Палацкого может способствовать объяснению и правильному пониманию причин этого явления, поскольку позиция и взгляды Палацкого были типичными для всех его единомышленников из лагеря чешской либеральной буржуазии.

Деятельность Палацкого была разносторонней и многообразной. В истории Чехии Палацкий выступает и как деятель национального возрождения — один из столпов чешской буржуазной историографии; и как руководитель и организатор целого ряда национальных культурных и научных учреждений и мероприятий; и как виднейший политический деятель, руководитель национально-либеральной и старочешской партий; и как идеолог либеральной буржуазии XIX, а отчасти и XX века. Не ставя своей задачей анализ всех сторон деятельности Палацкого, мы попытаемся в общих чертах охарактеризовать его политическую деятельность в 40-х годах XIX века.

Как оценивала чешская буржуазная историография роль Палацкого? Вацлав Халоупецкий в работе о Палацком⁵ относит Палацкого «...к самым выдающимся мужам чешского народа, к великим духом, какими были Гус, Иржи из Подебрад, Коменский»⁶, и утверждает, что среди его современников не было ему равных. Халоупецкий доказывает, что Палацкий отражал стремления и защищал интересы всего чешского народа, что он был гением, являвшимся «воплощением стремлений народа» и представлявшим собой «своего рода чистейший кристалл народного существа». По Халоупецкому, Палацкий велик не только тем, что «все великие и выдающиеся события в жизни чешского народа в XIX в. связаны с его именем», но и тем, что он «дал народу, его судьбам направление, дал ему программу на будущее». Таково же мнение и Ярослава Голла⁷, утверждавшего, что «Палацкий дал нам программу всей нашей национальной жизни», что эта программа «не теряет своего значения и до сих пор (до 1918 г. — И. У.) и сохранит его в будущем»⁸. Адольф Крейчик также считал, что Палацкий создал общенациональную программу, соответствовавшую

интересам всего чешского народа и определившую единственно правильный путь его дальнейшего развития⁹. Примерно в том же духе говорят о Палацком Зд. Тоболка, Ф. Жилка, Ф. Рачинский, К. Гикль, Ф. Крейчи, И. Фишер, Ф. Рыпачек¹⁰ и ряд других авторов, посвятивших свои произведения Палацкому, — независимо от того, писали ли они в конце XIX в., как Крейчик, Жилка, Рачинский и др., или же в 20-х годах XX в., уже в период существования Чехословацкой республики, как Фишер, Гикль или же Каменичек, утверждающий, что возникновение Чехословацкой республики было торжеством идей, провозглашенных Палацким¹¹. Все они изображают Палацкого как «отца народа» и «вождя народа», как «будителя», «воспитателя» и «учителя» чешского народа, как человека, в совершенстве знавшего прошлое чешского народа и начертавшего его дальнейший путь, путь в будущее. Необходимо отметить, что и в народно-демократической Чехословакии вплоть до последних лет продолжала существовать и распространяться версия, будто народы Чехословакии идут по намеченному Палацким пути и выполняют и в настоящее время заветы Палацкого, сформулированные им ещё в середине прошлого века.

Мы имеем в виду прежде всего статью Ярослава Верштадта «Франтишек Палацкий и наша освободительная борьба», опубликованную в 1946 г.¹² и полностью сохранившую старую буржуазную точку зрения на роль Палацкого в чешской истории. Я. Верштадт договаривается до того, что идеи Палацкого будто бы вдохновляли чехов на борьбу против немецко-фашистских захватчиков в 1939—1945 годах. Заканчивает Верштадт свою статью словами: «Нет у чехов большего желания, чем то, чтобы славянская действительность сложилась в соответствии с мечтами Франтишка Палацкого, чтобы и здесь воплотились его идеи и вера в будущее»¹³. Известно, что Палацкий мечтал о буржуазных порядках

⁹ A d. K r e j č i k. Františka Palackého život, působení a význam, str. 44. Vinohrady, 1898.

¹⁰ Z d. T o b o l k a. František Palacký jako politik a historik, str. 49. Vinohrady, 1898; F. Ž i l k a. František Palacký, str. 7. Praha. 1898; F. R a č i n s k ý. František Palacký a jeho politický program, str. 31. Roudnice, n/L. 1889; K. H i k l. České obrození, str. 32. Praha. 1920; F. K r e j č í. František Palacký. Jeho význam v českém probuzení, str. 37. Praha, b. r.; J o s. F i s c h e r. Myšlenka a dílo Františka Palackého. Kniha 1, str. 285. Praha. 1926; F. R y p a č e k. František Palacký, str. 35—36. Brno. 1898.

¹¹ F. K a m e n i č e k. František Palacký v ústavním výboru říšského sněmu rakouského, str. 31—32. Praha. 1929.

¹² J a r. W e r s t a d t. František Palacký a náš osvobozenský boj. «Český časopis historický», ročn. XLVII, sv. I—IV. Praha. 1946.

¹³ Т а м ж е, стр. 105.

⁵ V. C h a l o u p e c k ý. Fr. Palacký. «Zlatoroh». Praha. 1912.

⁶ Там же, стр. 1.

⁷ J a r. G o l l. František Palacký. «Český. Časopis Historický. Ročn. IV, zešit 4. Praha. 1898, str. 211.

⁸ Там же, стр. 211.

да к тому же ещё был и монархистом, защищавшим Габсбургскую империю. В связи с этим становится вполне понятным существо призывов Верштадта.

В 1946 г. в Чехословакии была переиздана массовым тиражом брошюра Йозефа Доленского «Франтишек Палацкий — отец народа»¹⁴, также пропагандирующая буржуазную оценку политической деятельности Палацкого. По существу, в том же духе написана и вышедшая в 1948 г. книжка Ф. Бартоша о Палацком¹⁵. Рисуя Палацкого в обычном для буржуазной историографии идеализированном виде, Бартош совершенно безосновательно пытается противопоставить Палацкого дворянству, говоря об «отчуждении Палацкого от шляхты»¹⁶, называя его «народным политиком»¹⁷, утверждая, что письмо Палацкого во Франкфурт представляло собой «торжественный манифест не только чешского, но и всех славянских народов тогдашней Австрии»¹⁸.

Подобные оценки Палацкого в работах буржуазных историков неудивительны и лишь отражают тот очевидный факт, что в народно-демократической Чехословакии вплоть до настоящего времени продолжают иметь хождение различного рода буржуазные концепции, борьбу с которыми чехословацкие историки-марксисты лишь развёртывают.

Однако останавливает на себе внимание тот факт, что подобные либерально-буржуазные точки зрения находят место и в работах некоторых современных прогрессивных историков Чехословакии.

Приведём для примера статью Ярослава Харвата «Вечно живые заветы Фр. Палацкого»¹⁹. Харват полностью присоединяется здесь к точке зрения Камила Крофты, утверждавшего, что «дух, которым проникнута «История» Палацкого²⁰, будет, бог даст, вечно жить в чешском народе и охранять его от всех проявлений грубого эгоизма»²¹. «И действительно,—пишет Харват,—этот дух «Истории» Палацкого... жил, живёт и будет жить в чешском народе... Его теория... стала в дальнейшем политической программой народа... Идеи Палацкого стали собственностью всего народа»²². Харват утверждает, что «принципы демократии, гуманизма и свободы, к которым всегда призывал Палацкий и которые он последовательно соединял со своим пониманием принципа национальности, стали органической и живой частью национальной жизни

ни, поскольку в них содержатся принципы нового, лучшего мирового порядка»²³. Как видим, Харват повторяет в отношении Палацкого старую точку зрения чешской буржуазной историографии.

Лишь в самое последнее время эта точка зрения начала пересматриваться в работах некоторых чехословацких историков, которые устанавливают ту очевидную истину, что Палацкий не отражал интересов всего чешского народа и не руководил всем чешским народом, а был идеологом и руководителем лишь чешской либеральной буржуазии. Так говорят об этом А. Клима, В. Гуса, В. Чейхан, О. Ржига²⁴ и другие. Однако и они не всегда вскрывают до конца классовую сущность идеологии и деятельности Палацкого. Рассматривая эту его деятельность в ряде случаев как «ошибочную», они не формулируют того последовательного вывода, что политика Палацкого была для него закономерной, поскольку он не являлся и не мог являться «общенародным» деятелем, а был представителем определённого класса — чешской буржуазии, и притом либерального её направления.

Обратимся теперь к основным моментам политической деятельности Палацкого и постараемся охарактеризовать её подлинное содержание.

Начало активного участия Палацкого в политической жизни Чехии относится к началу 40-х годов. До приезда в Прагу Палацкий в течение нескольких лет (1817—1820) жил в качестве домашнего учителя в одной из аристократических венгерских семей в Братиславе. С самого начала своего пребывания в Праге Палацкий тесно связался с тамошними аристократическими кругами, оказавшими огромное влияние на его взгляды и практическую деятельность.

В 1823—1824 гг. Палацкий ежедневно бывал во дворце графов Штернбергов, для которых писал фамильную родословную. С 1825 г. он работал над составлением родословных графов Черниных, Кинских, Мартинцев, Альтгамов и других. Ему были открыты архивы Черниных в Индржиховом Градце и Лобковица в Роуднице, библиотеки графов Тунов в Дечине и Вальдштейнов в Духове. Граф Фр. Штернберг назначил Палацкого своим фамильным архиварием, платил ему жалованье и оказывал разнообразную материальную поддержку²⁵. В 1827 г. Палацкий был назначен редактором чешского и немецкого изданий чешского

¹⁴ J. Dolenský. František Palacký, otec národa. Praha. 1946.

¹⁵ F. Bartoš. Fr. Palacký — otec národa. Praha. 1948.

¹⁶ Там же, стр. 30.

¹⁷ Там же, стр. 31.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Jar. Charvat. Večne živý odkaz F. Palackého. «Tvorba», ročn. XV, № 26. Praha, 1946.

²⁰ Имеется в виду «История чешского народа» Ф. Палацкого.

²¹ Jar. Charvat. Указ. соч., стр. 405.

²² Там же, стр. 405—406.

²³ Там же, стр. 406.

²⁴ A. Klíma. Rok 1848 v Čechách. Praha. 1948; A. Klíma. Počátky českého dělnického hnutí. Praha. 1948; V. Husa. Slovanský sjezd z. 1848 s dnešního hlediska. Sborník «Slovanský sjezd v Praze z. 1848». Praha. 1848; V. Čejchan. Předsjezdové revoluční ovzduší a vznik sjezdu. Praha. 1948; O. Říha. Hospodářský a sociálně-politický vývoj Československa 1790—1945. Praha. 1946.

²⁵ V. Chaloupecký. Указ. соч., стр. 48—50.

Национального музея²⁶. Произошло это по настоянию стоявшего во главе комитета музея того же графа Фр. Штернберга. Одновременно Палацкий обучал чешскому языку графа Хотека, князя Карла Шварценберга, княжну Ауэрсберг, дочь роудницкого воеводы, постоянно бывал в семье барона Астфельда. В 1832—1835 гг. Палацкий преподавал немецкий язык герцогу Бордосскому, часто бывая в домашнем кругу его отца — французского короля Карла X, находившегося в этот период в Праге в эмиграции.

Благодаря связям с чешской аристократией Палацкий был назначен чешским сеймом на должность историографа чешского королевства и утверждён в этой должности указом императора. Связи Палацкого с чешским дворянством с течением времени делаются всё более крепкими. Эти связи открыли Палацкому в 20-х годах доступ в дом одного из богатейших людей Чехии, крупного землевладельца, пражского адвоката Яна Мехуры, на дочери которого Палацкий женился в 1827 году. Халоупецкий подчёркивает, что Яна Мехуру, которого он характеризует как «консерватора, богача и квазиаристократа», привлекли в Палацком больше всего его аристократические связи и взгляды самого Палацкого²⁷.

Каковы же были взгляды Палацкого в предшествовавший 1848 г. период, как относился он к чешскому дворянству, как определял сам Палацкий степень влияния чешских аристократов на его жизнь и воззрения? «Моя жизнь, вероятно, пошла бы совершенно иным путем, — пишет Палацкий, — если бы граф Штернберг, исключительно из-за интереса к чешской истории, не привлек меня к себе... и не стал для безымянного чужака почти что вторым отцом»²⁸. Именно граф Штернберг, которого Палацкий называет своим вторым отцом, а Халоупецкий — учителем Палацкого²⁹, ввёл последнего в общество чешских аристократов. «Частое и интимное общение с графом Штернбергом особенно способствовало успешному развитию моего духа: как раньше госпожа Зердагели³⁰, так теперь этот выдающийся шляхтич открыл мне глаза на жизнь народов»³¹, — записывал Палацкий.

Нельзя не согласиться с утверждением Халоупецкого, что «в Праге Палацкий имел в политике тех же учителей, что и в истории»³², т. е. того же графа Штернберга и других аристократов. Неверно, одна-

ко, мнение Халоупецкого, что все эти связи Палацкого с аристократами были успешно использованы им «на благо народа»³³. Напротив, именно чешские аристократы сумели использовать Палацкого в своих интересах. Именно в этот период Палацкий стал поклонником чешской шляхты, приверженцем и защитником политического союза чешской буржуазии — к богатейшей части которой он стал принадлежать после женитьбы на дочери Мехуры — с дворянством. Уже с самого начала 20-х годов Палацкий ожидал для Чехии «счастливейшей будущности» именно от чешской шляхты, утверждая, что «до тех пор, пока мы не привлечем к себе высшую шляхту, для нас не будет спасения»³⁴, и считал, что аристократы должны «стать тем, чем они должны быть: отцами народа»³⁵.

В начале своих исторических занятий Палацкий увлёкся личностью Тадеуша Костюшко, о чём свидетельствуют записи его дневника за август 1819 года³⁶. Однако это увлечение у Палацкого скоро прошло, и в период польского восстания 1830—1831 гг. он выступил решительно против революционных методов борьбы. Боязнь революционных методов борьбы, неприязнь к восстаниям и персворотам сказывались у него в самый ранний период. Уже в 1820 г. он отстаивал точку зрения, объявлявшую естественным спокойный, постепенный ход исторического процесса и противоестественными всякие попытки ускорить этот процесс³⁷.

Чешские аристократы имели все основания считать Палацкого человеком вполне благонадёжным.

В 1846 г. руководитель чешской сословной оппозиции³⁸ граф Бедржих Дейм пору-

³³ Там же, стр. 83.

³⁴ Там же, стр. 82.

³⁵ Там же, стр. 96.

³⁶ Františka Palackého korespondence a zápisky. Red. V. J. Nováček. T. I, str. 36—37. Praha. 1898.

³⁷ V. Chaloupcký. Указ. соч., стр. 96.

³⁸ Существо чешской сословной оппозиции заключалось в следующем. Права и привилегии чешского дворянства воплощались, в первую очередь, в правах сословного сейма, в котором оно полностью господствовало. Однако сословный сейм, имевший некогда довольно значительные права (давать согласие на введение новых или увеличение старых налогов, на сбор войска и др.), с течением времени всё больше терял своё значение, в корне подорванное централизаторской политикой Иосифа II. В начале XIX в. деятельность сословного сейма превратилась в пустую формальность. Стремясь к восстановлению своего бывшего влияния и авторитета, чешское дворянство оказалось в известной оппозиции к правительству, вело с ним бесконечный и безрезультатный спор о своих утраченных правах и привилегиях. Желание исторически обосновать права и привилегии чешской аристократии привело многих её представителей к поддержке и покровительству не-

²⁶ «Monatschrift der Gesellschaft des vaterländischen Museums in Böhmen» (ежемесячник) и «Časopis společnosti vlasteneckého museum v Čechách» (квартальник).

²⁷ V. Chaloupcký. Указ. соч., стр. 62.

²⁸ Там же, стр. 48—49.

²⁹ Там же, стр. 49.

³⁰ Венгерская аристократка из семьи Штертеров, у которой Палацкий в 1817—1820 гг. был воспитателем.

³¹ Цитирую по Халоупецкому. Указ. соч., стр. 50.

³² Там же, стр. 95.

чил Палацкому составить историко-юридический очерк конституционного права чешских земель. Обращаясь к Палацкому, граф Дейм имел в виду получить от него трактат, обосновывающий права чешского сейма на избрание короля в случае прекращения рода Габсбургов и на утверждение налогов для чешских земель, предусмотренные конституцией 1627 года. Палацкий составил «Памятную записку об изменениях чешской земской конституции»³⁹. В этой записке он утверждал, что основное различие между периодами чешской истории до Фердинанда II и после него состоит в том, что центральная государственная власть была до Фердинанда II недостаточно сильной, а после него сделалась слишком сильной. Далее Палацкий писал, что в мире происходит процесс централизации, объединения государств, при поглощении слабых государств более сильными. Централизация и цивилизация, по его утверждению, идут рука об руку, взаимно подкрепляя друг друга: «Обе они в сущности своей являются победой духа над материей, единого и объединяющего разума над бесконечным многообразием вещей»⁴⁰. Тот же процесс происходит и в чешской истории. И здесь содержанием важнейших конституционных изменений, писал он, является стремление центральной власти к достижению всё большего значения. «В наше время она (централизация государственной власти) не только достигла своей вершины, но и перевалила через нее... и в соответствии с вечным естественным законом поляризации вызвала к жизни еще более мощную противоположную силу — силу общественного мнения»⁴¹.

Последнее с развитием цивилизации приобретает всё большее значение, и из лона общественного мнения «по тому же закону поляризации начинает развиваться новый могучий фактор мировой истории — принцип национальности», противостоящий нивелирующим тенденциям централизации⁴².

Здесь Палацкий впервые выдвигает национальный момент в качестве центрального фактора общественной жизни. Здесь же он подчёркивает, что, высказываясь против некоторых пережитков средневекового феодализма, он отнюдь не выступает против аристократии, «ибо она является естественным следствием всякого общественного строя, она с давних времен всюду была и всюду и всегда будет»⁴³.

Однако, отмечает Палацкий, аристократия должна учитывать дух времени и сообразовываться с ним, чтобы не потерять своего авторитета и веса в общественной

которых историков, доказывавших незыблемость прав чешской короны и её дворянства.

³⁹ Pamětní spis o proměnách české ústavy zemské. «Františka Palackého spisy drobné». Díl. I. Spisy a řeči z oboru politiky. Red. B. Rieger, str. 2—6. Praha. 1898.

⁴⁰ Там же, стр. 3.

⁴¹ Там же, стр. 6.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 5.

жизни. Нет сомнения, что Палацкий считает необходимым сохранить и поддержать авторитет высшего дворянства, в котором он видит одну из важнейших опор «порядка».

Уже в 40-х годах Палацкий выступает определённым сторонником союза чешской буржуазии с дворянством. Вместе с тем он высказывается за сотрудничество чешской буржуазии с венским правительством и участвует в покровительствуемых правительством буржуазных организациях: «Промышленное общество», «Мещанская беседа» и других.

Однако в период, предшествовавший 1848 г., Палацкий не играл ещё руководящей роли в политической жизни Чехии. Только в период революционных событий 1848—1849 гг. он начинает играть эту роль. Революционные события 1848—1849 гг. начались в чешских землях подъёмом антифеодального движения в деревне и выступлениями чешского пролетариата против капиталистической эксплуатации в городах. Подъём демократического движения в стране выдвинул на передний план политической жизни радикально-демократическое крыло буржуазии. Всё это в серьёзной степени обеспокоило представителей так называемого «умеренно-либерального» крыла чешской буржуазии, возглавлявшегося Палацким, Браунером, Трояном и другими.

5 марта 1848 г., сообщая жене о впечатлении, произведённом в Праге падением Луи Филиппа, Палацкий выражал надежду на то, что «до политических демонстраций против правительства дело не дойдет и что национальные стремления наши не сойдут с легального пути»⁴⁴. Однако дальнейшее развитие событий не оправдывало надежд Палацкого и внушало чешским либералам, а ещё больше чешскому дворянству, всё более серьёзные опасения. Когда чешские либерально-буржуазные политики из «Промышленного общества» и «Мещанской беседы» увидели, что демократическое движение начинает организационно оформляться, когда радикалы стали готовить массовый митинг с участием рабочих и ремесленников, когда стало очевидно, что развитие событий выдвигает демократические круги пражской буржуазии и интеллигенции в авангард политической борьбы, — тогда эти политики приняли решение проникнуть в руководство происходившего в стране движения и повернуть его с пути борьбы за изменение социального положения трудящихся масс на путь борьбы национальней.

С этой целью 7 марта 1848 г. они предложили радикалам совместные действия, добиваясь совместной с радикалами подготовки и проведения первого политического митинга с тем, чтобы придать ему мирный, лояльный по отношению к правительству характер. В ходе этого митинга, так называемого «святовацлавского собрания», либералам не удалось одержать определё-

⁴⁴ K. K a z b u n d a. České hnutí roku 1848, str. 36. Praha. 1929.

ной победы над радикалами. В связи с этим либералы повели борьбу за овладение созданным на этом митинге политическим органом — «Святовацлавским комитетом». Однако это им также не удалось. Заметим, между прочим, что именно ввиду этого обстоятельства чешской аристократией вскоре был выдвинут на политическую арену Палацкий, который по требованию графа Войтеха Дейма вступил 10 апреля 1848 г. в комитет с задачей ослабить в нём влияние радикалов.

Палацкий уже раньше выступал в печати, хотя и не участвовал в политических органах. Указ императора, обещавший созвать в ближайшее время представителей от всех провинциальных сеймов, включая представителей «городского сословия», для обсуждения проекта конституции, вызвал во второй половине марта в Чехии много различных толкований конституционных принципов. 19 марта выступил со своим толкованием конституции и Палацкий⁴⁵.

Рассматривая обещание императором конституции как отказ от единоличного решения всех вопросов управления страной и как обязательство в дальнейшем перед принятием каждого закона испрашивать согласие народных представителей, Палацкий оценивал этот акт как возвращение императором чешскому народу прав, которых он был лишён в течение более чем двух столетий. Однако Палацкий сразу же предупреждал, что, приобретая таким образом весьма важные и существенные права, чешский народ не освобождается от своих обязанностей: «Все различие заключается лишь в том, что до сих пор мы имели мало прав и много обязанностей, теперь же нам прибавили прав, чтобы было равновесие между нашими правами и обязанностями. На этом взаимном уравнивании прав и обязанностей основывается гражданская свобода: кто хочет иметь одни только права без обязанностей, тот хочет быть деспотом, кто имеет одни лишь обязанности без всяких прав, тот раб»⁴⁶.

Введение конституции, писал Палацкий, не означает наступления «счастливого лета» для всех лентяев, расточителей и бунтовщиков. Дальнейшее содержание статьи показывает, что Палацкий больше всего беспокоился именно о поведении последней из названных категорий — бунтовщиков. Кого же он имел в виду, говоря о бунтовщиках? Прежде всего тех, кто попытался бы уклониться от выполнения различных повинностей и от уплаты налогов: «Налоги будут уплачиваться и впредь, ибо земли наши и вся империя не могут без них существовать»⁴⁷.

Палацкий оказался вынужденным коснуться и важнейшего из стоявших в то время вопросов социальных отношений — вопроса о барщине. Сформулированная им

в разбираемой статье точка зрения была характерной для позиции, которую занимала в тот период чешская либеральная буржуазия. Поэтому обратим на неё особое внимание: «Барщина там, где она существует, не может быть и не будет уничтожена совершенно, поскольку она является исконным, стародавним и действительным долгом на сельском земельном участке и, следовательно, частью господской собственности, которой нельзя господина лишить по справедливости. Требовать от господ, чтобы они отказались от всякой барщины, было бы тем же самым, что требовать от всех кредиторов, чтобы их должники ничего им не платили... Это уже не было бы правом справедливости, правом людей честных и свободомыслящих»⁴⁸.

Разумеется, Палацкий не высказывается за сохранение в неприкосновенном виде феодалных повинностей, в том числе и барщины. Поскольку он выражает здесь интересы либерально-буржуазные, он — за реформы, но за такие реформы, которые были бы «спокойно обсуждены людьми сведущими, без волнений и потрясений». Направление и характер этих реформ характеризуют слова Палацкого: «...вскоре будет публично обсуждено, каким образом справедливо удовлетворить обе стороны, чтобы можно было как можно скорее осуществить повсюду выкуп барщины и поднять сельское население на высшую ступень свободы путем равно справедливым перед богом и людьми»⁴⁹.

Отметим, что, говоря о грядущих на основании конституции преобразованиях, Палацкий постоянно стремится подчеркнуть, что произойдёт лишь улучшение, но не разрушение старых, существовавших ранее порядков и установлений. Суды, обещает он, будут совершаться публично, «чтобы каждый мог присутствовать и удостовериться в справедливости судей», но каждый нарушитель порядка и преступник «будет и впредь судим и наказуем, как и до сих пор...». «Земские и местные учреждения будут, как и до сих пор, управлять и руководить, но чиновников в городах и сельских местностях будут избирать себе сами горожане и поселяне, а общественные доходы будут сообщаться и опубликовываться по требованию всего населения»⁵⁰. Главное же своё внимание Палацкий уделяет обращённым к народу призывам к спокойствию, к содружеству с господами и угрозам по адресу нарушителей «порядка»: «Безбожные, неблагородные и вообще не порядочные вещи совершать либо высказывать, писать и распространять при помощи печати никому не будет разрешено; если же кто-нибудь настолько забудет свою честь, что нанесет ближнему своему оскорбление или будет подстрекать к чему-нибудь злему, того за это постигнет справедливое наказание»⁵¹.

⁴⁵ F. Palacký. Co jest konstituace? «Radhost». Díl III, str. 3—6. Praha. 1871.

⁴⁶ Там же, стр. 4.

⁴⁷ Там же, стр. 5.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 6.

⁵⁰ F. Palacký. Указ. соч., стр. 6.

⁵¹ Там же.

Вполне очевидно, что пронизывающий всю эту статью страх перед «бунтовщиками», «подстрекателями», «нарушителями порядка», перед народом, отказывающимся от выполнения барщины и уплаты налогов, имел вполне реальные основания в тех антифеодальных и демократических выступлениях широких народных масс, которые происходили в чешских землях уже с самого начала революционных событий 1848 года.

Очевидный классовый характер этих выступлений заставлял чешскую либеральную буржуазию искать способов отвлечения народных масс от вопросов социальных, от революционных методов борьбы. И уже в самом начале движения 1848 г. чешские либералы обращаются к выдвигению на первый план национальных вопросов, как к средству отвлечения народных масс от борьбы за свои классовые интересы.

Заканчивая свою статью, Палацкий пока ещё в завуалированной форме выдвигает национальный момент: «Есть еще великое множество обстоятельств, которые благодаря конституции принесут народу большую пользу, но которых всех в этой краткой статье перечислить нет возможности. Обратим внимание еще только на одно обстоятельство, касающееся положения нашей национальности в Чехии и Моравии: это обстоятельство состоит в том, что немец впредь не будет иметь никаких преимуществ перед чехом, что оба народа будут равноправны, что во всех школах будут учиться одинаково как чешскому, так и немецкому языкам, чиновники не будут больше говорить и управлять на непонятном для народа языке»⁵².

Совершенно иное место национальный момент занимает в другом документе — известном «Письме во Франкфурт» от 11 апреля 1848 г., написанном Палацким в ответ на приглашение принять участие в работе Франкфуртского предпарламента, требовавшего включения чешских земель в состав германской империи.

Письмо Палацкого во Франкфурт является одним из важных документов периода революции 1848 г. в австрийской империи, определившим ряд основных положений политической и национальной концепции чешской либеральной буржуазии. Вместе с тем сформулированные в этом письме принципы сыграли существенную роль и в дальнейшей национально-политической истории Чехии.

Палацкий начинает письмо с указания на то обстоятельство, что самый факт его приглашения во Франкфурт свидетельствует о доверии к нему со стороны руководящих германских политических деятелей и снимает с него обвинение во враждебности к немецкому народу. Однако выраженное ему Франкфуртским предпарламентом доверие, говорит Палацкий, накладывает на него тем большую обязанность ответить «прямо и без недомолвок».

Указав в самом начале письма, что он не может принять адресованного ему при-

глашения, Палацкий переходит к мотивировке своего отказа. Видя цель Франкфуртского собрания в том, чтобы «на место существовавшего до сих пор союза князей поставить союз немецкого народа, привести немецкий народ к действительному единству, укрепить чувство немецкой национальности и этим способом умножить силу и мощь германской империи»⁵³, Палацкий указывает, что он не может содействовать осуществлению этой цели, подчёркивая, что он не немец, а «чех славянского племени», посвятивший себя навсегда служению своему народу. Палацкий пишет, что, не сочувствуя этим стремлениям Франкфуртского предпарламента, он «должен был бы во Франкфурте либо скрыть свои чувства, либо, если бы дело дошло до этого, открыто протестовать. Для первого я слишком искренен и откровенен, для второго не обладаю достаточной дерзостью и бесцеремонностью»⁵⁴.

Далее Палацкий указывает на то, что чешский народ всегда представлял собой самостоятельное целое, не сливавшееся с народом немецким: «Государи его постоянно участвовали в союзе немецких князей, но народ никогда не причислял себя и не был причисляем другими к народу немецкому»⁵⁵.

Связь чешских земель с германской империей, а затем с германским союзом никогда не была органической, писал он. Если и признать, что чешская корона некогда находилась в ленной связи с германской империей, что, как подчёркивает Палацкий, однако, отрицалось всегда чешскими историками и публицистами, то всё равно не может быть сомнения в существовавшей всегда полной суверенности во внутренних делах и законности правительства чешских земель. Всеми миру известно, пишет Палацкий, что германские императоры никогда не были хозяевами в чешских землях, «что им в Чехии не принадлежала ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная власть над чехами; что они никогда не имели права набирать в этих землях войска; что Чехия вместе со своими коронными землями не принадлежала никогда ни к одной из существовавших десяти немецких областей; что принадлежность к имперской судебной камере никогда к ней не относилась и т. д.; что, следовательно, вся существовавшая до сих пор связь чешских земель с германской империей должна рассматриваться не как союз народа с народом, а как союз государя с государем»⁵⁶.

В связи с этим, утверждает Палацкий, выдвигаемое теперь требование соединения чешского народа с народом немецким является требованием совершенно новым, не имеющим никакого историко-юридического основания.

⁵³ F. Palacký. Psání do Frankfurta. «Radhost», III, str. 10—11.

⁵⁴ Там же, стр. 11.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ F. Palacký. Psání do Frankfurta. «Radhost», III, str. 12.

Далее Палацкий указывает, что в соответствии с многочисленными публичными заявлениями участников Франкфуртского парламента его дебаты преследуют цель «навсегда ослабить Австрию и даже сделать невозможным ее существование в качестве самостоятельного государства»⁵⁷. Между тем, утверждает Палацкий, сохранение целостности и укрепление австрийского государства «есть и должно быть великим и важным делом не только моего народа, но и всей Европы, даже всего человечества и цивилизации»⁵⁸. Таким образом, Палацкий переходит здесь к формулированию и мотивировке теории австрославизма.

Палацкий указывает на огромный рост могущества государства, «владеющего всем великим востоком нашей части света», «растущего и крепнущего с каждым десятилетием», «почти неприступного для каких-либо нападений» и «ставшего уже давно опасным для своих соседей», государства, именуемого Российской империей.

Палацкий указывает, что в юго-восточной части Европы, у границ Российской империи, обитают многие народы, не являющиеся сами по себе достаточно сильными, чтобы успешно противостоять царской России, значительно превосходящей по своей мощи каждый из этих народов. «Они смогут сделать это только в том случае, если всех их свяжет воедино тесный и прочный союз»⁵⁹.

Жизненной артерией этого союза, необходимость которого доказывает Палацкий, является Дунай, от которого не должен никогда отклоняться центр тяжести этого союза. «Действительно, — пишет Палацкий, — если бы австрийского государства не существовало уже с давних пор, мы должны были бы в интересах Европы, в интересах человечества постараться немедленно его создать»⁶⁰.

Далее Палацкий переходит к анализу причин того, что австрийское государство, «призванное природой и историей быть щитом и защитой Европы от всякого рода азиатских элементов», оказывалось на протяжении истории в критические моменты «беспомощным под натиском настигавших его бурь».

Главную и решающую причину внутренней слабости австрийской империи Палацкий видит в том, что «она сама в несчастном ослеплении уже с давних пор не сознавала и отвергала подлинную правовую и моральную основу своего существования, а именно то основное правило, чтобы все объединенные под ее скипетром национальности и вероисповедания взаимно пользовались полным равенством и покровительством закона. Право народов — это подлинно естественное право; ни один народ на земле не имеет права требовать, чтобы для его блага сосед его приносил себя в жертву, никто не обязан для блага своего соседа отречься от себя или жертво-

вать собой. Природа не знает ни господствующих, ни подчиненных народов»⁶¹.

Забвение этих истин, стремление немцев к господству над другими народами австрийской империи и является, по мнению Палацкого, главной причиной внутренней слабости габсбургской монархии. Палацкий считает, что основной задачей государственной власти является соблюдение принципа равноправия, гарантия этого принципа для всех народов и вероисповеданий империи.

«Если союз, объединяющий в единое политическое целое множество различных народов, хочет быть крепким и длительным, ни один народ не должен иметь причины опасаться, что благодаря этому союзу он утратит некоторые из наиболее драгоценных своих прав; наоборот, каждый народ должен иметь определенную уверенность в том, что он найдет в центральной власти охрану и защиту от возможных нарушений равноправия со стороны соседей»⁶².

В этом письме Палацкий выражает определенную уверенность в том, что ещё не поздно провозгласить и осуществить в империи принцип национального равноправия, который он называет «основным правилом справедливости», «спасительным священным якорем» в грозящем австрийскому кораблю кораблекрушении. Призывая австрийское правительство к осуществлению принципа национального равноправия, Палацкий пытается несколько припугнуть его напоминанием о том, что «Меттерних пал не только потому, что был величайшим врагом свободы, но также потому, что он был злейшим и главнейшим врагом всех славянских национальностей в Австрии»⁶³.

Палацкий подчёркивает, что лишение австрийского государства права иметь собственное, независимое от Франкfurта правительство означало бы практически уничтожение этого государства. «Для спасения Европы Вена не должна опуститься до уровня провинциального города. Если же имеются в самой Вене такие люди, которые хотят иметь своей столицей ваш Франкфурт, то мы должны сказать о них: Господи, прости их, ибо не ведают, что творят»⁶⁴.

Далее Палацкий переходит к обсуждению вопроса о перспективах будущего государственного устройства Германии с тем, чтобы сформулировать своё отношение к формам государственной власти. Он обращается к проекту создания германской республики: «Что же касается образования в Германии республики, то этот вопрос находится совершенно вне моей компетенции, в связи с чем я не желаю высказывать о нем своего мнения. Однако я должен решительно и настоятельно отбросить всякую мысль о республике применительно к австрийской империи. Представьте себе

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 15.

⁶⁴ F. Palacký. Psaní do Frankfurta. «Radhost», III, str. 16.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, стр. 13.

⁶⁰ Там же, стр. 14.

австрийскую империю разделенной на множество республик и республичек — какая это прекрасная база для универсальной русской монархии!»⁶⁵.

Палацкий заканчивает письмо заявлением, что требовать присоединения Австрии, а вместе с нею Чехии к германской империи значит, по сути дела, требовать от них самоубийства, бессмысленного как в моральном, так и в политическом отношении. Значительно более оправданным считает Палацкий пожелание о присоединении Германии на условиях равноправия к австрийской империи. Однако, если это не соответствует немецким национальным чувствам и взглядам, то «не останется ничего иного, кроме того, чтобы обе державы, австрийская и германская империи, сосуществовали рядом друг с другом на началах равноправия»⁶⁶, превратив свой союз в союз оборонительный и установив между собой таможенное единство.

Таково содержание письма Палацкого во Франкфурт. Как должно быть оценено нами это письмо и какова роль, сыгранная им в ходе событий 1848 года? Невозможно рассматривать содержание этого письма изолированно от той конкретной социально-политической обстановки, какая имелаась в стране в момент его появления. В самом деле, лозунг национального равноправия, выдвигавшийся и отстаивавшийся Палацким, сам по себе никак не мог считаться лозунгом реакционным и в определенных условиях заслуживал самой решительной поддержки со стороны демократических и революционных элементов и партий чешского народа.

Требование предоставления чешским землям самоуправления во внутренних делах, казалось бы, было само по себе требованием вполне разумным и обоснованным. Точно так же идея преобразования Австрии или любого другого многонационального государства в федерацию равноправных национальных государств не может быть признана реакционной, если брать её изолированно от конкретных условий 1848 г., от хода и интересов европейской революции. Тем более обоснованной необходимо признать борьбу против попыток включения чешских земель в состав Германии при отказе последней от признания чешских национальных интересов и потребностей.

Не забудем, однако, той конкретной обстановки, в которой выдвигались и пропагандировались Палацким и другими чешскими либералами все эти лозунги и требования. Обстановка эта характеризовалась подъёмом массового демократического движения, антифеодальной борьбой чешского крестьянства, борьбой пролетариата чешских городов за улучшение своего социального положения, борьбой мелкой буржуазии и демократической буржуазной интеллигенции за политические преобразования в стране, за демократизацию общественного строя, за демократизацию избирательной

системы и за целый ряд других социально-политических преобразований.

Отметим, что антифеодальные выступления и восстания крестьян в деревне были направлены против феодалов-землевладельцев обеих национальностей, что крестьяне громили помещичьи усадьбы, не считаясь с тем, принадлежали ли эти усадьбы немецким или чешским феодалам, что пролетариат чешских земель вступил уже в борьбу с фабрикантами и капиталистами, и чешскими и немецкими, что имел уже место целый ряд совместных выступлений чешских и немецких рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, интеллигенции, что, таким образом, демократическое движение в чешских землях принимало всё более классовый, социальный характер, втягивая в политическую борьбу всё большие слои народных масс и создавая всё более серьёзную угрозу для эксплуататорских классов.

Если мы, учтя все эти обстоятельства, снова обратимся к письму Палацкого, то определённо увидим, что центральная идея этого письма заключается именно в борьбе против демократического движения в стране, в стремлении снять с повестки дня вопросы социальной борьбы и выдвинуть на первый план вопросы национальные. В самом деле, мы не найдём в этом письме — содержание которого приведено нами максимально полно — ни одного упоминания о необходимости социальных преобразований в Австрии, устранения господствующего в ней феодально-абсолютистского режима, изменения социального положения крестьянства и пролетариата. Палацкий много говорит о равноправии, но о равноправии только национальном, стремясь тем самым прежде всего снять с обсуждения вопрос о равенстве социальном. Европейская революция 1848 г. поставила на очередь вопрос о демократическом преобразовании Германии. Интересы революции требовали уничтожения феодально-абсолютистской империи Габсбургов. Палацкий же главное внимание уделяет доказательству необходимости сохранения и укрепления этой империи, опираясь опять-таки на национальные аргументы. Палацкий открыто и определённо провозглашает себя решительным противником республиканского строя, безусловным сторонником и защитником монархии, снова выдвигая здесь доводы и аргументы национальные.

Что касается идеи Палацкого о преобразовании австрийской монархии в федерацию равноправных национальностей, то в тех исторических условиях идея эта означала лишь защиту необходимости сохранения империи Габсбургов. Непременным условием установления национального равноправия должна была бы явиться победа демократической революции в стране и коренное преобразование её государственно-политического строя, а именно против революции и демократии и боролись прежде всего Палацкий и его сторонники.

Выдвинутые Палацким лозунги и требования в конкретных условиях марта — апреля 1848 г. представляли собой реакцию буржуазно-помещичьих кругов на подъём

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 17.

демократического движения в стране. Эти лозунги и требования имели целью спасение антидемократической, реакционной австрийской монархии, отвлечение народных масс от классовой борьбы, пропаганду среди этих масс национализма, стремление примирить под национальным знаменем эксплуататорские и эксплуатируемые классы чешских земель, подорвать развитие революционного демократического движения. Таково содержание австрославизма с момента его формулирования Палацким на протяжении всего хода событий 1848—1849 годов.

Однако в начальный период движения в Чехии чешским буржуазным либералам не удалось повести за собой массы, руководство которыми вплоть до поражения пражского восстания в июне 1848 г. продолжало находиться в значительной мере в руках радикально-демократических кругов чешской мелкой буржуазии и интеллигенции. Это не значит, что Палацкий и его сторонники не стремились взять в свои руки руководство движением. Напротив, именно к этой цели они стремились прежде всего, и именно этой цели должно было служить письмо Палацкого во Франкфурт, как и ряд других выступлений чешских либералов.

Сформулированные Палацким положения австрославизма нашли полную поддержку в среде чешской либеральной буржуазии, а также в среде дворянства. Примерно те же положения отстаивал и один из ближайших политических сотрудников Палацкого — Франтишек Ригер, а также Карел Гавличек-Боровский, ещё в 1846 г. писавший, что австрийская монархия представляет собой «наилучшую гарантию сохранения славянских народов» и что «с ростом могущества этой империи будут крепнуть и эти национальности»⁶⁷.

За три недели до опубликования письма Палацкого во Франкфурт, 19 марта, Карел Гавличек писал: «Полная самостоятельность в настоящее время, когда в Европе возникли огромные государства, была бы для нас лишь несчастьем; мы были бы прежде всего всегда государством слабым, зависимым от других, и наша национальность была бы всегда в величайшей опасности. В союзе же с остальными славянами в Австрии мы можем пользоваться, как особая чешская корона, всяческой самостоятельностью и одновременно величайшими выгодами нашего великого государства»⁶⁸.

Один из руководящих деятелей чешского национального возрождения, принадлежавший к тому же политическому лагерю, что и Палацкий, Павел Иозеф Шафарик, писал 21 апреля 1848 г. Палацкому о полном согласии со всеми положениями «Письма во Франкфурт»⁶⁹. Контрреволюционный австрийский генерал, бан Хорватии Елачич,

был «искренним приверженцем той политики, которую сформулировал и обосновал Палацкий в своем письме во Франкфурт»⁷⁰.

Сформулированная Палацким в этом письме австрославистская точка зрения стала затем более чем на полстолетия господствующей среди чешской буржуазии. В 1848 г. австрославистская теория была важнейшей частью политической программы чешских либералов. Однако последним не удалось в доиюньский период использовать австрославистскую теорию для действительной поддержки габсбургской монархии. Это удалось им лишь после поражения пражского восстания, когда разгромленные в ходе этого восстания демократы были фактически лишены возможности активно участвовать в общественно-политической жизни Чехии и когда во главе движения оказались Палацкий и его политические сотрудники.

Мы не будем специально останавливаться на позиции и выступлениях Палацкого, относящихся к периоду Славянского съезда и пражского восстания, поскольку этот вопрос нашёл некоторое освещение в опубликованных нами ранее статьях⁷¹. Укажем лишь, что и в том и в другом случае Палацкий последовательно отстаивал реакционную австрославистскую теорию, боролся против демократизма и революционности, а, увидев в период пражского восстания выступившие с оружием в руках чешские народные массы, открыто перешёл в лагерь контрреволюции.

Период, следовавший за поражением пражского восстания, характеризовался решительным наступлением реакции в чешских землях, преследованием демократических, революционных элементов, насильственным устранением их от руководства общественным движением в Чехии, открытым союзом чешской либеральной буржуазии с монархией и контрреволюцией, господствующей ролью либералов в официальной политической жизни Чехии.

Одним из важных следствий пражского восстания явилось оформление двух главных политических направлений в среде чешской буржуазии в самостоятельные, противостоящие друг другу и борющиеся между собой политические партии: национально-либеральную и радикально-демократическую.

В результате полицейских преследований радикалов, использования войск против революционных выступлений чешских народных масс и для предотвращения этих выступлений политика национально-либеральной партии стала господствующей в официальной общественной жизни Чехии, в её руководящих политических органах и среди

⁷⁰ К. K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 179.

⁷¹ См. статьи: «Из истории пражского восстания 1848 г.» («Вопросы истории» № 12 за 1948 г.); «Из истории славянского съезда в Праге в 1848 г.» («Учёные записки» Института славяноведения АН СССР, т. I); «К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 году» («Вопросы истории» № 5 за 1947 г.).

⁶⁷ K. H a v l í č e k - B o r o v s k ý. Politické spisy, Díl. I, str. 69. Praha. 1900.

⁶⁸ Там же, стр. 241.

⁶⁹ Z. T o b o l k a. Slovanský sjezd v Praze roku 1848, str. 54. Praha. 1901.

чешских депутатов австрийского рейхстага. Этому способствовала и антиславянская политика немецких господствующих классов и националистическая агитация чешских реакционеров. Именно деятельность национально-либеральной партии, руководимой Палацким и его единомышленниками, привела к тому, что возглавленные этой партией политические выступления чехов сыграли в решающий для общевстрийской революции период контрреволюционную роль.

Не останавливаясь в данной статье подробно на политике этой партии, упомянем лишь о позиции, занятой в послепонижский период Палацким.

В начавшем свою работу 22 июля 1848 г. австрийском рейхстаге подавляющее большинство чешских депутатов, возглавленное Палацким, составило ядро парламентской правой. Таким образом, Палацкий стал лидером всех правых элементов рейхстага. Вступив в рейхстаг, чешские либералы провозгласили, что главной своей задачей они ставят сохранение и защиту габсбургской монархии, что означало прямой союз их с этой монархией. Под руководством Палацкого большинство чешских депутатов высказалось при обсуждении вопроса об отмене феодальных повинностей за выкуп этих повинностей и вознаграждение помещиков. Выступая в прениях 22 августа, Палацкий высказался против проекта ликвидации дворянского сословия⁷², а при обсуждении законопроекта Кудлиха предложил такую формулировку соответствующего параграфа, которая предусматривала вознаграждение помещикам за важнейшие из отменяемых повинностей⁷³.

2 сентября Палацкому был предложен портфель министра просвещения в правительстве. Палацкий, однако, отказался от этого предложения, мотивируя свой отказ тем, что назначение его министром вызвало бы недовольство среди немецких депутатов рейхстага, толкнуло бы их в оппозицию и ослабило бы тем самым позицию венского правительства⁷⁴.

Враждебное отношение Палацкого и его политических сотрудников к революционному движению с особой резкостью и определенностью проявилось в период обсуждения рейхстагом вопроса о допуске на заседание прибывшей в Вену с просьбой о помощи против Елачича венгерской делегации. Чешские либералы резко и в издевательском тоне выступили против допуска в зал представителей революционной Венгрии⁷⁵ и добились того, что эти представители вынуждены были вернуться домой, так и не изложив рейхстагу своей просьбы.

⁷² См. F. Palacký. Spisy drobné, I, str. 54—55.

⁷³ См. там же, стр. 55.

⁷⁴ См. Františka Palackého vlastní životopis. Vydal F. Krčma. «Dílo Františka Palackého» sv. I, str. 52.

⁷⁵ См. F. Palacký. Spisy drobné, I, str. 56.

Когда революционное выступление народа в октябрьские дни 1848 г. привело к бегству правительства из Вены, именно чешские депутаты-либералы явились инициаторами бегства реакционных депутатов рейхстага. 36 чешских депутатов во главе с Палацким покинули Вену в первые же дни октябрьского восстания, а когда 7 октября оставшиеся в Вене депутаты потребовали возвращения бежавших, они ответили отказом и опубликовали 13 октября специальное заявление, в котором резко выступили против восстания⁷⁶.

Опасаясь, что продолжение деятельности оставшихся в Вене депутатов может «узаконить» восстание, чешские либералы объявили в своём заявлении эту деятельность незаконной и потребовали прекращения работы рейхстага в Вене. Вслед за этим, стремясь лишить восставших венцев влияния на судьбу государства, на деятельность правительственных органов и рейхстага, чешские депутаты по инициативе Палацкого обратились к императору с требованием перенести заседание рейхстага в Моравию. Это предложение обосновывалось в написанной Палацким «Памятной записке чешских депутатов рейхстага министерству», датированной 24 октября 1848 года. В записке⁷⁷ Палацкий указывал на то, что приближается момент, когда должен быть окончательно решён вопрос о дальнейшем существовании Австрии: «Те элементы, которые поклялись, что помешают возрождению Австрии, все уже более или менее открыто выступили на поле боя: итальянцы и мадьяры, как и большая часть поляков и немцев, уже подают друг другу руки, чтобы в злополучном ослеплении разрушить, как мнимую тюрьму, старинный славный дом, который в дальнейшем стремится лишь предоставить мирный приют для защиты их всех. Напротив, западные и южные славяне, как и все лояльно мыслящие немцы, чувствуют побуждение добиться сохранения этого своего пристанища... Прежде всего, разумеется, здесь будет решать меч, и надо надеяться, что решение осуществится не иначе, как в пользу высочайшей династии, выдержавшей тяжёлые испытания, и народов, ей искренне преданных. Но глубоко ошибся бы тот, кто полагал бы, что в наши дни меч может удержать единство государства и на дальнейшие времена. Это смогут на будущее сделать только политические или национальные идеи»⁷⁸.

Далее Палацкий формулирует ту национально-политическую программу, которая, по его мнению, должна явиться базой существования австрийской империи. Входящие в состав этой империи народы, говорит Палацкий, каждый в отдельности

⁷⁶ Vyjádření českých poslanců říšských o bouřích Vídeňských i sněmu říšském. J. Černý. Boj za právo. Díl. I, str. 426—429. Praha. 1893.

⁷⁷ Pamětní spis českých poslanců říšských k ministerstvu. F. Palacký. Spisy drobné, I, str. 65—68.

⁷⁸ Там же, I, str. 65.

слабы для самостоятельного существования, в связи с чем они непременно должны вступить между собой в государственно-правовой союз, который, однако, может существовать сколько-нибудь продолжительное время лишь при условии соблюдения принципа полного равноправия всех национальностей. Лишь в том случае, если государство обеспечит равные права и равную свободу для всех своих составных частей, ни одна из этих частей не будет стремиться к отделению от государства. Палацкий указывает, что на основе этого принципа рейхстаг совместно со «свободо-мыслящим» министерством уже начал работать над проектом переустройства империи. Однако эта созидательная работа была прервана кровавым восстанием 6 октября, организованным «объединившимися врагами Австрии», обманувшими венское население. «Собственно говоря, причиной революции было то, что мадьяры не хотели предоставить живущим в Венгрии славянам, немцам и румынам равных национальных прав; средством и рычагом были, с одной стороны, подкупы, а с другой — ложь и клевета, против которых венцы не могли устоять уже потому, что, будучи распалены продажной и бесстыдной прессой, почти все разделили с мадьярами ненависть к славянам»⁷⁹.

Палацкий, а с ним вместе и остальные чешские депутаты-либералы выступили в защиту кабинета Добльгофа, заявив, что «только так могло случиться, что министерство, бывшее наиболее свободомыслящим австрийским министерством, было обвинено в реакционных стремлениях»⁸⁰. Говоря же об отношении венцев к венгерским революционерам, Палацкий отмечает, что «заносчивые мадьяры, напротив того, изображались (венцами. — И. У.), несмотря на свой национальный деспотизм как носители и защитники, даже как мученики политической свободы»⁸¹.

В гневе на революционную Вену Палацкий даже подверг сомнению возможность её дальнейшего существования в качестве столицы империи, ибо венское население не остановилось перед тем, чтобы «использовать самые насильственные средства для того, чтобы разогнать неприятное для себя большинство рейхстага и опирающееся на это большинство министерство»⁸².

Палацкий позорно выступил в защиту ненавистного народу реакционера-министра Латура и утверждал, что тот факт, что его убийцы до сих пор не арестованы и не преданы суду, свидетельствует о зависимости оставшихся в Вене членов рейхстага от «взбунтовавшейся толпы».

Памятная записка заканчивалась заявлением о том, что члены рейхстага из Чехии «предъявляют формальное требование, чтобы высокое министерство заявило его величеству о настоятельной необходимости

созвать членов законодательного рейхстага, по большей части разъехавшихся для продолжения совещаний, прерванных 6 октября, без промедления в город Кромержиж в Моравии не позже 15 ноября с. г.»⁸³.

Эти предложения, по уполномочию чешских депутатов, были сообщены Палацким сбежавшему в моравский город Оломоуц императору, принявшему их и издавшему рескрипт об отсрочке заседаний рейхстага и перемещении его в Кромержиж.

Ход октябрьской революции в Вене известен. Общеизвестно также, что реакционные чешские депутаты рейхстага сыграли важную роль в целом ряде контрреволюционных мероприятий правительства, парализовали деятельность рейхстага, помешали чешским народным массам поддержать венских повстанцев и стали на сторону Елачича и Виндишгреца, задушивших австрийское революционное движение 1848 года.

Чешские буржуазные либералы оказались, таким образом, душой австрийской реакции и контрреволюции, верными слугами монархии, открыто поддержав её в момент, когда решалась судьба австрийской революции.

Вполне естественно, что эти чешские политические деятели были не только заклеяены самым резким образом вождями европейского пролетариата — Марксом и Энгельсом, — но и были осуждены как предатели всеми демократическими элементами Австрии и Чехии. Естественно также, что они попытались «как-то «обосновать» свою контрреволюционную политику.

Эту задачу взял на себя руководитель национально-либеральной партии Палацкий, написавший специальный отчёт о деятельности чешских депутатов в рейхстаге в 1848—1849 годах⁸⁴.

Понимая, что главным обвинением против него и его единомышленников является обвинение в сознательном разжигании национализма, в националистической политике, Палацкий вопреки фактам старается доказать, что вообще во всех европейских странах, в том числе в Италии, Германии, Венгрии, Польше, Дании, Франции, — всюду в ходе событий 1848 г. главную роль играли интересы национальные, которые всюду брали якобы верх над интересами политическими⁸⁵. Поэтому, пишет Палацкий, вполне естественно, что чешские депутаты защищали прежде всего свои национальные интересы. Палацкий здесь, как и всюду, пытается «доказать», что национальные интересы чешского народа состояли якобы в неперменном сохранении австрийской империи, в превращении её в федерацию равноправных национальностей. Он указывает, что чешские депутаты выступили против октябрьского восстания в Вене потому, что тогда «дело шло не о большей или меньшей степени политиче-

⁸³ Там же, стр. 67—68.

⁸⁴ «Osvědčení poslauncův českých o působení svém na sněmu říšském ve Vídni a Kroměříži». «Radhost», III, str. 43—58.

⁸⁵ Там же, стр. 44—45.

⁷⁹ Там же, стр. 66.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

ской свободы, но о существовании монархии и о нашем национальном существовании»⁸⁶. Он утверждает, что в случае победы повстанцев австрийская империя перестала бы существовать, её транслейтанская часть отложила бы и стала самостоятельной, а часть цислейтанская оказалась бы вынужденной получать свои законы из Франкфурта.

Чешские депутаты не могли допустить этого. Причиной бегства чешских депутатов из Вены была не столько серьёзная угроза их безопасности и жизни, сколько главным образом сознание того, что «рейхстагу насильственно было придано такое направление, какому мы следовать не могли»⁸⁷.

Изображая дело таким образом, будто бы венское октябрьское восстание было вызвано и организовано сторонниками великой Германии, отчаявшимися добиться согласия сейма на подчинение Франкфурту и пытавшимися опереться на поддержку провинции, Палацкий стремился доказать, что контрреволюционная позиция чешских либералов была продиктована национальными интересами чехов, заключавшимися якобы прежде всего в сохранении целостности австрийской империи.

Само собой разумеется, что все эти и подобные «доводы» лишь подтверждают сугубо реакционный, контрреволюционный характер деятельности чешской национально-либеральной партии, возглавленной Палацким, и свидетельствуют о том, что политика этой партии была направлена против подлинных интересов народов австрийской империи, в том числе и в первую очередь против интересов народа чешского. Это сказалось и в дальнейшей деятельности Палацкого и его сторонников в рейхстаге, и в их поддержке контрреволюционной борьбы Елачича в Венгрии, и в целом ряде других общеизвестных действий.

Таким образом, на протяжении революционных событий 1848—1849 гг. Палацкий последовательно занимал реакционную, контрреволюционную позицию по всем основным вопросам общественной жизни. Не изменилось существо политической позиции Палацкого и в 60—70-х годах, когда он столь же последовательно стремился удержать чешский народ от активной борьбы против реакционной правительственной политики, резко выступал против польского восстания 1863 г., осуждая в нём прежде всего и главным образом революционные методы борьбы, продолжал борьбу против демократических элементов в Чехии, пытался направить зарождавшееся в ту пору организованное чешское рабочее движение по националистическому пути. С особенной ненавистью выступал Палацкий в этот период против получавших в Чехии всё большее распространение социалистических и коммунистических идей, против всеобщего избирательного права и

против демократических республиканских идей,— словом, против всего прогрессивного и демократического, что возникало в общественной жизни Чехии.

Деятельность Палацкого в 60—70-е годы должна быть освещена специально. Приведём лишь несколько примеров, характеризующих его политическую позицию в этот период.

В 1863 г., противопоставив своё враждебное отношение к польскому восстанию 1863 г. позиции подавляющего большинства чешского народа, сочувствовавшего польским повстанцам, Палацкий возглавил буржуазных либералов, недовольных «левой» позицией газеты «Народни листы», редактировавшейся младочехами братьями Грегорами. Не сумев подчинить редакцию указанной газеты своей политике, Палацкий вместе со своим зятем Ригером порвали с этой газетой, в которой они сотрудничали с 1860 г., и основали новую газету, «Народ», ставшую органом правого крыла чешской буржуазии.

В программе новой газеты⁸⁸ Палацкий поднимает «национальное знамя», вокруг которого должен объединиться «единый и неразрывный» «целый народ» в борьбе за исторические права чешской короны. В этой борьбе должны объединиться все слои чешского народа, в первых рядах которого должны выступить дворянство и духовенство. Борьба эта, однако, не должна сопровождаться «крайностями»: «Всякие крайности были бы для народа нашего пагубны». Больше всего недопустима борьба между классами: «Горько обманывает себя и других тот, кто, раздражая один класс против другого, низших против высших, думает этим служить свободе... Наша задача состоит в том, чтобы пробуждать благородные идеи в народе, не раздроблять, а соединять все его классы в одно сильное целое»⁸⁹.

Палацкий последовательно выступает с лозунгом борьбы за исторические права чешского королевства. Восстановление и осуществление этих прав, говорит он, возможны лишь при проведении в жизнь федералистического устройства австрийской империи. Принципы такого устройства Палацкий формулирует в опубликованной в 1865 г. газете «Народ» серии статей под общим названием «Идея австрийского государства»⁹⁰.

Эти принципы выдвигались Палацким в противовес подготавливавшемуся правящими кругами Австрии и Венгрии введению австро-венгерского дуализма. Резко выступая против дуализма, Палацкий на ряде исторических примеров доказывал здесь, что современная идея австрийского государства заключается именно в австрийском федерализме, дуализм же неизбежно при-

⁸⁸ Текст этой программы был опубликован и на русском языке. См. газету «День» № 52 за 1863 год.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ «Idea státu Rakouského». Spisy drobné, I, str. 209—267.

⁸⁶ Там же, стр. 51.

⁸⁷ Там же, стр. 55.

ведёт к огромному росту панславизма, которым Палацкий пытается демонстративно припугнуть австрийское правительство. Когда же дуализм был осуществлён, Палацкий с теми же демонстративными целями принял участие в поездке в Москву на этнографическую выставку 1867 года.

Стремясь сосредоточить внимание различных слоёв чешского народа на вопросах национальных, Палацкий продолжал выступать с реакционных позиций по основным социальным вопросам, стоявшим в порядке дня.

Выступая решительным противником всеобщего избирательного права и отстаивая курьяльную систему, он старался доказать абсурдность самой идеи всеобщего избирательного права.

Специальное внимание уделял Палацкий осуждению принципов, пропагандировавшихся интернационалом, оценивая их как «безбожные» и «сумасбродные»⁹¹. О коммунистических идеях Палацкий высказывался с ненавистью и страхом⁹². Что же касается социализма, то, по его мнению, его «можно одобрять лишь до тех пор, пока он понимается и осуществляется в смысле первобытной христианской церкви, либо в смысле существовавшего некогда общества чешских братьев»⁹³.

Наряду с этим Палацкий открыто выступал в защиту шляхты и аристократии⁹⁴, доказывая их извечность и необходимость, призывал рабочих «утешаться духом», отказаться от враждебного отношения к фабрикантам и вместе с последними отстаивать «исторические права короны св. Вацлава» и т. д. Всё это свидетельствует о том, что политическая деятельность Палацкого была направлена на защиту реакции, против демократии, на поддержку контрреволюции, против революции, на срыв классовой борьбы народных масс, на укрепление политического союза буржуазии с дворянством. Всё это говорит о полной несостоятельности попыток изображать Палацкого «вождём народа», «отцом народа», учителем и воспитателем чешского народа. Факты показывают, что Палацкий

был вождём и отцом, руководителем и идеологом лишь чешской либеральной буржуазии, а политическая деятельность и политические взгляды его носили реакционный характер.

К чешской либеральной буржуазии вполне применима характеристика, данная Лениным в 1905 г. русской либеральной буржуазии: «Либеральная буржуазия идет к народу. Это верно. Она вынуждена идти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идет к нему не как представительница его интересов, не как новый пламенный боевой товарищ, а как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой»⁹⁵.

Обращаясь к представителям русской либеральной буржуазии, Ленин говорил: «Вы не боретесь вместе с народом, а только крадетесь к власти за спиной революционного народа»⁹⁶.

Этими словами Ленина можно охарактеризовать и позицию чешской либеральной буржуазии в рассматриваемый нами период. Она также «шла к народу», поскольку она рассчитывала при его помощи добиться выгод для своего класса. Но стоило ей почувствовать, что политическая активность народа направляется не на осуществление её буржуазно-либеральных целей, а на освобождение народных масс от эксплуатации, от гнёта капиталистов и помещиков, она в панике бежала к императору и спешила заверить его в своей лояльности, в своей преданности монархии и реакции, стараясь попутно за это выторговать для себя какие-либо поблажки, уступки или привилегии. Чешская либеральная буржуазия не боролась вместе с народом, а кралась за его спиной к власти и к экономическому господству. Демократическое, революционное движение, происходившее в массе чешского народа, она рассматривала как препятствие на пути к осуществлению своих политических и экономических целей.

В этом существо политики чешской либеральной буржуазии, в этом же существо политической деятельности одного из её руководителей — Франтишка Палацкого.

⁹¹ Там же, стр. 354.

⁹² Там же, стр. 354—355, 190.

⁹³ Там же, стр. 355.

⁹⁴ Там же, стр. 190.

⁹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 153.

⁹⁶ Там же, стр. 154.

К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян

В. Александров

В своей капитальной работе «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва» Н. М. Дружинин указывает, что одной из составных частей новообразованного при Петре I сословия государственных крестьян были однодворцы, «потомки мелких служилых людей, поселенных когда-то на южной украинской границе... Мелкие служилые люди — дети боярские, казаки, стрельцы и другие, — мало отличавшиеся по роду своего хозяйства и жизни от крестьян, были положены Петром в подушный оклад и превратились в низшее податное сословие феодального государства»¹, общественный порядок которого, по словам В. И. Ленина, «основывался на закреплении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства»².

Укреплявшееся в начале XVIII в. государство помещиков и торговцев «подчинило членов нового сословия системе разнообразных правовых ограничений и этим самым приблизило номинально свободных крестьян к положению частновладельческих и дворцовых крепостных»³. Держатели казённой земли, подчинённые высшей государственной власти, государственные крестьяне, находились под постоянным наблюдением местных властей, следивших за своевременным поступлением платежей и правильным ведением хозяйства, и были связаны круговой порукой, обеспечивавшей исправную уплату подушной подати и оброка. «Было бы ошибкой думать, — справедливо пишет Н. М. Дружинин, — что такое положение вещей было впервые создано указами 1719—1724 годов. Петровское законодательство только укрепило и расширило сложившиеся отношения, которые были унаследованы от XVII столетия»⁴.

Посвящая своё исследование значительно более позднему времени, Н. М. Дружинин, естественно, ограничился сравнительно краткой характеристикой отношений, возникших ещё в XVII в., и лишь поставил важный вопрос о происхождении сословия государственных крестьян.

В данной статье мы попытаемся на примере стрелецкого войска, расквартированного в XVII в. в южных городах Русского государства, рассмотреть положение мелких служилых людей и проследить связь с их потомками, обращёнными Петром I в податное сословие. Установить положение потомков стрельцов нетрудно. Достаточно просмотреть географическо-статистический

словарь Российской империи, составленный Н. Семёновым (1863—1865), чтобы убедиться в том, что во многих оставшихся в южных городах бывших стрелецких слободах в XIX в. жили государственные крестьяне (Новый и Старый Осколы, Хотмыжск, Лебедянь, Ливны, Шацк и др.). Другие города — Болховой, Вольный, Карпов, Верхосенск, Усерд, Олышанск — целиком превратились в казённые слободы.

Стрелецкое войско как новое организационно-тактическое соединение русской армии появилось в середине XVI в. и постепенно на протяжении целого столетия — до середины XVII в. — приобретало всё более существенную роль в организации военных сил Русского государства. На южных и юго-западных рубежах, по нашим подсчётам, находилось к 1651 г. 8760 стрельцов; вместе с городскими казаками и детьми боярскими, пищальниками, пушкарями и другими разрядами мелких служилых людей стрельцы составляли постоянную гарнизонную силу. В Москве, по смете 1651 г., находилось 8030 стрельцов, а в западных городах — 5090⁵. Южное стрелецкое войско получало земельный оклад в отличие от московских и западных стрельцов, которым полагалось денежное и хлебное жалованье. Земельный оклад, специфичный для южного служилого люда, и придавал своеобразный характер повинностям, сопряжённым с использованием данного вида «государева жалованья».

Буржуазные историки, исследовавшие с середины XIX в. вопрос о землевладении южных мелких служилых людей, и в частности стрельцов, не касались характера повинностей стрельцов, рассматривая их землевладение только с правовой точки зрения: давалась ли стрельцам земля для «исправления службы» на поместном или на общинном праве. Г. Германов, К. А. Неволин, И. Д. Беляев, Н. Д. Чечулин, М. В. Владимирский-Буданов считали, что правительство наделяло служилых людей низших разрядов казёнными землями на общинном праве. К этому мнению примыкал и К. А. Благовещенский. Наиболее полно по этому поводу высказался И. Беляев: «Правительство стало зачислять в службу по прибору не на поместном праве, а на тяглом, давая земли не на лицо, а на целые общины, или, как тогда говорили, «на слободы», т. е. приборные люди стали населять слободы на общинном праве владения с тем, чтобы земля, отчисленная на слободу, навсегда и оставалась за известной общиной приборных служилых людей, за которую они должны были нести определённую ка-

¹ Н. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва, стр. 30. 1946.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 53. 4-е изд.

³ Н. Дружинин. Указ. соч., стр. 32.

⁴ Там же, стр. 26—27.

⁵ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола № 327, л. 61—70, 116—259.

зачью, стрелецкую, пушкарскую и другую службу»⁶. Таким образом, допуская, как увидим ниже, фактические неправильности относительно наделения землёй «навечно» целой слободы, И. Д. Беляев считал, что несение военной службы было исключительно обязанностью, возлагавшейся за владение землёй.

Н. Б. Чичерин, Д. И. Багалей, А. С. Лаппо-Данилевский, В. И. Семевский склонялись к мнению, что земля давалась на поместном праве, тогда как В. О. Ключевский, С. В. Рождественский, Н. П. Павлов-Сильванский положение южных мелких служилых людей считали промежуточным между дворянами и тяглым населением. Все они, как и предыдущая группа исследователей, продолжали рассматривать ратную службу как единственное обязательство за владение землёй. Даже автор специального исследования о сельскохозяйственной истории на юге Русского государства в XVII в. И. Миклашевский, по сути дела, обошёл вопрос об исполнении стрельцами повинностей, не связанных с ратной службой⁷.

Наиболее интересные соображения о характере стрелецкого землевладения высказал П. П. Смирнов. По его мнению, южные уездные мелкие служилые люди (казаки, станичники, атаманы и др.) получали землю на поместном праве, а для служилых людей по прибору в городских слободах

характерной была коллективная форма «данного» владения землёй, которая также именовалась «указной», «отводной», «государевой» и, как правило, не называлась поместной.

Характеризуя эту форму землевладения, П. П. Смирнов справедливо писал: «Собственно, земли отводились даже не тому или другому служилому человеку, а отделялись на содержание целой группы служилых людей, по расчёту на их иногда предполагаемое число. Правительство распоряжалось землями и запрещало их продавать... При таких условиях владения землёй служилых приборных людей трудно даже говорить об их праве собственности на эту землю: право собственности оставалось за государем, который употреблял известную часть своих земельных богатств на содержание ратных людей»⁸.

Правильно считая, что при такой форме земля давалась во временное, условное пользование, П. П. Смирнов в то же время упустил два важнейших момента: во-первых, что земля составляла основной и даже, с незначительной оговоркой, единственный вид жалованья, а, во-вторых, что этот вид жалованья влёл за собой неприкрытую феодальную эксплуатацию стрелецкого войска.

Таким образом, дореволюционная историография, неспособная в силу своих классовых установок разрешить вопросы о феодальном гнёте крестьянства, о классовой борьбе угнетённых народных масс и, в частности, об ожесточённой классовой борьбе на юге Русского государства в XVII в.⁹, не смогла выдвинуть и вопроса о тесной связи стрелецкого войска, особенно во второй половине XVII в., с закрепощённым крестьянством.

В советской историографии нет специальных работ, посвящённых данной теме, хотя целый ряд авторов неоднократно касался вопросов, связанных с классовой борьбой в южных городах. В работах Г. А. Новицкого, Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева освещались вопросы о взрывах классовой борьбы в отдельных южных городах, о повседневном наступлении феодалов всех рангов на народные массы и о методах закрепощения масс. В работах А. А. Новосельского поставлены очень важные и интересные вопросы о сыске беглых крестьян на юге, о потоке стихийной крестьянской колонизации, о распространении крепостнического землевладения на юге и др.¹⁰.

⁸ П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. I, вып. I, стр. 23—27, 34—36, 38. Киев. 1917.

⁹ По данному вопросу можно упомянуть только работу Н. Новомбергского «Вымученные кабалы», опубликованную в Журнале министерства юстиции № 5 за 1915 год.

¹⁰ См. Г. Новицкий. Восстание в Курске в 1648 г. («Историк-марксист» № 6 за 1934 г.); Л. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства («Исторические записки» № 4); А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. I. М.-Л. 1943; А. Ново-

⁶ И. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, стр. 389—390. М. 1883, изд. 2-е; Г. Германов. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии («Записки Русского географического общества», кн. 12 за 1857 г., стр. 183—208. Спб.); К. Неволлин. Соч. Т. IV, стр. 266. Спб. 1858; Н. Чечулин. Города Московского государства в XVI в., стр. 219—222. Спб. 1889; М. Владимировский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 214. Спб. 1907. 5-е изд.; К. Благовещенский. Четвертное право, стр. 49—52. М. 1899.

⁷ См. Б. Чичерин. Опыты по истории русского права. Обзор исторического развития русской общины, стр. 43, 44, 48, 49. М. 1858; Д. Багалей. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства, стр. 113—115. М. 1887; А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразования, стр. 53, 119. Спб. 1890; В. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II, стр. 722, 760—762, 799. Спб. 1901; В. Ключевский. История сословий в России, стр. 168—169. Пггр. 1918. 3-е изд.; его же. Рецензия на книгу Н. Д. Чечулина. Города Московского государства в XVI веке. «Записки Академии наук». Т. 70, стр. 289—291. 1892; С. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. Спб. 1897; Н. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди, стр. 215—216. Спб. 1909. И. Миклашевский. К истории хозяйственного быта на южной окраине Московского государства. М. 1894.

Л. В. Черепнин справедливо указывал, что «установленный уложением 1649 г. принцип крепости по писцовым и переписным книгам без «урочных лет» не привился на юге в течение всего столетия. Тяглое население, широкими волнами переливавшееся в южное пространство, спасаясь от крепостной зависимости, являлось мощным резервуаром для военной обороны пограничных городов, поэтому феодально-крепостническое правительство, озабоченное организацией засечной черты, вплоть до конца XVII века не может стать на точку зрения Соборного уложения»¹¹. Эта специфика и придавала своеобразную окраску политике феодального правительства, направленной на закрепощение народных масс.

Как ни парадоксально это звучит для того времени, правительство не только смотрело сквозь пальцы на поступление тяглых беглецов в ратные люди, но и поощряло их, устанавливая сроки сыска тогда, когда Соборное уложение категорически отменило «урочные годы». Несмотря на известную гибкость, обусловленную местными условиями, внутренняя политика феодального правительства не могла не соответствовать интересам господствующего класса, и для достижения указанной выше цели использовались лишь иные формы.

Правительство очень последовательно перевело почти все стрелецкие гарнизоны, составленные в значительной степени из беглых крестьян, на земельное довольствие (жалованье), а затем обязало всех стрельцов за предоставленную им землю нести феодальные повинности, ничего общего не имевшие с ратной службой. Таким образом, преобразование Петра I, по сути дела, только юридически оформило уже сложившиеся отношения. Деятельность правительства в этом направлении отражала кроме того общую тенденцию обеспечить вообще всех ратных людей землей, «чтобы государевой казне не было большой потери».

В 50-х годах XVII в. на шведской границе пытались создать из местных крестьян прообраз военных поселений (так называемые «пашенные солдаты» в заонежских и лопских погостах). Подобные же опыты проводились со стрельцами и казаками в районах Пскова, Старой Руссы¹², а также в Сибири. Опыты эти кончились неудачей

сельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. (Труды РАНИОН. Т. I); с его же. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в. («Исторические записки» № 16); с его же. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. (там же, № 4).

¹¹ Л. Черепнин. Указ. соч., стр. 53.

¹² См. «Дополнения к актам историческим» (ДАИ). Т. III, № 16; М. Островская. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVII вв., стр. 83—90. Спб. 1913; С. Соловьёв. История России. Т. XIII, стр. 691. Изд. «Общественная польза».

езде, кроме Сибири и южной границы, где были наиболее подходящие природные условия.

Однако, выражая готовность расплачиваться со служилыми людьми землей, правительство прекрасно понимало разницу между служилыми людьми-дворянами, чьи земли обрабатывались зависимым крестьянством, и мелкими служилыми людьми «по прибору», сплошь да рядом выходцами из того же крестьянства, которые могли добывать средства к существованию только своими собственными руками. Правительственные органы и не собирались ставить мелких служилых людей в положение, хотя бы юридически приближающее их к привилегированному классу.

Обеспечение стрелецких гарнизонов земельным окладом прослеживается во всех 65 южных городах, где они находились. В заочных и северских городах, расположенных на западной и юго-западной границах, природные условия (леса) не всегда позволяли обеспечить полностью местные стрелецкие гарнизоны землей, особенно если они были многочисленны — 300—500 человек. В Калуге, Мосальске, Козельске, по имеющимся у нас данным, до 1665 г. и в Брянске до 1680—1681 г. стрельцы обеспечивались денежным и хлебным жалованьем. В Перемышле стрельцы, получавшие в 1630-х годах денежное и хлебное жалованье, к 1685—1686 г. служили с земли¹³. В Лихвине, Путивле, Рыльске и Севске, по данным 1631 г., стрельцы служили «з государева денежного жалования и з земель»; по данным писцовой книги стрелецкой земли и слободы Лихвина за 1685—1686 г., у стрельцов оставалась земля, но получали ли они кроме того ещё денежное и хлебное жалованье, неизвестно. Что же касается остальных трёх городов, то в 1680—1681 г. при значительном увеличении численности гарнизонов появились беспашенные стрельцы; однако имевшие землю не получали другого обеспечения¹⁴. В Курске служба стрельцов только «с земли» прослеживается с 1631 по 1697 год. В Орле и Кромах, восстановленных в 1639—1640 г. после их разорения во время крестьянской войны и польской интервенции, стрельцы

¹³ См. «Временник Московского общества истории и древностей российских (ВМОИДР), кн. 4 за 1849 г. (Сметный список 1631 г.); ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола № 116, л. 221—224, 240—255 (Перечневые росписи городов 1639—1640 гг.); «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. 3 за 1911 г. (Смета военных сил Русского государства 1661—1663 гг.); ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 546, л. 70, 71, 97, 98 (Перечневые росписи городов стрельцов 1665 г.) и № 993, л. 217—224; Писцовая книга № 225, л. 325—341 (Писцовая книга стрелецкой слободы Перемышля 1685—1686 г., письма и меры стольника Е. И. Пятова).

¹⁴ ВМОИДР № 4 за 1849 г.; ЦГАДА. Писцовая книга № 225, л. 205—409 (по Лихвину, письма и меры Н. П. Воейкова); столбцы Белгородского стола № 993, л. 217—224.

сразу были посажены на землю; денежного жалованья в 1680—1681 г. они не получали¹⁵.

Таким образом, к концу XVII в. в указанных городах, несмотря на неудобные места для земледелия природные условия, государство явно стремилось наделять стрельцов землёй в виде единственного средства обеспечения.

В 29 городах южных тыловых оборонительных линий¹⁶, за исключением Рязани и отчасти Крапивны, Дедилова, Тулы и Михайлова, стрельцы обеспечивались только землёй. Исключение касалось московских стрельцов, «сведённых» в 20-х годах XVII в. в Крапивну, Дедилов, Тулу и, повидимому, Михайлов на «вечное житьё». Однако их очень скоро стали переводить на земельное обеспечение и тем самым уравнивать в положении с местными стрельцами. Уже в писцовой книге по Крапивне за 1626 г. указано, что московские «сведенцы» «строены вместо государева денежного и хлебного жалования землёй». Стрельцы, разумеется, противились этому, так что денежное и хлебное жалованье им продолжали платить и в дальнейшем (в Крапивне, например, по имеющимся сведениям, до 1639—1640 года). В перечневой росписи Дедилова за тот же год (1639—1640) сказано более уклончиво: «Московских сведенцов и жилых стрельцов 144 человека... служат с денежного и с хлебного жалования, а иные с земель». В Михайлове 200 московских стрельцов получали хлебное жалованье в 1635—1636 г., а 140 местных стрельцов были «вместо хлеба устроены землями». Та же двойственность сохранялась и в Туле, что можно объяснить недостатком земель вокруг города, равно как и около Рязани¹⁷.

¹⁵ ВМОИДР № 4 за 1849 г.; ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 116, л. 144—165, № 993, л. 217—224, № 905, л. 190—224. (Перечневые выписи из переписных книг 1696—1697 г.); писцовая книга № 117, л. 454 (Список с кромских писцовых книг, письма и меры А. Шатилова и Б. Васильева 1639—1640 г.), № 225, л. 9—11 (Писцовая книга по Кромам 1684—1685 г.), № 1056, л. 6, 7 (Список с книги Орловского уезда стрельцам приказа И. Голофеева 1639—1640 г., письма и меры Ю. Копнина).

¹⁶ Украинные и рязанские города внутри Белгородской черты («в черте») — Белёв, Болхов, Тула, Кашира, Алексин, Одоев, Крапивна, Дедилов, Рязань, Зарайск, Брянск, Михайлов, Гремячий, Венёв, Печерники, Ряжск, Шацк, Мценск, Елец, Ливны, Новосиль, Елифань, Чернь, Донков, Лебедянь, Старый Оскол, Талицк, Чернавск, Ефремов.

¹⁷ ВМОИДР № 4 за 1849 г.; ЦГАДА. Писцовая книга № 223, л. 5—23 (Список с писцовой книги Крапивны, письма и меры 1626 г.), л. 226—228 (Список со списка дедиловских стрелецких и казачьих писцовых книг, письма и меры М. Языкова и И. Ряткина 1639—1640 г.); Столбцы Белгородского стола № 116, л. 273, 276—278, № 546, л. 96; Н. Найдёнов. Материалы

В городах Белгородской «черты», основной оборонительной линии юга, а также в передовых крепостях, расположенных за «чертой» (Козлов, Бельск, Челнавск, Усмань, Воронеж, Палатов, Острогожск, Ольшанск, Верхососенск, Усерд, Валуйка, Яблочков, Новый Оскол, Чугуев, Короча, Болховой, Карпов, Вольный, Хотмышск, Обо-янь), стрелецкие гарнизоны обеспечивались повсеместно только землёй. Некоторое исключение, да и то весьма характерное, представлял Белгород — центральный пункт укрепленной южной линии. Его стрелецкий гарнизон в 200 человек обеспечивался землёй. В 1660 г. туда был переведён из Москвы приказ Волкова в составе 600 человек с сохранением прежнего денежного и хлебного жалованья. В 1666—1667 г. категорически велено было этот приказ «устроить землями в Белгородском уезде против пашенных стрельцов, в которых местах пристойно», а прежнего жалованья стрельцы приказа были немедленно лишены. Только в результате настойчивости челобитчиков, посланных в Москву, стрельцы получили на 1667—1668 г. прежнее жалованье, но в последний раз¹⁸. Такое снисхождение было им сделано исключительно потому, что обычно всем «сведенцам» или новоприборным на короткое время предоставлялись льготы. Так, например, при поселении стрельцов в строящихся Новом Осколе и Верхососенске на 1650—1651 гг. им выдавалось денежное жалованье «для их службы и нового строения»¹⁹ — по общей норме единовременно для всех новоприборных стрельцов: 3 рубля на человека. Лишь при выступлении в поход выдавалось денежное жалованье уже обжившимся пашенным стрельцам, да и то воеводам наказывалось выдавать деньги «с порукою тем, которые в нашу службу пригодятся»²⁰.

Имеющиеся данные позволяют сделать определённый вывод: подавляющее большинство южных стрелецких гарнизонов обеспечивалось за службу землёй. Исключение составляли только крупные города, где, помимо стрельцов, было ещё много других служилых людей и в связи с этим не хватало пригородных земель. Недостаток земель вокруг городов, особенно во второй половине XVII в., объясняется кроме того сильнейшей дворянской колонизацией юга²¹. Из-за этого не был претворён в

по истории городов XVI—XVII вв. (Тула), стр. 111—116. М. 1884; И. Беляев. Русское войско в царствование Михаила Фёдоровича, приложение. М. 1846.

¹⁸ ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 643, л. 226—227, 235—239.

¹⁹ ЦГАДА. Дела десяти № 259, л. 1—3, 174.

²⁰ Н. Второв и К. Александров-Дольник. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Кн. 2-я, № 56. 1852.

²¹ См. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. «Исторические записки» № 4

жизнь указ 1681 г., в котором правительство, спекулируя обещанием навсегда отставить стрельцов от полевой службы, предоставляло стрельцам, ещё не устроенным землёй, право самим искать пустые земли «в городах за посадами и за слободами и в уездах от городов в двух и в трёх и в четырёх и в пяти верстах и больше». Цель этого указа была ясно указана: «что б их теми землями вместо денежного и хлебного жалования устроить всех до одного человека»²².

Норму стрелецких окладов можно установить совершенно точно. Как правило, она исчислялась в 8—10 четей «в поле, а вдву потому ж». Обеспечение стрельцов землёй проводилось с таким расчётом, чтобы создать целый хозяйственный комплекс — земля отводилась под двор и усадьбу, пашню, под покос и выгон. Для хозяйственных нужд выделялись также лесные «дачи». Эта система наблюдается во всех южных городах и в значительной части городов, расположенных в более северных, лесистых районах. По сравнению с поместным и даже приборным уездным казачьим землевладением стрелецкие земельные наделы имели во много раз меньше четей и приравнивались к среднему крестьянскому наделу²³. В писцовых книгах при подытоживании земельного оклада для всех стрельцов того или иного города указывалось, что отмежёвывается столько-то четей в поле по столько-то четей на стрельца.

Однако, несмотря на установленную норму надела в 8—10 четей в поле на одно стрелецкое хозяйство, эти наделы нередко произвольно уменьшались центральными или местными властями. Если в отношении черносошных крестьян-общинников такое урезывание надела было произволом властей, а в отношении помещика — проявлением опалы, то отклонение от нормы земельного надела для стрельцов было обычным явлением административного порядка, особенно распространённым во второй половине XVII века. Например, отклонение от нормы отмечалось в Обояни в 1662,

(стр. 26 особенно). Относительно подобного исчезновения подгородной земли около Симбирска см. Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и в начале XVIII в., стр. 191. Одесса. 1882.

²² ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 993, л. 217—228; № 1019, л. 264—268.

²³ П. Соколовский. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей, стр. 21—42. Спб. 1878 (о крестьянских наделах). О стрелецких наделах в виде примера см. ЦГАДА. Писцовая книга № 117, л. 182—188 (Список с писцовых лебедянских книг, письма и меры Т. Кашина и Г. Нормаского. 1640) и много других. О казачьих наделах (20—40 четей в поле) см. в виде примера ЦГАДА, дела десяти № 201, л. 30 (по Усерду), книга Приказного стола № 26, л. 482 об.—495 об. (Козлов, Бельск) и много других.

1681, 1697 гг; в Вадуйке в 1697 г. у пеших стрельцов оставалось по «пол две чети» на человека; в Вольном и Усмани земельный оклад стрельцов в 1697 г. был сокращён до 5 и 4 четей на одно хозяйство и т. д. В отдельных случаях (например, в Воронеже и Хотмыжске) к концу столетия появились даже безземельные стрельцы, чего раньше там не бывало²⁴. В Новом Осколе в 1697 г. только у 17 из 46 стрельцов оказался земельный надел, но зато в перечневой росписи города имеется очень редкое указание на совместную обработку земли стрельцами. На этих 17 участках сидело ещё 33 стрелецких собственников, и весьма вероятно, что в их числе были и остальные 29 стрельцов²⁵. Обращает на себя внимание также формулировка упомянутой выше царской грамоты относительно белгородских стрельцов («устроить землями в Белгородском уезде... в которых местех пристойно») и указа 1681 года.

Несомненно, что так как вокруг городов больше удобной земли не было, правительство пыталось вывести стрельцов за пределы города, что было несовместимо с их городской службой. Этот произвол разрядных властей обуславливался не только нуждой в подгородной земле, но вытекал из всей системы земельного обеспечения стрельцов. Стрельцам в отличие от поместных служилых людей земля отводилась не на каждого отдельно, а на слободу в целом, в зависимости от наличного годного к службе состава стрелецкой слободы. Отмежёванные земли не закреплялись за слободой навечно. Разряд оставлял за собой право перемежёвывать эту землю по своему усмотрению, причём в случае уменьшения числа стрельцов лишняя земля соответственно могла быть отмежёвана от их слободы. Таким образом, разряд при наделении стрельцов землёй стремился, как правило, установить только необходимый прожиточный минимум на одну стрелецкую семью.

Этот административный произвол по отношению к стрелецким землям легко можно показать на основании писцовых книг. Так, например, во время переписи стрелецких и казачьих земель в Дедилове в 1639—1640 г. писец М. Языков произвольно распоряжался этими землями. За жилыми стрельцами под пашню, усадьбы, выгон было оставлено 406 четей разного качества земли, а земля убылых стрельцов была отписана²⁶. В Пронске во время переписи земель в 1640 г. земля убылых стрельцов была отписана, но сейчас же отдана на оброк остальным стрельцам, получившим

²⁴ ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 905, л. 155—172, 471—485, 502—528; № 329, л. 2—3; № 1020, л. 442; № 905, л. 26—28, 386—413.

²⁵ Там же, № 905, л. 414—433.

²⁶ ЦГАДА. Писцовая книга № 223, л. 226—235 (Список со списка дедиловских стрелецких и казачьих писцовых книг, письма и меры М. Языкова и И. Ряткина. 1639—1640 г.).

кроме того ещё и «примерную землю»²⁷.

Таким образом, стрелецкая слобода могла арендовать землю, но не имела никакого права на неё, хотя бы и отмежёванную ранее. Писцовые книги показывают, что в тех случаях, когда в городе не нужно было «испомещать» новых служилых людей, писцы, несомненно руководствуясь правительственными указаниями, могли дать стрельцам возможность обрабатывать больше земли, чем им полагалось по окладу, причём, главным образом за счёт «дикого поля». Эта дополнительная, «примерная» земля отводилась стрельцам и в прямо фискальных интересах и в интересах освоения диких, ковыльных степей или для поддержания пашни в культурном состоянии. Стрельцы использовались не только как ратные люди, но и как рабочая сила, подготавливавшая земли для новых служилых колонистов южной окраины. Иногда «примерная» земля отводилась стрельцам с целью обеспечить их детей, поступавших на службу. Так было в Одоеве в 1639—1640 году²⁸.

Характер отмежевания земель заслуживает особого внимания. Условия жизни на южной окраине заставляли городских жителей сосредоточивать все необходимые хозяйственные постройки, угодья и поля вблизи города, чтобы по возможности обеспечить себе безопасное ведение повседневных хозяйственных работ. Писцовые и межевые книги ряда южных городов, упоминая о стрелецких землях, чаще всего указывают их в общей меже по близости к городу. Так, в Усерде стрелецкие пашни были расположены в черте дальних надолб²⁹; в Одоеве стрелецкая земля подходила к самой стрелецкой слободе и острожной башне³⁰; в Обояни пашенная земля стрельцам была отмерена против их усадеб³¹; в Венёве полный оклад пашни лежал позади стрелецкой слободы, около города³²; в Белёве около посадских дворов располагалась «пашня вотчинная и поместная, и белёвских пушкарей, и затинщиков, и стрельцов, и бедоместных казаков»³³.

В тех случаях, когда стрельцам давалась лишняя «примерная» земля, она «применялась» иногда к «указным землям». В ефремовской писцовой книге за 1641—

1642 г. указано: «...да в стрелецких же полях за их дачами примерено земли семьдесят чет в поле, а дву потому ж по конец их поле»³⁴. Как видим, административные лица старались наиболее удобно и компактно обеспечить землёй местных служилых людей и в первую очередь стрельцов как основную гарнизонную силу. Только однажды, в Печерниках, нам встретилось указание на чересполосное владение землёй представителями разных категорий служилых людей. Писцовая книга 1639—1640 г. отмечала, что стрельцы пахнут там во всех трёх полях с пушкарями через десятину³⁵. И. Миклашевский обнаружил такое же явление в Белгороде и в Валуйке и также счёл его сравнительно редким, происходящим от разных топографических условий³⁶.

Правда, необходимо было учитывать имевшиеся земельные возможности, проводя межевание земель и распределяя их между всеми служилыми людьми того или иного города: стрельцами, пушкарями, затинщиками, казаками и прочими. В правительственных грамотах воеводам указывалось, что следует отводить служилым людям участки «из порозших земель половину под городом, а другие в отъезде». На этом основании И. Миклашевский, изучавший землеустройство в южных городах, объяснял причины такого размежевания довольно сложно. С одной стороны, он справедливо полагал, что хозяйственные соображения побуждали правительство заботиться об обработке пашни служилыми людьми; с другой стороны, он считал, что по военным соображениям правительство было заинтересовано в том, чтобы население не покидало городов. Казалось, этого можно было достигнуть наделением каждого служилого человека хотя бы небольшим количеством земли вблизи города и предоставлением ему остальной земли в «отъезде». Такой взгляд в своё время поддерживал Д. И. Багалей³⁷. Однако дело не в этом. В межевании земель проявлялось не стремление удержать население в городе, который притягивал его к себе уже в силу условий жизни южного края, а желание в случае ограниченных земельных возможностей около самого города обеспечить его население необходимым минимумом различных угодий.

В отводимую стрельцам землю под пашню входили не только участки, удобные для пахоты, но и перелог и земля, поросшая лесом, которую стрельцы не могли целиком поднять; поэтому фактический размер пашни у них ещё больше сокращался. В писцовых книгах каждая категория этих земель учитывалась отдельно, но отмежевание, повидимому, происходило та-

²⁷ Там же, л. 247—261 (Писцовая книга пронских стрелецких и казачьих земель, письма и меры А. Борзцова и И. Поликарпова. 1639—1640 г.).

²⁸ Там же, л. 201—203 (Список с одоевских писцовых книг).

²⁹ Там же. Столбцы Белгородского стола № 274, л. 242.

³⁰ Там же. Писцовая книга № 225, л. 330—339 (Писцовая и межевая книга Одоева, письма и меры Г. Мясоедова. 1686).

³¹ Там же. Столбцы Московского стола № 329, л. 2—3.

³² Там же. Писцовая книга № 223, л. 399 об — 400.

³³ Н. Найдёнов. Материалы для истории городов XVI—XVIII столетий (Белёв), стр. 1—3. М. 1885.

³⁴ ЦГАДА. Писцовая книга № 144, л. 9 об.

³⁵ Там же. Писцовая книга № 223, л. 110.

³⁶ См. И. Миклашевский. Указ. соч., стр. 74—88, 91—92.

³⁷ См. И. Миклашевский. Указ. соч., стр. 70—71; Д. Багалей. Очерки из русской истории. Т. II, стр. 201. Харьков. 1913.

ким образом, чтобы в каждом поле была разная земля. В кромской писцовой книге, например, говорится, что дикого поля у стрельцов 456 десятин во всех трёх полях³⁸.

Количество «дикого поля» в отведённой стрельцам земле часто превышало количество удобной земли даже в тех случаях, когда стрельцы владели этой землёй давно. При отмежевании у них лишней земли отмежёвывалось, естественно, не одно «дикое поле», а целый комплекс земель, входивший, повидимому, в поля. Так, например, в упоминаемой писцовой книге по Пронску указывается, что у стрельцов было отписано 80 четей доброй земли, 245 четей перелогу, 210 четей «дикого поля». Таким образом, часть земли нельзя было использовать без затраты большого труда. Право распределения этого труда правительство после общего отмежевания предоставляло самой стрелецкой слободе, хотя и в рамках уравнительной нормы.

Однако такое внутрислободское распределение происходило, повидимому, тоже по определённым указаниям. Если стрелецкий гарнизон к моменту межевания не был полностью укомплектован, а земля была отведена на всех предполагаемых стрельцов, наличные стрельцы размежёвывали компактные участки земли, требовавшие для обработки разной затраты труда: пахотные, перелог, «дикое поле», — и не занимали наиболее удобные участки.

В отношении покосов, лесных угодий и выгонов дело обстояло проще. Сенные полосы отводились, как правило, из оставшихся от межевания участков земли — по заполью, между полей или в конце полей в болотистой местности, но отводились также в непосредственной близости от города и отдельно на целую слободу.

Такую же предусмотрительность можно видеть при выделении лесных участков (на строение и дрова) и особенно выгонов для скота. Лесные участки выделялись не всегда там, где они были. В Епифани, например, стрельцам достались «корни от древенного и бревенного леса» и 56 десятин болота. При выделении лесных участков особенно следили за тем, чтобы лес, «который в черте и в крепостях», не уничтожался.

На случай «сполошного времени» отводился под городом выгон, которым стрельцы пользовались вместе с другими городскими жителями. В более спокойное время стрельцы использовали, как правило, свой выгон.

Правительство не ограничивалось точным учётом стрелецких земель. В отличие от представителей помещного землевладения и от крестьян-общинников стрелецкие хозяйства постоянно находились под опекой местных воевод, которые следили

за тем, чтобы стрельцы сами могли обеспечить себя продовольствием. Приказная переписка по поводу устройства Белгородской черты показывает, что правительство ставило обработку пашни на первый план. Новоприборные стрельцы, или «сведенцы», обязывались пахать пашню на необжитых местах ещё до того, как они могли поставить себе дома.

Ряд грамот к местным воеводам свидетельствует о том, что правительство заботилось о присылке в новые города стрельцов с взрослыми детьми, чтобы они смогли «дворами устроиться и указные пашни напахать». Основное требование, предъявлявшееся к переводимым стрельцам, заключалось в том, чтобы они были «прожиточны и семьянисты, сына по два, по три и больше, и у которых братья и племянники, а живут... с ними не в розделе». Первоначально воеводам даже запрещалось привёрстывать на свободные места стрелецких родственников, чтобы не «запустошить» стрелецкие хозяйства³⁹.

В наказах воеводам правительство предписывало проводить строжайшее наблюдение за пахотой. В грамоте 1648 г. болховскому воеводе Б. Д. Оладьину приказано было позаботиться о том, чтобы стрелецкая, казачья и пушкарская пашни были вспаханы, «чтоб впредь в Болховом без хлеба не быть». Карповскому воеводе И. Вердеревскому в том же году указывалось: «Нынешнего лета дворами устроитца и указные пашни напахать и хлеба насеять немало».

Стремясь избежать лишних затрат на содержание ратных людей (не имевших к тому же рабочей силы в виде зависимых крестьян), правительство подвергало их хозяйства неусыпному надзору, вплоть до мелочей. Исполнительный Б. Д. Оладьин в мае того же года сообщал, что, несмотря на возражения новоприборных служилых людей, он заставил их вспахать пашню и только после того разрешил строить дворы⁴⁰.

О методах надзора за стрелецкими хозяйствами даёт достаточно яркое представление выдержка из наказа усурдскому воеводе И. Милославскому: «А которые стрельцы и казаки на дворовых усадях строитца и пашни пахать оплошно, и ты б тем стрельцам и казакам дворовые усады велел строить и пашни пахать и в неволе»⁴¹. Упомянутый Оладьин туманное выражение «в неволю» претворял в виде реальных батогов. Те же мотивы можно видеть, например, и в наказе 1675 г. белгородскому воеводе князю Волконскому. Ему предписывалось накрепко смотреть, чтобы стрельцы «указные свои земли пахали, хлеб сеяли»⁴².

³⁹ ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 121, л. 22—27; Дела десятиен № 258, л. 17; Столбцы Белгородского стола № 131, л. 96—98; № 170, л. 493—495; № 258, л. 115.

⁴⁰ Там же, № 258, л. 100, 238, 240, 219.

⁴¹ ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 121, л. 409.

⁴² Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. IV, № 206.

³⁸ ЦГАДА. Писцовая книга № 117, л. 454 (Список с кромских писцовых книг, письма и меры А. Шатилова и Б. Васильева. 1639—1640).

В случае стихийного бедствия или при переселении правительство выдавало приборным людям на посевы субсидию зерном и наказывало воеводам следить за его использованием. Об этом нередко сообщается в разрядных бумагах. Стрельцы и другие служилые приборные люди часто обращались к правительственной помощи. Военный быт южной окраины вполне объясняет это обстоятельство. Урожай погибал не только от засухи, но и от постоянных набегов татар. Поля приходилось и обрабатывать и защищать. В наказах воеводам можно видеть распоряжения и на этот счёт. Козловскому воеводе Р. Боборыкину предписывалось высылать стрельцов за вал для рубки леса не иначе как большими партиями, не менее ста человек, с оружием. Половина их должна была стоять на карауле, пока другие исполняли работу. То же правило существовало и для уборки сена и урожая⁴³.

Мало того, отведённая стрельцкой слободе земля обязывала стрельцов ко многим повинностям, подчас никакого отношения не имевшим к ратной службе. Стрельцам приходилось обрабатывать управляемые местными воеводами десятинные пашни, урожай с которых шёл на обеспечение ратных людей, наряжавшихся для полевой службы. Пахать на государя десятинную пашню были обязаны все местные служилые люди. Однако ещё И. Миклашевский отметил, что «обрабатывать эту пашню могли фактически только жившие вблизи её служилые люди или присланные в города на время, и тем самым повинность, падавшая на жителей всего уезда, ложилась фактически только на некоторых». Стрельцы, жившие в городах под надзором воевод, страдали от этой повинности прежде всех других служилых людей. Так, например, в 1643 г. яблоневский воевода, несмотря на предписание о найме вольных охочих людей для пахоты десятинной пашни, заставил пахать местных стрельцов и других городских служилых людей⁴⁴. Даже во время службы вне своего города стрельцы обязывались пахать государевы пашни, как это было, например, ещё во времена Бориса Годунова в Белгороде, куда на службу собирались стрельцы разных городов.

Городовую службу стрельцов дополняли всевозможные «поделки», «струговое дело», причём эти обязанности возлагались на стрельцов далеко не сообразно с тем обеспечением, какое они получали. В 1648 г. ефремовские, а в 1670 г. верхососенские стрельцы били челом о том, чтобы их разверстали в городовую службу, «во всяких поделках» и «струговом деле» с детьми боярскими и казаками и наряжали на службу сообразно земельным дачам⁴⁵. Земельный склад стрельцов облагался натуральным

оброком в виде четверикового хлеба, сдаваемого в государевы житницы. С 1668—1670 гг., по указу Алексея Михайловича, с городов, с городских и уездных людей всяких чинов, за кем имелись пашенные земли и кто не платил за стрелецкий хлеб, было велено собирать хлеб «на корм» ратным людям⁴⁶.

В имевшихся в нашем распоряжении документах ни слова не говорится, что сбор четверикового хлеба заменял обработку десятинной пашни. Косвенно об этом говорят и стрелецкие челобития: в 1668 г. новосильские стрельцы писали, что этот хлеб «искони от деда и отцы наши и мы холопы твои не плачивали»⁴⁷. Выплата этого хлеба стрельцами проводилась уравниательно с детьми боярскими, несмотря на полное несоответствие их земельных наделов. В 1684 г. хотмыжские стрельцы в челобитной указывали на такое несоответствие: у детей боярских по 60—70 четей, а у них — по 8.

Таким образом, стрельцы, ранее освобождённые от внесения так называемого стрелецкого хлеба, вынуждались платить этот натуральный налог, который тем самым терял своё первоначальное значение и превращался в обычную феодальную ренту. Как наименее обеспеченная категория служилых людей, стрельцы больше всего страдали от нового налога. Недаром один разрядный документ 1682—1683 г. признавал, что хлеб «за службами и за разорением и хлебным недородом ни в котором году в зборе сполна не бывал»⁴⁸. Это отмечали и местные административные лица. Так, белгородский воевода Г. Г. Ромодановский вынужден был поставить вопрос об обеспечении стрельцов денежным и хлебным жалованием. В 1670 г. он писал Алексею Михайловичу, что белгородские стрельцы были на службе «со 176 года беспрестанно, да у них же, государь, братья их и дети все взяты в твою, великого государя, стрелецкую службу, и без них пашен их пахать было некому»⁴⁹.

Случалось, что этот оброк стрельцы должны были не только внести, но и на свои средства перевезти в Белгород, центральный пункт передовой оборонительной линии, где этот хлеб раздавался служилым людям, несшим полевую службу. Судя по многочисленным стрелецким челобитиям, сбор хлеба встречал значительное сопротивление стрельцов, тем более, что за 20 лет, с 1679 по 1698 г., на юге было восемь совершенно неурожайных лет⁵⁰. Валуйские служилые люди, станичники, атаманы, ездоки, стрельцы, казаки, пушкарки и затынщики били челом о разрешении не возить хлеб в Белгород, а ссыпать его «за их безлошадностью» в государевы житницы в Валуйке. Хотмыжские стрельцы возражали против уравни-

⁴³ ЦГАДА. Столбцы Владимирского стола № 131, л. 304—305; И. Миклашевский. Указ. соч., стр. 71, примечание 4.

⁴⁴ См. И. Миклашевский. Указ. соч., стр. 217—218, 222.

⁴⁵ ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 275, л. 1—2; № 652, л. 377—379; № 643, л. 58—59.

⁴⁶ Там же № 1061, л. 2, 3.

⁴⁷ Там же № 1061, л. 237, 238; см. И. Миклашевский. Указ. соч., стр. 217 и сл.

⁴⁸ Там же, № 1061, л. 2, 243.

⁴⁹ Там же № 646, л. 530—533.

⁵⁰ См. И. Миклашевский. Указ. соч., стр. 231.

тельной нормы для них и для детей боярских⁵¹.

Хозяйственные тяготы особенно усугублялись тем, что стрелецкие семьи в 60—70-х годах в отличие от 40-х годов сильно сокращались из-за постоянных наборов в армию стрелецких детей и других неслуживших родственников. Как указано выше, об этом упоминал белгородский воевода Г. Г. Ромодановский. О том же говорят сказки стрельцов, переписные книги ряда городов и другие документы. В 1675 г., по сказкам стрельцов Козлова, у них на 187 хозяйств было всего 43 полноценных работника (родственников), 8 пятнадцатилетних подростков, один работник, 28 стариков или инвалидов. Хозяйств, имевших полноценных работников, было всего 38⁵². По переписным книгам 1674—1675 г., у 168 усердских стрельцов было 48 неслуживших взрослых родственников, причём 19 из них старые и увечные; в Коротояке на 184 стрельца было всего 34 работника (родственники, в основном пятнадцатилетние сыновья)⁵³. Такую же приблизительно картину в 1678 г. можно было наблюдать ещё в ряде городов: Хотмыжске, Ельце, Воронеже, Карпове, Алексине и др.⁵⁴.

В связи с вопросом об обеспечении стрелецких хозяйств рабочими руками следует отметить, что в своих сказках о семейном и хозяйственном положении стрельцы никогда не упоминают о наличии у них в хозяйствах крепостных. В очень редких случаях упоминаются работники или лица, участвующие в ведении хозяйства на каких-то договорных началах — свойственники.

Стрельцы не имели формального права владеть крепостными, так как не входили в состав городского дворянства, хотя случаи такого перехода не были редкостью; однако в последнем случае стрелец становился сыном боярским и покидал, естественно, стрелецкую службу.

Наборы в армию членов стрелецких семей приводили к полному хозяйственному оскудению стрельцов. Судя по разборным книгам 1679 г. по Козлову, Бельскому и Челнавскому острогам, экономическое положение некоторых стрельцов оказывалось настолько невыносимым, что они предпочитали бросать службу и идти в крестьяне или просто обращаться в бобылей. В Бельском остроге стрелец Борис Ясырев «служит по сдаче вместо Емельяна Полова, Емельян живёт в селе у Ивана Теглева»; в Челнавском остроге стрелец Евтифей Свиридов «от скудности бродит по миру меж дворами с братом Сысойкой». В Козлове бобыли стрелецкой слободы, судя по фамилиям, были в родстве со стрельцами и, повидимому, раньше сами были стрельцами⁵⁵.

Изучение южного стрелецкого землевла-

дения приводит к мысли, что оно представляло собой особую, присущую городскому приборному люду форму землевладения, которая позволяла сочетать содержание ратных людей и феодальную эксплуатацию этих же ратных людей. Эта форма землевладения появилась в результате коллективного «испомещения» служилых приборных людей в городах. Наравне с исполнением ратной службы служилые люди обязаны были обрабатывать своими силами или силами своей семьи определённый, по сравнению с уездными ратными людьми весьма незначительный, сведённый до минимума (особенно в конце XVII в.) земельный надел, причём находились под постоянным наблюдением местных административных лиц. Сверх того эти служилые люди несли целый ряд феодальных повинностей, в том числе платили натуральный оброк, вытекавший, по мысли правительства, из их весьма условного права владения землёй. Подобное «испомещение» по своей идее скорее всего можно сравнить с военными поселениями начала XIX века.

В землевладении стрельцов можно найти какие-то общие черты с общинной и поместной формами землевладения, однако ни в коем случае недостаточные для отождествления стрелецкого землевладения с той или другой из указанных форм. Формально надел давался стрельцу, как и поместья — дворянам и детям боярским, за ратную службу. Но в отличие от поместных землевладельцев и даже уездного казачества наделы стрельцов были во много раз меньше и приравнивались скорее к наделам среднего крестьянства. Стрелец никогда не получал надбавок к своему наделу и не мог его обменять, так как постоянно был хозяйственно (пашнями, покосами, лесными дачами) связан со всей слободой.

В отличие от новиков подросшие стрелецкие дети не могли сами подыскивать себе подходящий земельный участок; они либо замещали должности своих одряхлевших отцов, наследуя таким образом надел, либо по усмотрению местного начальства получали свободные в стрелецкой слободе участки. По своему положению стрельцы резко отличались от поместных служилых людей. Не имея никаких других рабочих рук, кроме собственных, стрельцы подвергались феодальной эксплуатации, облагались натуральными поборами, а хозяйства их, как и земли стрелецкой слободы, состояли под постоянным правительственным надзором.

Как указывалось выше, земельный надел стрельца назывался в приказных бумагах «службой», «окладом», реже — «поместьем». Однако в последнем случае эта формулировка ничего общего не имела с понятием о дворянских поместьях. Н. А. Благовещенский объяснял, что у мелких уездных землевладельцев, позднейших однодворцев, название «поместье», «починок», «служба», «чин», «станица», смотря по местности, означало не что иное, как совокупность нескольких земельных полос, разбросанных по всему полю в известном порядке, установленном общиной⁵⁶. Понятия эти, подмечен-

⁵¹ ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола № 1061, л. 238, 239, 240.

⁵² Там же. Столбцы Приказного стола № 698, л. 723—910.

⁵³ Там же. Книга Белгородского стола № 85, л. 135—154, 787—800.

⁵⁴ ДАИ. Т. IX, № 106.

⁵⁵ ЦГАДА. Книга Приказного стола № 26, л. 533—548, 556—579, 581.

⁵⁶ Н. Благовещенский. Указ. соч., стр. 68—69.

ные Н. А. Благовещенским, не относятся к городским жителям, но, повидимому, они сохранялись с более ранних времён и были характерны для всего мелкого южного служилого люда.

Как и в общине, стрельцы могли сами размежёвывать отведённые им земли, но в отличие от общинных порядков межевание проводилось уравнилельно в рамках правительственных указаний. Земля у стрелецкой слободы оставалась лишь постольку, поскольку она обеспечивала указным окладом наличных стрельцов; в случае убыли части стрельцов лишняя земля отбиралась. Стрелецкая слобода могла арендовать землю, но не могла приобретать её. Необходимо отметить, что община у позднейших мелких уездных землевладельцев, потомков служилых людей, стала складываться не раньше конца XVIII века⁵⁷.

Таким образом, при полной условности своего владения землёй стрелец превращался в такого же обязанного в отношении владения землёй, каким он был в отношении ратной службы. Несомненно, что стрелецкое войско на юге во второй половине XVII в. особенно испытывало гнёт феодально-кре-

постнической эксплуатации. Натуральный оброк, обработка десятинной пашни являлись первыми этапами закрепощения. «Там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникло из барщины»⁵⁸, — отмечал К. Маркс. Процесс, протекавший на юге, был тождествен по своей сути общему процессу закрепощения. Он проходил на окраинах государства медленнее и в своеобразной форме, соответственно потребностям обороны границ и феодальной эксплуатации, но целиком отвечал словам Б. Д. Грекова: «Уложение, конечно, не приостановило дальнейшего процесса углубления и расширения крепостнических отношений. Они, эти отношения, продолжали развиваться и во второй половине XVII и в течение всего XVIII века»⁵⁹.

Рассмотренное нами положение южного стрелецкого войска приводит к мысли, что это положение и было одной из причин, обусловивших общий кризис стрелецкого войска, в чём крепостническое правительство убедилось на опыте постоянных стрелецких волнений середины и второй половины XVII века.

⁵⁷ Ф. Щербина. Четвертное землевладение в Воронежской губернии. Воронежский юбилейный сборник. Воронеж. 1886; П.-в. К. Четвертное землевладение. «Русская мысль» № 2—3 за 1886 год.

⁵⁸ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 242. Госполитиздат. 1949.

⁵⁹ Б. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 943. М.-Л. 1946.

Материалы Архива толедских мосарабов от XII—XIII веков

М. Карась

В советской историографии уже не раз отмечалась неразработанность основных проблем испанского средневековья и прежде всего вопроса о специфике испанского феодализма. Многовековое арабское владычество не могло не наложить глубокого отпечатка на весь процесс исторического развития Испании. Реконкиста сыграла крупнейшую роль в её экономическом, политическом и культурном развитии. Маркс писал: «Местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун, разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны, а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства»¹. «Медленное избавление от арабского владычества

в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы привело к тому, что полуостров, освободившись вполне, получил характер, совсем отличный от тогдашней Европы: в эпоху европейского Возрождения по своему быту север Испании был готским и вандальским, юг же арабским»².

В ряду других вопросов до сих пор остаётся совершенно неразработанной история кастильского крестьянства, представляющая большой интерес не только для истории Испании. Известно, что Кастилия — именно та область Испании, которая играла в реконкисте ведущую роль.

В настоящее время нашей медиевистике представляется возможность ввести в научный оборот исключительный по своему значению свод документов, освещающий феодальный строй Испании и, в частности, Кастилии. Речь идёт о неисследованном ещё

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 721—722.

² Там же, стр. 719.

в науке собрания документов — Архиве толедских мосарабов от XII—XIII веков³.

Цель настоящей заметки — осветить значение материалов этого архива для изучения весьма мало исследованного периода. Богатство содержания документов и их редкое разнообразие оставляют далеко позади большинство из известных до сих пор собраний. Эти документы проливают свет на все стороны жизни толедских мосарабов и прежде всего на их социальную и хозяйственную жизнь.

Одно только перечисление тем, освещаемых документами Архива, даёт представление о богатстве их содержания: сельское хозяйство, город, ремесло; вопросы управления, юрисдикции; социальные группировки, рабовладение, церковь, культура и т. д.

Неисчерпаемый материал ждёт здесь исследователя феодального строя Испании. Землевладение и землепользование, положение крестьян, феодальная эксплуатация, классовая борьба нашли в Архиве всестороннее отражение.

В настоящем сообщении невозможно раскрыть все богатства этого замечательного собрания. Мы попытаемся дать лишь краткую характеристику некоторых групп документов, отмечая отдельные вопросы, ими освещаемые.

Архив толедских мосарабов представляет собрание частноправовых документов, регистрирующих разного рода имущественные сделки как между частными лицами, так и между ними и церковными организациями.

Собрание состоит из 1175 документов. Большая часть их — 785 документов — имеет прямое или косвенное отношение к важнейшему церковному учреждению средневековой Испании — толедскому кафедральному собору св. Марии. В архивах собора сохранялись не только акты приобретений, сделанных самим собором, но и те документы, которые свидетельствовали о правах различных бывших собственников на их проданное, подаренное, завещанное и т. д. собору имущество. Эти акты — купли-продажи, дарений, залога и пр. — могли служить собору в качестве *titulos de propiedad*. Все они хранились в соборе до образования Толедского исторического архива. Сюда же перешли и 265 документов из другой, не менее богатой и могущественной церковной организации Испании — толедского женского монастыря св. Климента.

Все документы, за редким исключением, написаны по-арабски. Это обстоятельство и явилось причиной того, что Архив в течение нескольких столетий оставался недоступным исследователям. Упоминания о документах, написанных мосарабами по-арабски и хра-

нящихся в Толедо, встречаются уже в начале XVIII века. Однако в это время в Испании не было людей, способных прочесть и перевести их. С течением времени возможность перевода документов Архива всё уменьшалась.

Лишь в XX в., с возникновением испанской школы арабистов, было положено начало изучению Архива. В 1870 г. Архив перешёл в ведение вновь организованного Национального архива в Мадриде.

В 1913 г. издатель настоящего собрания, испанский арабист Анхель Гонсалес Паленсия, был приглашён в Национальный архив специально для составления каталога и подготовки документов к опубликованию. Паленсия собрал и скопировал все 1175 рукописей. Он разбил их на группы по характеру сделок, составил таблицы — хронологическую, собственных имён, географических названий; наконец, он предпослал каждому документу краткое его содержание на испанском языке. В 1930 г. Архив был издан⁴. На этом дело изучения Архива, насколько нам известно, остановилось. Хотя на Западе знают об его существовании — мы можем судить об этом по рецензиям, появившимся вскоре после издания Архива⁵, — но до сих пор ни переводчика, ни исследователя Архива там не нашлось.

В Советском Союзе издание находится с 1930 года. Один экземпляр его был прислан издателем академику И. Ю. Крачковскому, который, оценив значение Архива, принял меры к тому, чтобы обеспечить перевод этого собрания на русский язык и тем самым сделать его доступным для советской медиевистики. Перевод документов осуществлён в Восточном институте Ленинградского государственного университета.

Архив толедских мосарабов состоит из 23 групп документов различного содержания: купля-продажа, дарения, обмен, освобождение рабов, поручительства, обязательства, опека, завещания, ссуда, залог, тяжбы, соглашения, брачные контракты, аренда, ценз, разграничение владений, свидетельства о владении (*testimonios de posesion*), разделы имущества, отказы от прав, расписки, ревизия документов и др.

Все зарегистрированные Архивом сделки происходили в Кастилии: в Толедо и окрестных деревнях (большая часть), а также в городах Талавере, Мадриде, Уклесе. Хронологические рамки Архива — 1083—1315 годы. Наиболее ранний документ датирован 1083 г., т. е. написан за два года до реконкисты Толедо, и относится ещё к эпохе арабского владычества в Кастилии. Позднейший документ составлен в начале XIV в.,

³ Мосарабы (*mozarabes*) — романская форма арабского слова *must'arab* — арабизированный. Этим термином в средние века обозначались христиане, населявшие завоёванные мусульманами области Испании и усвоившие арабский язык, быт и другие элементы арабско-испанской культуры, которые они продолжали сохранять после реконкисты.

⁴ Angel Gonzalez Palencia. *Los mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII*, v. I—IV. Madrid, Instituto de Valencia de Don Juan. 1926—1930.

⁵ «Revista de Occidente», VIII, N LXXIV. Junio 1930, p. 392—400; «Der Islam», XIX, p. 172—177. 1931; «Journal Asiatique», CCXX за 1932 г., стр. 309—325; «American Historical Review» за октябрь 1930 г., стр. 112—114.

когда почти весь полуостров был уже отвоеван. Подавляющее большинство документов — оригиналы. Несмотря на значительное разнообразие, имеются общие для всех документов данные, которые мы попытаемся выделить.

Каждый документ, очень содержательный сам по себе, имеет следующую структуру. Прежде всего называются имена участников сделки с указанием происхождения, родственных связей, социального положения, рода занятий, звания, титула и т. д. Затем подробно характеризуется объект сделки — местоположение, границы, размеры и проч. С особой тщательностью отмечаются границы объекта, перечисляются смежные владения, называются имена их владельцев-соседей. После этого обычно указываются мотивы сделки: например, продажа имущества для уплаты долга или для того, чтобы выкупить пленника-христианина, или дарение — за упокой души — и т. д., оговариваются условия сделки, обязательства сторон. Весьма интересны многочисленные обязательства продающего при заключении сделок купли-продажи.

Затем следует апробация сделки родственниками или их отказы от прав на владение; наконец, приводятся *titulos de propiedad*. Последние являются совершенно необходимым элементом сделки: они свидетельствуют о правах продающего на данную собственность. Это акты прошлых сделок — купли-продажи, дарений, обмена, завещаний и т. д. Обычно их несколько в каждом документе. *Titulos de propiedad* сами по себе представляют немалый исторический интерес, среди них иногда встречаются указания на такие документы, как королевские *cartas de poblaciones* или *cartas de repartimientos*. Попутно нельзя не отметить их значение как свидетельств об удивительно быстром обороте собственности (в том числе и земельной) у мосарабов. Нередко в документах приводятся различного рода заявления участников сделки, указываются происхождение денег и стоимость объекта, если это купля-продажа, и т. д. В заключение следуют подписи присутствовавших при сделке свидетелей. Наличие свидетелей являлось необходимым условием любой сделки; об их значении говорит, например, тот факт, что многие документы написаны в форме свидетельства. В каждом документе имеются свидетельские подписи двух родов — арабские и романские. В первое время после реконкисты заметно преобладают арабские подписи. К концу XIII в. количество их уменьшается, однако они сохраняются до последнего документа. Не менее обязательным было присутствие поручителей при заключении таких сделок, как освобождение рабов, «порука», «аренда», а также доверенных лиц при сделках «тяжбы» и «соглашения». Доверенные лица нередко участвовали при сделках купли-продажи: именно через них скупали владения такие организации, как собор и монастырь св. Климента. Их подписи, так же как и подписи поручителей, стоят в конце документа. Для поручителей и доверенных лиц, а нередко и для свидетелей, кроме полного имени, указывает-

ся происхождение, социальное положение, звание и т. д. Эти данные в совокупности с характеристикой участников сделок, их родственников и соседей дают представление о социальной среде, в которой эти сделки производились. Указанные данные позволяют выделить как отдельных лиц, так и целые группы их — семейные, супружеские пары — и проследить их хозяйственную деятельность иногда на протяжении ряда поколений.

В каждом документе, как правило, имеется от одной до трёх юридических формул. Все они по происхождению мусульманские, хотя и применялись к христианскому законодательству. Вообще мы замечаем сильное влияние мусульманского права, без учёта которого многое остаётся необъяснимым. Все документы датированы эрой Azofar⁶, т. е. испанской эрой (*era española del latón*). Документ № 206 даёт нам эквивалент: «2 dec. 1189 año de la era nuestro señor Jesus el Mesias» соответствует «2 dec. 1227 año de la era Azofar». Названия месяцев христианские, в арабской транскрипции. Самое слово «месяц» арабское. Лишь в редких случаях указывается день, обычно декада — первая, вторая, последняя. Форма документов повествовательная, однако встречаются и написанные прямой речью, в виде диалога. На обороте почти каждого документа имеется приписка, латинская или романская, кратко, одной фразой, иногда даже одним — двумя словами излагающая смысл документа. Сделана она, повидимому, клириками собора или монастыря при разборе документов в то время, когда арабский язык ещё не был забыт.

Язык Архива сам по себе заслуживает специального исследования. Уже отмечалось, что, за редким исключением, все документы написаны по-арабски. Из 1175 документов 21 написан еврейскими буквами на арабском языке, 1 по-романски и 3 по-латыни. Последние — акты церковных сделок. Это и понятно: латынь оставалась языком клириков. Любопытно, что после латинского все эти документы имеют арабский текст.

Все документы, за исключением еврейских, начинаются традиционной арабской формулой: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного». Терминология, как правило, арабская, даже церковный лексикон не свободен от арабизмов. Так, свидетели клянутся именем «Аллаха великого», христианский священник называется имамом и т. д. Для обозначения короля употребляются три термина: малик, эмир, султан, — все арабские. Например, о короле Альфонсе X Мудром говорится: «малик, господин наш, да продлит Аллах победы его» (док. № 990, XIII в.). В тех случаях, когда романскому понятию не находилось эквивалента в арабском языке, прибегали к довольно простому приёму: романское слово изображали арабскими буквами; например, слова «empeador», «criason», «samarego» и др., а также большинство церковных терминов. Впрочем,

⁶ Здесь, как и в дальнейшем изложении, я пользуюсь транскрипцией издателя.

эта закономерность не всегда соблюдалась, нередко отклонения, иногда просто курьёзные. Таково полуроманское, полуарабское слово *ал-арджикис* (*argipreste*), изображаемое арабскими буквами. Любопытное смешение арабского и романского представляет титул архиепископа. Подобные явления весьма характерны для языка Архива.

Толедские мосарабы носили как арабские, так и романские имена. Наиболее интересны двойные имена. Нередко встречаются случаи идентификации имён, причём оказывается, что в обиходе были известны не романские, а арабские имена. Так, некий Педро Хуанес известен как Хусейн ибн Хасан.

Не менее интересны прозвища, часто типично арабские. Некто известен как «Глаза в голове его», некая Альда называется «Альда, которую сглазили». Прозвище третьего лица — «Дирхем с половиной» и т. д. Немалую услугу исследователю оказывает «кунийя» — арабский обычай указывать предков нескольких поколений.

Географические названия, названия улиц, кварталов Толедо, окрестных деревень нередко также арабские. Многие из них и до сих пор живут в испанском языке. Например, слово «аггабал» — предместье, квартал (от арабского *ар-рабад*) и др. Термины юридические, сельскохозяйственные, названия животных, растений, предметов домашнего обихода и т. д. в своём подавляющем большинстве арабские. Всё это является свидетельством того, что толедские мосарабы, как и вся арабская Испания, были двуязычными. Арабский язык они знали так же хорошо, как и романский. С большой лёгкостью они употребляли то арабские, то романские слова и образовывали смешанные. Например, донье Коломба документ, который она собиралась подписать, был прочитан по-арабски и по-романски, «буква за буквой» (док. № 984, 1213 г.). Королевская грамота, написанная по-романски, была ввиду её особой важности «буква за буквой» переведена на арабский язык (док. № 958, 1262 г.). То обстоятельство, что документы написаны по-арабски, свидетельствует о том, что этот язык был официальным даже в начале XIV века.

Но с течением времени арабский язык в народе стал забываться. Приблизительно с середины XIII в. во многих документах свидетельским подписям предшествует фраза: «После того, как им (т. е. свидетелям. — М. К.) перевели документ на язык, который они понимают (т. е. романский. — М. К.), и они заявили, что понимают». Духовенство сохранило знание арабского языка значительно дольше остального населения. Нередко поэтому арабский текст документа переводился только для светских участников сделки.

Ценность настоящего собрания не только в исключительном богатстве содержания документов, но и в редко встречающемся разнообразии их. Для освещения одного и того же вопроса мы располагаем здесь различного рода документами.

Многочисленные документы группы «купля-продажа» выделяются прежде всего чрез-

вычайно интересными и обильными данными, позволяющими судить о характере собственности вообще и, в частности, земельной собственности.

Мы различаем два рода объектов сделок купли-продажи. Это, во-первых, городская собственность — дома, домики, отдельные жилища и т. д., — а также пекарни, палатки ремесленников, лавки (*tiendas*) для продажи соли, зелени, угля, палатки, торгующие мукой, мясом, рыбой и т. д. Были случаи продажи мастерских, иногда, повидимому, довольно крупных. Продавались дубильни, бойни, одна из которых принадлежала общине толедских мусульман; постоянные дворы, конюшни, хлевы. Встречаются документы о продаже водокачки, житниц для зерна, маслобойки. Многочисленны случаи продажи дворов или их участков. Вся эта недвижимость являлась полной собственностью её владельцев. Покупатель также получал её в полную безоговорочную собственность. В отношении городской собственности мы всегда имеем возможность установить, кому принадлежало продаваемое владение.

Гораздо сложнее обстоит дело при определении принадлежности объектов второго рода, т. е. земельной собственности. Территориальной единицей, в которой были расположены эти объекты, являлась деревня — *alqueria*. В подавляющем большинстве случаев это была земельная собственность: пахотные земли (югер, фелдан, участок, «часть»); сады, виноградники, плантации, необработанные, заброшенные, целинные участки; иногда части луга, леса и т. д. Нередко продавались целые хозяйственные комплексы — владения (мульк), «всё, что принадлежит к деревне», часть деревни и т. д.

Продавались сеньории (*señorio*), права на рыбные ловли и охоту, права на реки, водоёмы, колодцы и каналы, которые имели большое значение, ибо искусственное орошение было необходимым условием разведения интенсивных культур — плодовых и главным образом винограда. Встречаются случаи продажи сельских дворов, мельниц, посева на корню, отдельных фруктовых, тутовых, масличных деревьев и т. д.

Термины, обозначающие земельные владения, свидетельствуют о том, что лица, заключавшие сделки, полностью владели своей земельной собственностью. Это подтверждают и *titulos de propiedad*, фигурирующие в каждом документе и указывающие на происхождение данного объекта, приобретённого путём купли, по праву плантации или при разделе наследственного владения. Выступающие в таких документах владельцы — полные свободные собственники, неограниченно распоряжавшиеся своим имуществом (во всяком случае, ни в одном из документов никаких оговорок мы не находим).

Таких свободных собственников можно без особого труда выделить в каждой деревне. Привлекая другие данные, мы устанавливаем наличие целых свободных деревень или частей деревень. Например (док.

№ 540), продаются два небольших участка пахотной земли в деревне Villaseca, стоимость обоих — всего 14 мискалей. Однако это полная собственность продающего, он унаследовал её от своего отца, а тот — от своей матери, которая получила это владение в приданое, и т. д.; указывается пять поколений владельцев, причём первый получил землю по праву плантации. Продаётся небольшой участок земли в деревне Manzel Razin, а это один из тех участков, которые получил каждый житель деревни, когда король дон Альфонс VIII Император разделил эту деревню между ними.

В документах Архива нередко встречаются указания на такие разделы деревень между крестьянами. Они имели место на протяжении всего периода реконкисты, а главным образом в XI в., как свидетельствуют королевские жалованные грамоты, фигурирующие при сделках в качестве *titulos de propiedad*.

Если мы представим себе специфику исторической обстановки данного периода, смысл реконкисты как колонизационного процесса, нам, возможно, станут ясны корни этого явления. Одной из движущих сил реконкисты были крестьяне. И хотя львиную долю богатств на отвоеванных у мусульман территориях захватывали светская знать и духовенство, всё же и крестьянам доставались, правда, небольшие, но свободные, с правом неограниченной собственности, участки земли. Это явление не было единственным, особенно на первых этапах реконкисты. Здесь, может быть, кроется объяснение того факта, что в некоторых областях Испании, в частности в Кастилии XII—XIII вв., мы находим массу мелких свободных собственников, в то время когда в остальной Европе мелкая свободная собственность давно уже была исключением.

Однако мы видим и другую категорию мелкой собственности. Встречаются случаи продажи владений, не являвшихся полной собственностью продающего: его права на эти владения были ограничены специальными законами — *fueros*⁷. Такие *fueros* могут распространяться на целую деревню. Существуют они в том, что жители данной деревни или отдельные лица обязаны оброком от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ урожая в пользу «хозяев деревни», как они именуются в документах. Крестьянин, находившийся в какой-то степени зависимости, мог продать свой участок, но, как говорится в документах, по обычаю продаж этой деревни, согласно её *fuero*. Так, в деревне Sobisa продажа происходит согласно *fuero* этой деревни, а именно $\frac{1}{6}$ часть продуктов — собору св. Марии (док. №№ 147, 235 и др.). То же самое в принадлежавших собору деревнях Manzel, Obaidalah, Alaineda (док. №№ 176, 230, 239, 223, 245 и др.).

В деревне Azucueica, принадлежавшей монастырю San Servando, платили $\frac{1}{4}$ продуктов (док. №№ 201, 593, 598 и др.), в деревне Тоггез, где «хозяином» был собор,—

$\frac{1}{6}$ часть (док. №№ 65, 110 и др.) и т. д. Некоторые документы вообще не называют ни владельца деревни, ни величины оброка, указывая лишь на наличие *fuero* в этой деревне. Необходимым условием было, чтобы и покупающий обязался выполнять это *fuero*, в противном случае сделка не могла состояться. Больше того, житель такой деревни был ограничен в выборе покупателей. В этом отношении для него были исключены целые социальные группы. В документе № 1128 мы читаем: «ни он (продающий.— М. К.), ни кто-либо другой от его имени не имеют права продавать это владение ни *caballero*, ни сыну *caballero*, ни жене *caballero*, ни члену духовного или военного ордена, а лишь человеку его положения, который давал бы собору то, что ему следует, как имеющему право на это владение, согласно *fuero* этой деревни».

Чрезвычайно интересен вопрос о степени зависимости таких крестьян, о характере эксплуатации их феодалами. Надо сказать, что в этом отношении данные документов требуют внимательного изучения. Как мы увидим дальше, подобными же ограничениями сопровождалась и наследственная аренда. Несомненно, что эти крестьяне были людьми лично свободными. Однако во всех случаях, когда имеются указания на *fuero*, мы можем считать, что перед нами неполные собственники.

Хотя у нас нет оснований не доверять документам, однако необходимо относиться к ним с большой осторожностью. Нельзя, например, зачислять в разряд зависимых целиком все те деревни, в которых действовали *fueros* и говорилось, что они из числа деревень собора, монастыря и т. д.

Мы встречаем целый ряд документов, в которых нет никаких указаний на особые условия сделки, а между тем дело происходит в деревнях, где действовали *fueros*. Для примера укажем на уже названную деревню Sobisa. Она из «деревень собора», её жители платят собору $\frac{1}{6}$ продуктов. И, однако, не все сделки в этой деревне происходят «согласно *fuero*». В деревне Azapa, также из «деревень собора», за 5 мискалей продавался участок земли, бывший полной собственностью владельца («доля»). В документе при этом сказано: «А это один из тех участков, на которые разделена деревня, и расположен он в той её части, где находятся владения собора, рядом с ними» (док. № 175). Было бы неправильно предположить, что все эти деревни целиком принадлежали указанным церковным организациям и что все их жители были зависимыми людьми. Вообще необходимо отметить, что таких деревень, где действовали *fueros*, встречается сравнительно мало. И если исключить все случаи сделок, заключённых согласно *fuero*, а также случаи аренды всех видов, то перед нами оказывается опромная масса свободных мелких и средних собственников.

Из всей массы документов только в одном говорится о крепостных крестьянах. Это дарственная грамота, датированная 1227 годом. Некий Педро Иллан ибн Иллан Исмаель дарит монастырю св. Климента двух

⁷ Так они называются в документах.

вилланов с их наделами и всем, что к ним относится (док. № 764).

Было бы преждевременно в настоящий момент делать какие-либо выводы из указанных выше фактов. Однако всё сказанное как нельзя лучше подтверждает указание Энгельса о том, что кастильское крестьянство не знало крепостной зависимости⁸.

Процесс поглощения мелкой земельной собственности крупной феодальной собственностью ярко выступает в документах группы «дарения». Среди многочисленных и разнообразных данных, которыми богаты эти документы, мы найдём интересные материалы по вопросу землевладения. В качестве объектов дарения фигурирует как городская, так и сельская собственность, главным образом земельная. Необходимо отметить прежде всего, что многочисленные факты земельных дарений свидетельствуют о наличии свободной земельной собственности. Множество собственников различного социального и имущественного положения, начиная от крупных феодалов и кончая мелкими и мельчайшими собственниками, дарили свои владения. И мы не находим никаких оговорок или ограничений ни в одном из документов этой группы.

В большинстве случаев дарения предназначались церкви, главным образом собору и монастырю св. Климента. Мотивы дарения, разумеется, религиозные. Однако, по существу, эти дарения весьма напомянут нам широко распространённый в Европе того времени прекарый. И здесь нельзя не заметить некоторых специфических моментов: нет никаких указаний на то, что прекарист, получая свою землю обратно (обычно в пожизненное пользование), был обязан платить какой-либо оброк, даже самый умеренный. Документы этой группы, в свою очередь, показывают нам пути, по которым шла мобилизация земельной собственности церковью. Становится понятным, как приобретались те колоссальные земельные богатства, которые являются основой могущества испанской католической церкви. Для иллюстрации достаточно привести следующий пример. На протяжении двух лет 21 человек, жители деревни Veres у Fontes, все свободные полные собственники, дарят свои участки (а это главным образом «доли», полученные их предками от короля дона Альфонса VIII Императора) архиепископу толедскому примату Испании дону Родриго Хименес (док. №№ 748, 749, 750 и 753). Имеется целый ряд дарений, сделанных мелкими собственниками не только духовным, но и светским феодалам. Несомненно, процесс поглощения мелкой земельной собственности крупной собственностью имел место уже и в то время. Об этом же говорят и документы других групп.

Документы, объединённые в группы под рубриками «освобождение рабов» и «поруча» в совокупности с материалами других групп, и в первую очередь под рубрикой «завещания», более или менее отчётливо вы-

являют характерные черты рабовладения этого периода. Существование самого института рабовладения тесно связано со спецификой испанской истории. Источником рабства служила непрерывная война между христианами и мусульманами. Абсолютно все фигурирующие в наших документах рабы — мусульмане. О том, что это пленники, говорит и термин, их обозначающий (асир). В подавляющем большинстве эти рабы — домашние слуги (ремесленники встречаются значительно реже).

Наибольшее количество освобождений рабов приходится на вторую половину XIII века. Условия освобождения различны, однако самым распространённым является уплата рабом определённого денежного выкупа. Нельзя не отметить, что условия освобождения значительно тяжелее в тех случаях, когда в качестве рабовладельца выступает церковь. В то время как светские рабовладельцы нередко довольствовались формальным актом обращения раба в христианство (крещение), клирики выставляли другое условие освобождения, а именно — барщину. И это понятно. Крупное феодальное хозяйство, каким было монастырское, вводившее в оборот всё новые и новые участки земель (главным образом под виноград), нуждалось в рабочих руках. Так, монастырь св. Климента отпустил на волю трёх рабов с условием, что в течение восьми лет (в других случаях — пять) они обязуются обрабатывать ими же посаженный виноградник, кроме того пятнадцать дней в году они должны были работать на монастырском поле во время жатвы. Через восемь лет они становились свободными, как все свободные мусульмане (док. № 790).

Особо заслуживают быть отмеченными по богатству и разнообразию материалов сравнительно немногочисленные документы группы «завещания». В той или иной мере они касаются всех сторон жизни мосарабов — социально-экономической, политической, религиозной, культурной. Документы этой группы предоставляют редкую возможность учесть всю принадлежавшую данному лицу земельную собственность. Как правило, разделу имущества завещателя предшествует полная инвентаризация всей его собственности, и, таким образом, последняя перестаёт быть для нас «неизвестной величиной». Значение этого обстоятельства становится ещё более понятным, если учесть, что многие из этих собственников являлись участниками других сделок «купли-продажи», «дарений» и т. д. Документы рисуют картину домашнего рабства, свидетельствуя о положении рабов, вольноотпущенников. Немало интересных данных содержат они и для характеристики арендных отношений. При чтении документов этой группы поражает огромное количество пожертвований, крупных и мелких, которые завещатели делали церковным организациям и отдельным представителям клира. Церковь получала многочисленные владения или деньги для приобретения их.

Наиболее полно выступает перед нами бытовая сторона жизни мосарабов — домашний уклад, бытовые и семейные отноше-

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 221.

ния, обычаи, образование, культура. Многочисленны данные для освещения таких вопросов, как семейное право и весьма своеобразное право наследования. Документы этой группы ярко отразили историческую обстановку своего времени. В каждом документе мы встречаем упоминание о пленных христианах, на выкуп которых завещались довольно крупные суммы. Нередко завещатель отказывал своему родственнику коня и доспехи для участия в походе против мусульман. Иногда в документах фигурируют и представители феодальной дружины, награждавшиеся за верную службу, и т. д.

Документы, сгруппированные под рубриками «тяжбы» и «соглашения», излагают разного рода сделки, подавляющее большинство которых носит имущественный характер. Они отражают споры и соглашения родственников из-за наследства, кредиторов с должниками из-за неуплаты долга, арендаторов с арендодателями.

Встречаются случаи тяжбы между отдельными представителями клира или целыми церковными организациями, а также последних со светскими людьми. Так, весьма интересна тяжба монастыря св. Климента с наследниками Абдальмелика ибн Харун, жителями деревни Argance, из-за пастбищ в этой деревне.

Документы этих групп дают интересный материал по многим вопросам, дополняя данные других документов. Прежде всего они освещают такие стороны социальной жизни мосарабов, как управление и юрисдикция. В Толедо эти институты тесно переплетались. Достаточно сказать, что функции судьи и правителя соединяло одно лицо — альгвасил-алькальд⁹.

Толедо был одним из наиболее независимых и самоуправляющихся городов Испании. При рассмотрении более чем тысячи документов мы, за исключением одного случая, не встретили данных о вмешательстве короля во внутренние дела города. Отсутствуют также данные о роли графа в управлении городом; упомянутый альгвасил-алькальд управляет всей городской жизнью: он и верховный судья и правитель.

Для юрисдикции мосарабов характерно сильное влияние мусульманского права. В аналогичных арабских институтах мы находим объяснение многим явлениям, не имеющим параллелей ни в христианской Испании, ни в остальной Европе. Документы дают интересные сведения о месте суда, его составе, судопроизводстве.

Все документы архива свидетельствуют о свободном движении земельной собственности у мосарабов. Земля свободно продаётся, дарится, закладывается, делится.

Документы, объединённые в группу под рубрикой «зalog», ясно показывают, как в качестве залога фигурировала городская и сельская недвижимость. Неуплата ссуды вела к продаже заложенного имущества с

аукциона или к переходу его в руки кредитора.

Дробление собственности констатируют и документы группы «завещания». Завещатель нередко продавал часть владений, делил их и раздавал по частям родственникам, друзьям, даже слугам и вольноотпущенникам, церкви.

Разделом имущества нередко кончались и тяжбы, о чём рассказывают документы групп «тяжбы» и «соглашения». Наконец, группа документов, обозначенная «разделы имущества», свидетельствует, что дробление собственности было обычным явлением. Многочисленные указания на это имеются в документах всех групп.

Среди документов группы «соглашения», однако, имеются два, на которых нельзя не остановиться. Приведу полностью первый документ. «Соглашение между альгвасилом-алькальдом доном Фернандо Матеос и его братом доном Альфонсом Матеос, сыновьями дон Матесс ибн Микаель ибн Фурон.

Решили братья объединить всё, что принадлежит им обоим в деревне Ajofrin из деревень Толедо, как пахотные земли, так и дворы, дома, голубятни, виноградники, плантации, луга и т. д., а это $\frac{2}{3}$ упомянутой деревни pro indiviso с одной третью её, принадлежащей наследникам их родного брата дон Хуана Матеос.

Согласились не делить владения при жизни, но оставить всё вместе, а после их смерти наследники также не должны ни делить владение, ни отчуждать его, а лишь пользоваться доходами от него.

Договорились, что владения становятся собственностью старшего из братьев, дон Фернандо Матеос, отныне и впредь до дня его смерти. Он будет пользоваться доходами и плодами с обязательством давать своему брату дону Альфонсо Матеос ежегодно в день св. Мартина 100 мискалей. После смерти дон Фернандо (если он умрёт раньше брата) владения переходят к дону Альфонсо, который обязуется ежегодно отдавать своему племяннику дону Альфонсо Фернандес, сыну его брата дон Фернандо, 100 мискалей в день св. Мартина. Если дон Альфонсо умрёт раньше брата, то последний выделяет 500 мискалей для оплаты его завещания.

После смерти братьев всё владение переходит к сыну и наследнику дон Фернандо Матеос, дону Альфонсо Фернандес. Последний, в свою очередь, передаёт владение своему старшему сыну с условием не дробить и не отчуждать его, а лишь пользоваться доходами в течение жизни, после смерти передать владение своему старшему сыну на указанных условиях. И так всегда от старшего к старшему, от сына к сыну, из поколения в поколение по прямой линии.

Если дон Альфонсо Фернандес не будет иметь сыновей и вообще не будет наследников мужчин, то пусть передаст владение дочери, чтобы она оставила его своему старшему сыну или по линии мужчин от старшего к старшему.

⁹ Это объединение функций было узаконено специальным указом короля Альфонса VI после реконкисты Толедо.

Если пресечётся линия наследников Альфонсо Фернандес, то пусть владение перейдёт к их племяннику, сыну их брата дона Хуан Матеос, дону Альфонсо Хуанес, а после него — к его наследникам по прямой линии.

Если пресечётся линия Альфонсо Хуанес, то пусть владение перейдёт к его брату, дону Хуан Хуанес, и его наследникам по прямой линии; если же он не будет иметь наследников, то к следующему брату, дону Гонсальво Хуанес, или к последнему, дону Гарсиа Хуанес, и таким образом завершится объединение владений всех трёх сыновей дона Матеос ибн Микаель ибн Фурон» (док. № 989).

Перед нами соглашение об установлении майората, возникающего, как мы видим, в форме добровольного взаимного обязательства — договора частных лиц. Соглашение направлено против дробления собственности. Пока оно ещё вполне добровольно: в нём участвуют не все владельцы, объединяется не всё имущество, а лишь владения в одной деревне¹⁰. Нельзя не отметить весьма запоздалое появление майората в конце XIII в. по сравнению с остальной Европой, где уже в XI в. этот институт получил широкое распространение.

По характеру аренды все документы можно разделить на три группы. Первая — вечно наследственная аренда. Сохранились только два таких договора, однако указание на наследственную аренду мы встречаем в тексте различных документов. В обоих случаях сдаются участки земли со всеми правами и доходами на вечные времена; плата за первый участок — 6 белых солидов и 3 добрых курицы, за второй — 6 солидов и 2 курицы в год (док. №№ 831, 832). В обоих случаях перед нами бессрочная наследственная аренда с чиншем в денежной форме. Своевременная уплата чинша гарантировалась всем имуществом арендатора. Всё, что арендатор построят на этой земле, становилось его полной собственностью. Он мог продать её, причём право преимущественной покупки принадлежало владельцу земли. Однако в случае, если последний не пожелает воспользоваться этим правом, арендатор мог продать его третьим лицам с условием, что покупающий обязуется платить указанный чинш владельцу земли. И в том и в другом документе сказано: «Не может арендатор продать двор ни caballero, ни донье, ни госпиталю, ни клирику, ни военно-рыцарскому ордену, а лишь лицу того же положения, что и он сам». Интересно, что подобные ограничения уже встречались нам, когда речь шла о продажах «согласно fuego».

Вторая группа — срочная аренда представлена как краткосрочной, так и долгосрочной. Обычно сроки её колебались от двух до шести лет. В одном случае встречается пожизненная аренда, на срок жизни владельца земли (док. № 920).

¹⁰ Мы знаем из других документов, что братья имели недвижимость и в других деревнях.

Что касается алькабалы, то мы находим все три её формы — денежную, натуральную и смешанную, — причём преобладает первая. Натуральная алькабала встречается значительно реже: арендатор платит 6 кахисов доброй пшеницы в год (док. № 916), арендатор платит 10 кахисов в год (док. № 919) и т. д. Лишь в одном случае мы видим смешанную ренту: арендатор платит 6 кахисов пшеницы и 30 мискалей в год (док. № 920).

Однако не так давно издольная форма аренды была господствующей. Об этом свидетельствует термин, которым обозначаются все арендаторы — «мухамис», т. е. арендатор-издольщик, обрабатывающий землю с $\frac{1}{2}$ урожая. Аренда широко использовалась для введения в эксплуатацию новых земель. Практиковалась сдача в аренду целинных и заброшенных участков с условием, что в первый год арендатор не платит алькабалы. В большинстве случаев арендатор получал вместе с землёй и орудия производства — быков, сельскохозяйственные орудия, зерно для посева, солому для животных, чаны для вина и т. д. (док. №№ 904, 910, 918). Иногда это было известной суммой денег для покупки всего, что требуется (док. № 991). В одном случае арендаторам предоставлялось даже жильё (док. № 918). Всё это по истечении срока аренды должно было быть возвращено владельцу.

Обязанности арендатора обычно довольно точно фиксированы в договоре. Арендатор не имел права отказаться от работы или хотя бы части её. В этом случае он терял доходы всего года и продолжал платить алькабалу. Своевременная уплата алькабалы гарантируется всем имуществом арендатора. За каждый просроченный день с него взимался штраф в размере $\frac{1}{4}$ мискаля. Кроме того владелец имел право описать имущество арендатора и продать его с аукциона без судебного постановления. В случае, если дело доходило до суда, право выбора суда принадлежало владельцу (док. № 918). Наконец, от арендатора требовался поручитель, и даже не один. Поручитель обязывался своим имуществом и в случае невзноса арендатором алькабалы должен был платить её за него. И это не было просто формальностью. Имеются факты продажи поручителем своего имущества для уплаты алькабалы за арендатора (док. № 991 и др.).

Большинство арендаторов — крестьяне, очевидно, малоземельные, а может быть, и безземельные, жители той же деревни. По видимому, все они обрабатывали землю лично, арендуя обычно мелкие участки в 1—2 югера. Все арендодатели, встречающиеся в документах, — представители господствующего класса: знать и главным образом духовенство. Последнее действовало весьма энергично: именно оно использовало аренду для освоения новых земель. В тех случаях, когда арендодатель — церковь, условия аренды заметно тяжелее и более тщательно оговорены. Вообще условия аренды были достаточно тяжёлыми для крестьян. Об этом свидетельствует док. № 948, в котором описывается тяжба между арендатором и владельцем земли — клириком. В не-

скольких случаях мы можем предположить субаренду.

Третий, наиболее распространенный и весьма своеобразный вид аренды — плантации. Виноградарство было одной из ведущих отраслей сельского хозяйства толедских мосарабов. Аренда земли под виноград являлась могущественным орудием распространения этой культуры. Под неё главным образом и осваивались всё новые и новые участки.

Наличие заброшенных и необработанных земель было одним из следствий реконкисты. Многие из них когда-то обрабатывались, и необходимо было снова ввести их в оборот. Плантации — это один из главных видов колонизации отвоеванных земель, и не случайно, что именно о них так часто идёт речь в рассматриваемых документах.

Различаются две категории плантаций: *a medio* и *a tercio*. Арендатор получает участок необработанной земли, возделывает её и насаждает виноградник. Через пять лет (иногда шесть), когда виноградник приносил уже плоды, участок делился между арендатором и владельцем земли пополам или на три части; в случаях аренды *a tercio* одна часть — владельцу и две части — арендатору. Однако этот последний вид аренды (*a tercio*) встречался значительно реже. Иногда при разделе виноградника арендодатель выговаривал себе лучшую часть. Участок, полученный по праву плантаций, становился полной и неограниченной собственностью арендатора.

Как правило, арендатор не платил алькабалы. Расходы по обработке шли за его счёт. Обычно плоды оставались арендатору, и только в одном документе мы имеем указание, что при разделе виноградника владелец земли получает $\frac{1}{4}$ часть плодов (этот владелец — монастырь св. Климента. Док. № 926). В случае отказа от работы арендатор терял всё, что он вложил в виноградник, лишался права на плантацию и должен был её покинуть. Иногда для обработки виноградников объединялись два арендатора, заключавшие в этом случае особый договор. Они имели одинаковые права: поровну делили плоды, а при окончательном разделе — и землю (док. №№ 924, 925, 926, 927, 933).

Все арендаторы — крестьяне, обрабатывавшие землю своим трудом в надежде получить её в полную собственность. Что касается владельцев земли, то это были представители различных социальных групп и прежде всего духовенство.

Сделанный беглый обзор небольшой части переведённых нами документов, надо надеяться, привлечёт внимание наших историков к этому ценнейшему и исследовательски совершенно неразработанному Архиву.

Советские медиевисты получают возможность гораздо полнее и глубже изучить жизнь испанской деревни и испанского города в интереснейший период реконкисты, период, наложивший отпечаток на всю последующую историю Испании, на формирование испанской нации.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

В. А. ПЕРЕВАЛОВ. *Ломоносов и Арктика*. Изд. Главсевморпути. М.-Л. 1949. 504 стр.

Книга В. А. Перевалова распадается на три части. В первой части автор выступает как комментатор известного научного труда Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию». Труд этот представляет разработанный Ломоносовым проект первой русской полярной экспедиции — экспедиции Чичагова. Вторая часть книги содержит интересные документы, освещающие деятельность Ломоносова как инициатора и организатора этой экспедиции. Здесь рассказывается о том, как проект её обсуждался в Комиссии российских флотов, какой был выбран окончательный для неё маршрут, как она затем подготавливалась Адмиралтейской коллегией и какую разностороннюю практическую помощь оказывал ей Ломоносов. Он заказывал приборы для научных наблюдений, организовал обучение штурманов, заботился о привлечении к экспедиции бывалых поморов и неустанно добывал для неё новые полезные сведения. Третью часть рецензируемой нами книги составляет описание двух одновременно готовившихся экспедиций — Чичагова и Креницына.

О комментаторской работе автора прежде всего следует сказать, что комментарии сверх всякой меры перегрузили книгу: на 70 страниц ломоносовского «Краткого описания» приходится около 120 страниц примечаний! Приводятся многочисленные справки по вопросам, не только мимоходом упомянутым Ломоносовым, но и вовсе не относящимся к его тексту, некритически набранные из разных энциклопедий, а также пухлая библиография, где основное и ценное не выделено из груды мелочей. Редакторские заголовки, разбивающие текст Ломоносова, часто совершенно не соответствуют содержанию и служат поводом к новым примечаниям. Так, например, § 42, где говорится о фантастическом путешествии Мельгюера, озаглавлен «Три пункта на карте, приложенной к «Краткому описанию», а в примечании сообщается, что автор впервые расшифровал два других пункта на этой карте. Между тем их нечего расшифровывать: они точно соответствуют маршрутам экспедиции, предложенным в § 83 того же «Описания».

В то же время автор пренебрегает важными вопросами, требующими разрешения при анализе этой крупнейшей научной ра-

боты Ломоносова: какими источниками он пользовался, на каком уровне стояли его научные взгляды и как они расцениваются современной нам наукой? Тщетно было бы искать в книге В. А. Перевалова ответов на эти вопросы. Не отмечено, например, что Ломоносов пользовался как первоисточником того времени статьями Г. Ф. Миллера 1758 г. о русских экспедициях по берегам Сибири и в некоторых случаях полемизировал с ним. Вместо анализа этого вопроса автор ограничивается лишь замечанием о «вздорности» всех рассуждений Г. Ф. Миллера (стр. 231).

В своих комментариях В. А. Перевалов также обходит ценные работы Шокальского, Берга и других специалистов, касающиеся взглядов Ломоносова в области арктической океанографии. Поэтому взгляды Ломоносова подаются в искажённом виде: так, автор приписывает ему мысль об образовании «главного и первого класса полярных льдов» из морской воды (стр. 105), тогда как известно, что Ломоносов не допускал возможности крепкого замерзания морской воды, вследствие чего и ошибался в своих вычислениях площади льда в полярном море.

Во второй части книги, где автор выступает в качестве историка и публикатора архивных документов, раскрывающих огромную роль Ломоносова в реализации проекта первой полярной экспедиции, материал подан в таком хаотическом виде, что читателю трудно в нём ориентироваться. Странное впечатление производит стремление автора возвеличить и без того большие заслуги Ломоносова, приписывая ему в ряде случаев инициативу, для доказательства которой нет достаточных оснований.

Как освещён в книге вопрос о выборе маршрута экспедиции Чичагова? Ломоносов, как утверждает его «Краткое описание» (§ 27), считал северо-западный проход недоступным для мореплавания и предложил (§ 83) два маршрута в качестве северо-восточного пути к Чукотскому носу: один — от северной оконечности Новой Земли, другой — между Шпицбергом и Гренландией.

Путь по Северному океану к Камчатке по высокоширотным областям, который может пролегать по обеим сторонам полюса, в представлении Ломоносова рисуется единым направлением с двумя марш-

путными вариантами. Основывался он на убеждении Ломоносова в существовании в высоких широтах моря, свободного от льдов. Эта мысль конкретно высказана в том же § 83 «Краткого описания»: когда будет открыто это «неведомое и почти нечаемое дальнейшее мореплавание, то уповательно обратный ход будет способнее около Новой Земли... как напротив того, по за Шпицбергенем и по за полюсом мореплавание к Чукотскому носу и далее в Индию и Америку».

Та же мысль подтверждена инструкцией Чичагову (§ 12) не удаляться из высоких широт к югу, чтобы не зайти куда-нибудь в американский архипелаг, и поведением самого Чичагова, который, конечно, по внушению Ломоносова, не изменил своего маршрута, очутившись перед сплошными льдами, и не повернул к Гренландии. Ясно, что, говоря о непригодности северо-западного прохода, Ломоносов имел в виду не предложенный им самим высокоширотный маршрут, а путь через Канадский архипелаг в Тихий океан, многократно неудачно испробованный мореплавателями. Перевалов же упорно утверждает (стр. 87, 191, 252), будто Ломоносов изменил своё мнение о непригодности северо-западного прохода, «поскольку его мнение об этом и раньше не было твёрдым», и «пришёл к двойственному заключению о возможности и северо-восточного прохода и северо-западного».

Чтобы как-то обосновать столь резкую и трудно объяснимую перемену в позиции великого русского учёного, автор книги придумывает ряд «причин»: во-первых, на Ломоносова повлияли показания поморов; во-вторых, на изменении маршрута настаивала Комиссия российских флотов, которая в данном случае руководствовалась интересами «семьи Шуваловых», имевших монополию на зверобойные промыслы. Автор стремится доказать, что Ломоносов вынужден был, «опасаясь провала своего проекта», принять навязанный ему маршрут экспедиции между Шпицбергенем и Гренландией и в обоснование нового варианта маршрута написал своё «Первое прибавление» к «Краткому описанию».

Всем этим измышлениям противостоит тот неоспоримый факт, что «Первое прибавление» не находится ни в каком противоречии с «Кратким описанием». Показания поморов помогли выяснить сравнительные удобства обоих вариантов пути на восток, предложенных Ломоносовым ещё в «Кратком описании». В «Прибавлении» Ломоносов протестует против того, чтобы связывали работу научной экспедиции с интересами промыслов, и предлагает эти промыслы выставить как прикрытия экспедиции «от иностранных». И действительно, экспедиции Чичагова никаких промысловых задач не было поставлено.

Без всяких доказательств, «судя по анализу текста», В. А. Перевалов приписывает Ломоносову авторство секретного указа Екатерины II от 14 мая 1764 г. об организации поиска пути Северным океаном на

Камчатку (стр. 306). Он вносит путаницу в вопрос о двух указах 14 мая 1764 г., считая их почему-то разными «редакциями», тогда как совершенно ясно, что указ о возобновлении китоловных промыслов на Шпицбергене являлся легальным прикрытием предстоящих приготовлений и расходов на секретную экспедицию политического значения.

Не соответствует действительности также его истолкование причины отсрочки первой полярной экспедиции. Указ о перенесении её на 1765 г. был дан 28 мая 1764 г., когда, по всем данным, она никак уже не могла успеть выйти в море в то лето. Автор же книги без дальних слов предполагает, что такое решение внушил Екатерине не кто иной, как Ломоносов (стр. 312).

Не обоснованы и высказывания автора по поводу организации экспедиции Креницына. Экспедиция эта была связана с открытием промышленниками дальних Алеутских островов и имела целью описание их, а также прилегающей части Аляски (которая считалась тогда островом).

Ломоносов, разумеется, сильно интересовался новыми сведениями о берегах Северной Америки, поскольку они ему были нужны для уточнения проекта экспедиции Чичагова и для поднятия интереса к ней. С этой целью он и составил «Прибавление второе» к «Краткому описанию». Ни о какой другой экспедиции в «Прибавлении втором» не говорится. Однако между обеими готовившимися экспедициями — Чичагова и Креницына — устанавливалась связь, исходя из возможности их встречи в водах Тихого океана. Встреча эта представлялась вполне реальной и Ломоносову и Адмиралтейской коллегии.

Практические указания на случай встречи были внесены как в инструкцию Креницыну в июне 1764 г. (в составлении которой Ломоносов не участвовал), так и в инструкцию Чичагову в марте 1765 г., составленную Ломоносовым. Факт проектируемой связи между обеими экспедициями был отмечен ещё известным историографом русского флота А. П. Соколовым¹, хотя В. А. Перевалов и заявляет, что никому другому, кроме него, не удалось установить этой связи (стр. 28—29).

Не смущаясь фактами, автор смело заявляет, что Ломоносов был прямым инициатором и вдохновителем даже самой экспедиции Креницына, что не кто другой, как именно Ломоносов, пришёл к мысли о необходимости более обстоятельного обследования Алеутских островов и что его «Прибавление второе» легло «в основу доклада Чернышёва Екатерине и подписанного ею указа» 4 мая 1764 г. об организации экспедиции, как выражается автор, «по описи Алеутских островов и открытию Аляски» (стр. 283).

В третьей части книги, при описании плаваний Чичагова и Креницына — Левашова, автор не использовал ни подлинных

¹ «Записки гидрографического департамента», X, 1852.

журналов этих экспедиций, хранящихся в Военно-морском архиве, ни так называемой оправдательной записки Чичагова о его двух трудных и отважных плаваниях. В то же время он берёт на себя смелость заявить, что Чичагов «не понял Ломоносова» и превратил плавание экспедиции «в обычный рейс морских судов, искавших свободной от льдов воды в высоких широтах Арктики» (стр. 426).

Нельзя не упрекнуть автора в недостаточно тщательной обработке публикуемых им ценнейших документов Военно-морского архива. Научные работы Ломоносова воспроизводятся не по подлинникам, подписанным им лично, а по текстам седьмого тома академического собрания сочинений. Нередки ошибки в хронологии, в некорректной, произвольной датировке. Образцом путаницы может служить описание автором «бесед с поморами» Комиссии российских флотов. Автор полагает, что эти беседы продолжались с 5 по 12 марта 1764 г., тогда как речь идёт об одном только заседании 5 марта, протокол которого был подписан 12 марта. Автор утверждает, что Ломоносов не присутствовал на этих беседах, тогда как подлинник протокола утверждает обратное. Автор говорит, что Комиссия российских флотов решила взять показания с крестьян и матросов 12 марта, тогда как эти показания были сняты ещё 5 и 6 марта. Под протоколом Адмиралтей-

ской коллегии 12 мая 1764 г. воспроизведена подпись Ломоносова (стр. 474), тогда как в действительности этой подписи под ним нет. Примеры такого небрежного отношения к публикуемым материалам можно легко умножить.

Но небрежность эта становится особенно нетерпимой, когда она касается текстов самого Ломоносова; здесь она граничит с неуменьем читать подлинники. В воспроизводимых в книге автографах Ломоносова встречаются грубые ошибки в чтении: вместо «олимпийские игры» прочтено «экономические игры» (стр. 51), вместо «не мог» — «нельзя», вместо «неумедля» — «немедля» (стр. 334), вместо «моего» — «нашего» (стр. 345), вместо «практикою» — «про такое» (стр. 490), вместо «дедикации» — «дедекации» (стр. 360) и т. д. и т. п. Изобретённый Ломоносовым вентилятор всюду упорно называется вентилант-р-см.

Автор затратил на книгу много труда и поднял новые источники. К сожалению, он не справился с обработкой материала, не сумел достаточно критически проанализировать источники, допустил ряд необоснованных утверждений. Вопросы, встающие перед исследователями научного наследия Ломоносова в области изучения Арктики, нуждаются в дальнейшей разработке.

В. Свирская

С. П. КРАШЕНИННИКОВ. *Описание Земли Камчатки*¹. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов². Ответственные редакторы — акад. Л. С. Берг, акад. А. А. Григорьев и проф. Н. Н. Степанов (Академия наук СССР, Институт географии, Географическое общество Союза ССР, Институт этнографии). Издательство Главсевморпути. М.-Л. 1949. 841 стр.

Переиздание сочинений классиков русской науки, а также исследования истории русской науки стали предметом глубокого

¹ В рецензируемом издании, по нашему мнению, ошибочно пишется «Земля» с прописной буквы. Следуя первому изданию 1755 г., и по смыслу и по тому, что принято в современной русской орфографии, нужно писать «земля Камчатка». Это не «Новая Земля», не «Огненная Земля», не «Северная Земля» и т. п., а обширный полуостров, как это было известно уже ко времени его исследования С. П. Крашенинниковым. Поэтому в своей рецензии мы пишем повсюду «земля Камчатка», за исключением цитат из рецензируемого академического издания.

² В числе приложений и указателей дана статья А. В. Ефимова «О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII в.» (стр. 771—797 + воспроизведения карт на стр. 799—815).

изучения и одним из важных средств морально-политического воспитания широких кругов читателей как Советского Союза, так и наших многочисленных друзей за рубежом. Академическое переиздание выдающегося труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» последовало менее чем через два года после его сокращённого и пересказанного изложения, выпущенного в 1948 г. Государственным издательством географической литературы³. Это ещё раз свидетельствует, насколько значителен интерес широких кругов советских читателей к истории русской науки вообще и к данной работе С. П. Крашенинникова в частности, какое большое внимание уделяется в нашей стране изучению памятников и достижений культуры народов Советского Союза.

³ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. В изложении по подлиннику и под ред. Н. В. Думитрашко и Л. Г. Каманина. М. 1948. 296 стр., вклю-

Продолжая лучшие традиции нашей Академии наук, редакция нового издания проделала кропотливую работу над текстом труда С. П. Крашенинникова и дала обстоятельные географические, естественно-исторические и этнографические комментарии. Однако читатель не найдёт в этом академическом издании достаточно полной и систематизированной библиографии трудов С. П. Крашенинникова⁴.

Отсутствие её трудно объяснить. Историки русской науки, в свою очередь, выскажут также сожаление о том, что в издании нет сжатой описи архива С. П. Крашенинникова, что облегчило бы исследовательскую работу в будущем⁵.

Самый существенный недостаток настоящего переиздания труда С. П. Крашенинникова заключается в том, что редакция ограничилась работой над вариантами текста и естественно-историческими, географическими и этнографическими комментариями, даже не попытавшись по-новому, с позиций творческого марксизма, раскрыть содержание научной деятельности этого вы-

чая иллюстрации, карты, комментарии, в том числе к некоторым впервые опубликованным архивным текстам.

⁴ Нельзя считать достаточной ссылку проф. Н. Степанова на сборник «Советский Север» № 2, вышедший в 1939 г., в котором имеются статьи А. И. Андреева: «Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова» и «Переводы труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (см. сноску 2 на стр. 14 настоящего академического переиздания).

⁵ Так было сделано, например, в академическом издании труда Г. Ф. Миллера «История Сибири» Т. I. 1937. На стр. 541—569 этой публикации дан «Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках». Редакция рецензируемого издания допустила досадное упущение, не упомянув и о работе В. Ф. Гнучевой «Материалы для экспедиций Академии наук в XVIII—XIX веках» (М.-Л. 1940), где на стр. 56—58 дана сжатая опись архивных материалов С. П. Крашенинникова, хранящихся в архиве Академии, а на стр. 78—81 изложена история его Ингерманландской ботанической экспедиции 1749—1752 гг., о которой нет ни слова в биографическом очерке, написанном Н. Н. Степановым. В настоящем издании «Описания земли Камчатки» недостаточно отмечена работа А. И. Андреева по выявлению архивных материалов С. П. Крашенинникова, которая отчасти была использована в академическом переиздании первого тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (1937), поскольку в известных «портфелях» последнего имеются и работы Крашенинникова. Не использована, наконец, посмертная работа В. Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии наук XVIII века» (1946), где имеются данные о Крашенинникове и его трудах.

дающегося русского учёного, показать его роль в развитии русской культуры. Не освещён также исторический процесс, который вызвал появление русских на Камчатке и её первое научное «описание» (исследование) С. П. Крашенинниковым, замечательным русским учёным, сыном солдата.

Нельзя утверждать, что эти вопросы совсем не затронуты в обширной вводной статье проф. Н. Н. Степанова «Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» (стр. 13—84). Однако автор вводной статьи, несмотря на лучшие намерения, неправильно ориентирует читателей в ряде важных вопросов истории России во времена С. П. Крашенинникова, а также истории Камчатки в первой половине XVIII века.

Пользуясь, например, формулой «дворянская империя XVIII века» (стр. 50—51), Н. Н. Степанов не продумал глубокую мысль И. В. Сталина, что «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса... Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»⁶. Н. Н. Степанов не учёл того, что «дворянская империя XVIII века» в России не оставалась одной и той же в начале, в середине и в конце этого столетия.

Развитие капиталистических отношений, происходившее ещё в условиях крепостного права, привело к тому, что «во вторую половину XVIII в. в достаточном количестве появляется на рынке рабочая сила»⁷. К этому времени возрастает роль купеческого класса, «торгующего дворянства» и отдельных богачей из «низших податных сословий», создававших капиталистические фабрики, которых не было в первой половине XVIII в., когда жил С. П. Крашенинников (1711—1755). Следовательно, недифференцированное применение Н. Н. Степановым формулировки о «дворянской империи XVIII века» вскрывает особенности политической и социально-экономической истории России именно в первой половине этого столетия, мешает правильно понять классовые силы, мотивы и идеологию того времени, когда создавалось «Описание земли Камчатки».

Н. Н. Степанов не связывает открытие и заселение русскими Камчатки с процессом первоначального капиталистического накопления и его проявлением в северо-восточной Сибири в период от начала до середины XVIII века. Вместо подлинно научного, марксистского объяснения мотивов действий русских на Камчатке в пер-

⁶ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6—7. М. 1937.

⁷ Б. Греков. И. В. Сталин и историческая наука. Сборник «Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР», стр. 252. М. 1949.

вой половине XVIII в. Н. Н. Степанов некритически обращается к легендам и преданиям: «Сохранились ко времени Крашенинникова и предания о первых русских походах на Камчатку и первых её поселенцах, предания о прежней казачьей жизни с её вольностью и безнаказанностью (?) и вместе (стиль!) с суровостью и опасностью в постоянных военных походах» (стр. 74). Н. Н. Степанов не устанавливает, что было верно и что вымышлено в подобных преданиях камчатских казаков. Не отмечает он и мотивов личного обогащения участников открытия Камчатки, не показывает значения мер, принятых государственными властями в интересах возвышавшегося класса помещиков, содействия нарождавшемуся купеческому классу и укрепления национального государства этих классов. Вместо этого в статье Н. Н. Степанова появляется — без надлежащего раскрытия — термин «государственный интерес». «Государственный интерес — вот тот критерий, с которым подходил Крашенинников ко всему, что происходило до него и в его время на Камчатке... Апологетом насилия Крашенинников не был и «государственный интерес» не отождествлял с интересами царизма» (стр. 80).

Н. Н. Степанов не показывает, как в общественной и научной жизни России того времени боролись две культуры: «культура» эксплуататорских верхов, в том числе иностранцев, искателей наживы и власти, связанных с правящими классами и кланами, и подлинная культура эксплуатируемых народных масс России. В известной мере это отразилось и в деятельности С. П. Крашенинникова и М. В. Ломоносова. Н. Н. Степанов не выясняет, однако, движущих классовых сил и сложных путей формирования русской культуры, особенностей развития русской общественно-политической мысли и науки в период жизни и деятельности С. П. Крашенинникова. Вместо этого проф. Н. Н. Степанов сообщает, например, что Крашенинников приветствовал первые мероприятия Елизаветы Петровны по развитию скотоводства и земледелия на Камчатке. Эти попытки, весьма мало успешные, неоднократно делались и до царствования Елизаветы и после⁸. Но, как признаёт Н. Н. Степанов, «царизм мало интересовался Камчаткой. Отсталым и заброшенным оставался этот край вплоть до Октябрьской революции» (стр. 82). Непонятно, зачем же понадобилось во вступительной статье пересказывать текст С. П. Крашенинникова (стр. 194) со всеми особенностями

ми официальной фразеологии и придворной историографии периода царствования Елизаветы Петровны.

Помимо отмеченных недостатков методологического характера, статья Н. Н. Степанова вызывает ряд других замечаний. В статье нет определённой последовательности в изложении, не всегда продуман и обоснован отбор материалов. Например, не следовало бы, как нам представляется, занимать почти семь страниц книги большого формата (65—71) сопоставлением заголовков глав в тексте рукописи Крашенинникова и в печатном тексте 1755 г., чтобы показать литературно-редакционные изменения. Для этого достаточно было бы нескольких образчиков, тем более что на стр. 73 приведён пример стилистической правки труда С. П. Крашенинникова в третьей редакции и в окончательной редакции печатного текста.

Четыре страницы (49, 55, 61, 75) заняты фотокопиями рукописи «Описания земли Камчатки», тогда как можно было бы ограничиться показом одной страницы. Не к чему также было воспроизводить на целой странице (83) титульный лист третьего издания «Описания земли Камчатки» — в 1818 году.

Статья Н. Н. Степанова перегружена мелочами, не имеющими большого значения для жизнеописания С. П. Крашенинникова и его основного научного труда.

Н. Н. Степанов и редакция при обилии всякого рода комментариев не разъяснили советскому читателю значения местных слов и выражений, исчезнувших из современного русского языка: «шелех» (стр. 32), «хоньбы», «торбасы» (стр. 33), «намнясь», «бастроки» (стр. 51), «зерновое место» (стр. 74), «мнимые подлые художества» и т. д.

Большое удивление вызывает также почти полное отсутствие комментариев редакции к вновь публикуемым архивным материалам С. П. Крашенинникова, занимающим четвертую часть книги (стр. 543—767).

Особо следует остановиться на картах маршрутов С. П. Крашенинникова. На «карте путешествий Крашенинникова по Сибири и Камчатке» (стр. 29) плохо вычерчены контуры суши, гидрографическая сеть, слишком примитивно — «наглядно» — изображён рельеф, причём даже не закончено его изображение. Эта небрежность оформителя и редакции тем более нетерпима, что на карте не показаны многие важные горные системы, особенно в Северо-Восточной Азии. На той же схематической карте допущена досадная ошибка в одном из обозначений на линейном масштабе (0—200—400—800 вместо 600 км). Не оговорён также знак границ России в Азии и время, к которому относятся нанесённые на карту границы. Во всяком случае, границы России в Азии показаны не на тот период, когда С. П. Крашенинников путешествовал по Сибири и Камчатке. Для соответствующего периода часть русско-китайской границы в Восточной Сибири показана неточно, а к юго-западу от рай-

⁸ Выдающийся исследователь и патриот Г. Невельской признавал, что «хлебопашество ни в Камчатском, ни в Охотском крае... не привилось и не существовало. Хлеб родился только на бумагах и в канцеляриях, в действительности же его не только не было для продовольствия упомянутой ничтожной силы, но и для пропитания переселённых с этой целью крестьян». Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849—1855, стр. 53. М. 1947.

она озера Зайсан—совсем неверно⁹. Границы, нанесённые на картах, установились после смерти С. П. Крашенинникова, и тем более они не соответствуют времени его участия в работах второй Камчатской экспедиции 1733—1743 годов.

Не лучше и «карта камчатских маршрутов Крашенинникова» (стр. 34), где совсем нет изображения рельефа Камчатки, в пределах которой, как писал этот выдающийся первый русский исследователь, «горы от южного конца к северу непрерывным хребтом простираются и почти на две равные части разделяют землю; а от них другие горы к обоим морям лежат хребтами, между которыми реки имеют течение. Низменные места находятся токмо около моря, где горы от одного в отдалении, и по широким долинам, где между хребтами знатное расстояние» (стр. 100). Соответствующую карту следовало дать в более крупном масштабе и с непременно нанесением элементов орографии, а также дат маршрутов С. П. Крашенинникова, названий важнейших русских островов и поселений курилов, ительменов (камчадалов), коряков и т. д.

Недостатки обеих карт особенно заставляют пожалеть об отсутствии в рецензируемом издании историко-географической карты Камчатки в период исследования её С. П. Крашенинниковым. Создание специальной историко-географической карты (а ещё лучше — карт) Камчатки с показом размещения коренного населения до появления русских и в конце первой половины XVIII в. значительно помогло бы раскрыть богатейшее научное содержание труда С. П. Крашенинникова¹⁰.

⁹ Ср., например, изображение соответствующих государственных границ в Азии на «Генеральной карте Российской империи» в известном академическом атласе 1745 г., а также карту № 5 в «Атласе Азиатской России» (1914 г.).

¹⁰ Как, например, это было сделано К. Н. Сербиной для карты Сибири XVI—XVII вв. (до 1618 г.), приложенной к академическому переизданию первого тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (М.-Л. 1937). На этой историко-географической карте показано размещение коренного населения Западной Сибири, нанесены татарские и вогульские городки, русские города и острожки, пути промышленников и казаков, границы царства Кучума, размещение волостей и т. д. (см. также текст на стр. 573 и 574). Кроме того в приложении ко второму тому «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (1941) дана ещё особая историко-географическая карта Сибири первой половины XVII в., а на стр. 587—588 К. Н. Сербина изложила принципы и источники её составления. Для Восточной Сибири нет подобной историко-географической карты. Поэтому заслуживает особого сожаления, что редакция настоящего академического переиздания труда С. П. Крашенинникова, в состав которой вошли наиболее крупные географы нашей страны, интересующиеся вопросами истории русских

Недостаточно тщательно воспроизведён портрет С. П. Крашенинникова. В отличие от хороших академических традиций не указывается, откуда заимствован портрет С. П. Крашенинникова, помещённый перед титульным листом книги. Следует полагать, что перед нами фоторепродукция известной гравюры А. Осипова, которая была опубликована в 1801 г. в «Пантоне российских авторов» Платона Бекетова¹¹. Однако фоторепродукция этой гравюры пунктиром, самой по себе стилизованной, крайне неудачно ретуширована в настоящем издании.

Приходится отметить, что, к сожалению, в настоящем академическом издании немало опечаток (или описок), которые даже не вошли в прилагаемый перечень. Особенно много грубых ошибок и опечаток в статье А. В. Ефимова.

Недостатки рецензируемого издания труда С. П. Крашенинникова заставляют вновь задуматься над вопросом, как следует издавать труды классиков русской и иностранной науки. По нашему мнению, необходимо переиздавать последний текст, вышедший при жизни автора, приходя в дополнение лишь такие варианты или разночтения, которые имеют существенное значение¹².

Воспроизводить следует весь основной текст и все приложения, в том числе иллюстрации, непременно оговаривая то, что исключается по особым соображениям¹³. Научные комментарии должны быть по возможности сжатыми. Если окажутся необходимы более развёрнутые комментарии, то их следует переносить в приложения. Вводная статья (или статьи) о жизни и деятельности учёного, о содержании и значении переиздаваемого труда должна не только сообщать основные биографические сведения, но и раскрывать с позиций творческого марксизма историческую обстановку, в которой жил и работал учёный, его

географических открытий и исследований, не использовала положительного опыта К. Н. Сербиной и не приняла мер к составлению аналогичной историко-географической карты Камчатки в первой половине XVIII века.

¹¹ См. описание этой гравюры: Wasiltchikoff. Liste alphabétique de portraits russes. Т. I, стр. 463. Спб. 1875, а также Д. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I, стр. 951. Спб. 1889.

¹² Особое значение имеет разработка общепринятых принципов передачи старого русского текста, так как разноречив в этом отношении слишком велик.

¹³ Например, нельзя было опускать из первого издания труда С. П. Крашенинникова (1755) «Предупреждения читателю», которое помогает установить неосновательность утверждений Г. Ф. Миллера, что лишь ему, Миллеру, принадлежит инициатива и указание необходимости дать в приложении карты Камчатки и Курильских островов, о чём якобы С. П. Крашенинников и не думал.

общественные связи и симпатии, классовые истоки его идеологии, особенности метода, значение учёного для развития науки и т. п.

Не обязательно приводить исчерпывающую библиографию и выявлять все архивные материалы. Однако не следует допускать выпуск переизданий классиков науки без достаточно полных и обстоятельных ссылок и указаний на источники в интересах содействия дальнейшим исследованиям.

Тщательность и предварительное широкое обсуждение — элементарные требования

при переиздании классических работ. Но, как показывает опыт настоящей академической публикации труда С. П. Крашенинникова, эта сторона большого дела иногда игнорируется.

Отмечая положительное значение рецензируемого издания, следует, однако, признать, что в целом оно не отвечает тем требованиям продуманности, тщательности и обстоятельности, которые предъявляют советские читатели публикациям, выходящим при участии крупнейших научных учреждений нашей страны.

Н. Лазарев

Багратион в Дунайских княжествах (сборник документов). Молдавская научно-исследовательская база Академии наук СССР. Институт истории, языка и литературы. Сектор истории и археологии. Центральный государственный исторический архив Молдавской ССР. Государственное издательство Молдавии. Кишинёв. 1949. 117 стр.

Документальное наследие П. И. Багратиона ещё ждёт своего исследователя. Многочисленные материалы, отложившиеся в результате его разносторонней кипучей деятельности, рассеяны по многим хранилищам нашей страны. Давно назрела необходимость монографического издания этих документов. Поэтому рецензируемый сборник привлечёт внимание всех, кто интересуется военным прошлым русского народа.

В сборнике опубликованы документальные материалы из фонда сенаторов Диванов Молдавии и Валахии, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Молдавской ССР. Эти материалы дополняют документацию сборника «Генерал Багратион» (Огиз. 1945). Ряд документов в рассматриваемом издании перепечатан из последнего сборника.

Материалы настоящего издания охватывают период с 1 июля 1809 по 15 марта 1810 года¹. Сборник состоит из пяти разделов: «Назначение П. И. Багратиона в Молдавскую армию»; «Приказы, распоряжения и переписка П. И. Багратиона, касающиеся армии»; «Вопросы управления Молдавией и Валахией»; «Отношение к населению»; «Содействие населения Молдавии и Валахии русским войскам»; «Отъезд П. И. Багратиона из Молдавской армии».

Особую ценность представляют подлинные документы Багратиона о взятии русскими войсками крепостей Гирсово (№ 9), Браилов (№ 30), Мангалы, Кузгун (№ 14), о победе над турками при Рассевате (№ 11). Интересны материалы, показывающие заботу Багратиона о подчинённых (№№ 17, 26, 33), об обеспечении армии провиантом и фуражом (№№ 18, 26, 69, 81).

Все эти документы характеризуют Багратиона как чуткого воспитателя войск,

заботливого военачальника, не забывающего отмечать офицеров и нижних чинов за отличия в «действиях военных» (№ 5), и вместе с тем как требовательного и строгого командующего в случаях, когда дело касается славы и побед России. В этом отношении интересен приказ Багратиона по Молдавской армии от 30 декабря 1809 г. о подготовке к весеннему наступлению. «Ежели же паче всякого чаяния моего с открытием новой кампании,— читаем мы в нём,— окажутся в котором либо полку и команде такие недостатки, исправление коих упущено небрежением командиров, тогда виновные подлежат будут ответу и взысканию в соразмерности вреда, какой служба от нерадения их иметь может» (№ 34).

Верный сын роины, Багратион проводил в княжествах политику дружбы. Это видно, в частности, из его письма главе Диванов Молдавии и Валахии С. С. Кушникову: «...в отношении к правительству австрийскому я намерен строго соблюсти выгоды России... с другой признаю я нужным приласкать народ» (№ 45).

Багратион считал местное население близким России. «...единомыслие и единообразное расположения из давних времён положили основание связи между россиянами и обывателями княжеств Молдавии и Валахии»,— читаем мы в письме Багратиона (№ 46). Он подчёркивал братские связи русского и болгарского народов: «Многочисленные, в самое краткое время над неприятелем одержимые победы приблизили нас к тем странам, которые населены настоящими болгарскими обывателями, в полной мере чувствующими всю тягость ига турецкого и искони обнаружившими... преданность и приверженность их к России» (№ 60). Багратион призывал с уважением относиться к болгарам, молдаванам и гре-

¹ Даты даны по старому стилю.

кам, «из жилищ их не выгонять, а... водворять на оные» (№ 52).

Багратион оказывал содействие сербам, желавшим «ополчиться для защиты своего отечества противу турков» (№ 65). Он выступал защитником местного населения, томившегося под турецким игом. «Никто, начиная от первейшего бояра до последнего подданного,— писал Багратион,— от старца, сединою покрытого, до младенца, питающегося млеком материнским, от вдовы, стяжавшей пропитание трудами предков и усопшего ее мужа, до молодой ее внуки, единою невинностью украшающейся, никто, говоря, не наслаждался первейшим благом человечества безопасностью жизни, чести и имущества» (№ 46).

Опубликованные материалы рисуют Багратиона горячим патриотом своей родины, уверенным в храбрости и непобедимости русских войск. Верный ученик великого Суворова, считавшего «победу — врагом войны», Багратион смотрел на победу, как на путь к миру, подчёркивая, что война «неизбежно влечёт за собою разорение земли» (№ 46). Гордясь победами России, Багратион писал о действиях русских войск в войне против Турции: «Не взирая на великие усилия турков, не удалось им ни единожды приобрести какую-либо над нами выгоду, ниже пользоваться какими-либо транспортом или же фурией из обоза армий. Напротив того, всюду и во всех покушениях обретал неприятель только собственную гибель» (№ 82). Верный суворовским заветам, Багратион считал, что «солдат дорог». Он писал, говоря о «счастливых успехах» русского оружия: «Более же сего служит мне утешением то, что все победы над неприятелем в поле, что все осады... крепостей сопряжены были с весьма малозначущею потерей храбрых воинов российских» (там же).

Таким рисуют материалы сборника главнокомандующего Молдавской армией Багратиона.

К сожалению, сборник не лишён недостатков.

Прежде всего нужно отметить, что опубликованные документы неполно освещают тему. Составителям следовало бы в большей степени использовать материалы Центрального государственного военно-исторического архива СССР. В сборнике не получили, например, достаточного отражения героизм армии, которой командовал Багратион. А между тем имеются документы о сражении при Рассевате, о котором Багратион писал: «Слабого пера моего никогда не достанет в полный мере изобразить того рвения, того мужества и той храбрости, которые в настоящем деле обнаружены вообще всеми войсками... Всяк тщился, всяк рвался быть первым и всяк старался превосходить сотоварищей в обнаружении неограниченного усердия... неустрашимости и деятельности в исполнении обязанности своей перед... отечеством»². Багратион был

полон гордости за «непобедимое Российское воинство»³. Описывая природные препятствия на пути к Рассевату, он заключает: «...все сии затруднения твёрдостью и рвением, единым российским войскам собственными, преодолены»⁴.

Следовало бы поместить в сборнике рапорты Багратиона о победах русских войск под Журжею, при Рассевате, Кузгуне, Кюстенджи, под Силистрией⁵. Они существенно дополнили бы опубликованные в нём материалы.

В сборнике отсутствуют документы, показывающие отношение Багратиона к иностранцам — наёмникам на русской службе, которых он рассматривал как авантюристов, приехавших в Россию за лёгкой наживой. Он говорил о них с гневом. Интересен автограф Багратиона к Аракчесву от 2 сентября 1809 г., в котором он писал о назначении к нему иностранцев: «Мне нужны русские, а не иноземцы; они никогда одному не привыкли служить, а всегда служат многим»⁶. В другом письме Багратиона к Аракчееву, от 23 ноября 1809 г., мы читаем: «...они (иностранцы.— В. В.) стелют мягко, но нам спать жёстко»⁷.

В сборнике не нашли отражения материалы, рассказывающие о тех трудностях, которые создавали Багратиону Александр I и его окружение. Глухая ссылка на них в документе № 29 недостаточна. Известно, что при своём назначении главнокомандующим Молдавской армией Багратион получил «решительное повеление» Александра «употребить всевозможные напряжения к учинению сильных и быстрых движений противу неприятеля на правой стороне Дуная»⁸. Багратион выполнил «высочайшую волю», но это поставило русские войска в чрезвычайно тяжёлые условия. Возраставшее число больных, которых не было возможности транспортировать в госпитали из-за недостатка в средствах передвижения, трудности со снабжением армии, невозможность строить землянки «в голой степи, где нельзя сыскать и хворостинки», — всё это угрожало Молдавской армии «конечным истреблением»⁹. Но Александра нелегко было заставить переменить своё решение.

Багратион писал Аракчееву 23 ноября 1809 г.: «Напрасно вас обманывают и льстят для гибели нашей... в одну позицию влюбляться вредно. Прошу одной милости: дать мне волю или вольность... Я здесь ближе всех и лучше зрю, но что вы все мешаете, что за польза»¹⁰.

Только в результате своей настойчивости и энергии Багратион добился разрешения

² Там же, л. 169.

⁴ Там же, л. 162 и об.

⁵ См. там же, лл. 115—118, 123—127, 164 и об., 166—168 и об.

⁶ Там же, л. 144 и об.

⁷ Там же, л. 348 и об.

⁸ Там же, д. 2941, л. 92.

⁹ Там же, д. 2729, лл. 305 и об., 309—311 и об.

¹⁰ Там же, д. 2927, лл. 345 и об., 348.

² Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 2927, л. 70 и об.

Александра перейти со своей армией на левый берег Дуная¹¹.

Материалы Центрального государственного военно-исторического архива свидетельствуют о желании Багратиона избавить сербов от турецкого ига. В его обращении ко «всеми храброму народу сербскому» от 18 февраля 1810 г. читаем: «Теперь настало время, в которое всё воинство сербское, одушевлённое верою и любовью к отечеству своему, вооружась духом храбрости, единомысленно должно соединиться с непобедимым воинством Российским на поражение гордых тиранов Сербии и к утверждению её благоденствия, которого доселе и потоки крови сербской приобрести не были в состоянии»¹².

Имеются существенные пропуски в некоторых документах. Так, в рапорте Александру от 6 сентября 1809 г. (№ 12) опущено очень ценное высказывание Багратиона о корыстной политике Англии на Востоке. Багратион указывал, что англичане «всюду сыпят золотом своим для возбуждения войны там, где только можно на твёрдой земле и для достижения тем самым единственно собственных своих выгод, жертвуя во всяком случае союзниками своими, как то уже многократными примерами доказано... обыватели Турецкой империи никакой вражды противу Россиян не имеют и иметь не могут, находившись и пред сим в дружбе и добром согласии и даже в союзе с Россиею, и что потому война сия вожжена одним министерством Порты, руководимым ухищрениями и золотом англичан»¹³.

В документе № 15 опущено изложение Багратионом взятия русскими войсками крепости Мангалии, которая «особливо важна потому, что Константинополь снабжается всегда оттуда солью, уголем и разными припасами»¹⁴. Без этого непонятно намерение Багратиона «произвести потрясение в самом Константинополе через посредство овладения Мангалии...»¹⁵.

К недостаткам сборника следует отнести

¹¹ См. ЦГВИА, ф. ВУА., д. 2941, лл. 8, 93 и об.

¹² Там же, лл. 77 и об., 78.

¹³ Там же, д. 2927, л. 49 и об. (Разрядка моя. — В. В.).

¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА., д. 2927, л. 100.

¹⁵ Там же, л. 102.

публикацию большинства документов с копий, что в некоторых случаях привело к их искажениям (№№ 6¹⁶, 8¹⁷).

В сборнике имеются повторения. Так, в рапорте Багратиона Александру от 19 августа 1809 г. (№ 6) подробно изложены обстоятельства взятия русскими войсками крепости Мачин. Поэтому излишне помещать письмо Багратиона к сенатору Кушникову с сокращённым изложением того же (№ 7).

Не следовало включать в сборник недоброкачественную копию письма Кушникову Молдавскому Дивану (№ 13) с пересказом подлинного письма Багратиона о победе русских войск над турками при Рассевате (№ 11).

В документах встречаются неоговорённые пропуски текста (№№ 43, 48, 50, 54, 56, 57, 58, 59, 60); не оговорены и выделенные жирным шрифтом слова (№ 50). Встречаются грамматические и синтаксические ошибки (№ 17), недописанные слова (№ 24).

Следует указать на громоздкость заголовков к документам (№№ 4, 5, 17, 23, 28, 42, 44, 52, 58, 60, 81) и в некоторых случаях на их негочность (№№ 19, 20, 21, 64).

Отсутствуют в сборнике комментарии к материалам. Не даны к нему именной указатель и указатель таких требующих пояснения слов, как дискреция (№ 6), байрактар, кирджалии (№ 12), каруцы (№ 26), дижмерит, винерит, оерит (№ 46), вистеар, ватавы, самеши, запчии, цынуты, ворник, логофет, спатарь, армаш, ага (№ 47), мудары, skutельники, послушники (№ 48), паркалабия (№ 72). Пользование сборником затруднено из-за отсутствия географического указателя, а также планов и карт, хотя в Центральном государственном военно-историческом архиве и хранится подлинный багратионовский план обложения русскими войсками Мачина¹⁸.

Отмеченная нами неполнота сборника — отсутствие в нём важнейших документов Центрального государственного военно-исторического архива СССР о героизме русской армии, об отношении к Багратиону царя и его приближённых и т. д., а также допущенная составителями небрежность в его оформлении — таковы основные недостатки рецензируемого сборника.

¹⁶ См. там же, л. 6.

¹⁷ См. там же, л. 27.

¹⁸ См. там же, л. 11.

В. Вяликов

Всеобщая история

FRANTIŠEK GRAUS. *Česky obchod ze suknem ve XIV a počátkem XV století.* (K otázce významu středověkého obchodu). Praha. 1950.

ФРАНТИШЕК ГРАУС. *Чешская торговля сукном в XIV и в начале XV в.* (К вопросу о значении средневековой торговли.)

Изучение социально-экономической истории Чехии XIV в. на основе марксистского учения об обществе имеет решающее значение не только для критики буржуазной историографии, но и для правильного освещения одного из наиболее выдающихся периодов чешской истории — гуситского движения. Чешская буржуазная наука оказалась не в состоянии вскрыть глубокие социальные процессы, происходившие в Чехии в XIV веке¹. Она не могла поставить вопроса о развитии производительных сил как определяющего фактора в истории общества, снимала или искажала вопрос о классовой борьбе в феодальном обществе. Такой подход к изучению истории Чехии, ведущий своё начало от «отца» буржуазной либеральной историографии XIX в. Франтишка Палацкого², был характерен для всей последующей буржуазной чешской историографии.

Естественен поэтому интерес советского историка к работам тех чешских историков народно-демократической Чехословакии, которые становятся на путь марксистского изучения истории своей страны. Одной из таких работ является книга Ф. Грауса «Чешская торговля сукном в XIV и в начале XV в.», которая органически примыкает к ранее вышедшей работе того же автора «Чешское суконное производство в догуситский период», опубликованной в «Сборнике по экономической и социальной истории»³, вызвавшей значительный интерес у советских историков-славистов⁴.

Большой знаток фактического материала, Ф. Граус в отличие от своих предшественников в основу изучения проблемы кладёт труды классиков марксизма и опыт советской исторической науки. Автор рассматривает торговлю сукном Чехии и Моравии, производившуюся с Фландрией и Брабантом, с востоком и югом Европы в течение XIV и начала XV века. Уже самая постановка проблемы отличает этого учёного от других авторов, специально или косвенно касавшихся данного вопроса⁵. Граус ставит

задачу — дать общую оценку роли торговли в средние века, руководствуясь при этом марксистской теорией.

Постановка Граусом специального вопроса о характере и значении чешской торговли сукном с другими странами не случайна. Два товара являлись главным предметом средневековой торговли: пряности и сукно, причём суконное производство было наиболее развитой отраслью, что установил Граус в другой своей работе⁶ и на что обратили внимание и некоторые другие историки⁷.

Попытки чешских историков написать общую историю чешской торговли убеждают в том, что необходимо продолжать монографические исследования в этой области. Мы имеем в виду последние работы Мендла и Роубика. Интересное исследование Б. Мендла по истории ремесла и торговли⁸, охватывающее весь период истории чешского народа, написано весьма кратко, лишено научного аппарата и не решает многих важных вопросов, связанных с периодом, предшествовавшим гусизму⁹. Не подкреплена источниками и последняя работа Роубика¹⁰, а наблюдения автора в интересующей нас области носят слишком беглый характер.

При решении поставленной проблемы Ф. Граус встретился с большими трудностями источниковедческого и методологического характера, в частности, ему предстояло преодолеть неправильные традиционные точки зрения, критике которых он посвятил особую главу (пятую).

Обратимся к рассмотрению монографии Грауса. Она состоит из пяти глав. В первой главе автор рассматривает вопрос о непосредственных торговых связях Чехии с землями современной Бельгии. Заслугой автора является то, что он выясняет вопрос об

Revolution. Leipzig — Wien. 1907; H ü b s c h. Versuch einer Geschichte des Böhmisches Handels in besonderer Beziehung auf die Fluss-Schiffahrt und das Commerzial-Strassenwesen aus der Periode des Premysliden, dem Interregnum und den nachfolgenden Lütrelburgern. Prag. 1849 и др.

⁶ F. Graus. Soukennictví v době předhusitské. См. указ. сборник, стр. 165—166.

⁷ Из новейших работ следует указать: F. Roubík. Z českých hospodářských dějin. Praha. 1949.

⁸ B. Mendl. Vyvoj řemesel a obchodu v městech pražských. Praha. 1947.

⁹ Б. Мендл умер в 1940 году. Работа его предназначалась для энциклопедии и была издана посмертно по материалам автора его женой, Элеонорой Мендл.

¹⁰ F. Roubík. Z českých hospodářských dějin. Praha. 1949.

¹ Это особенно относится к известной работе J. Lippert. Sozialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. Bd. I, II. Wien. 1896.

² F. Palacký. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Díl. II, Praha. 1898.

³ F. Graus. Soukennictví v době předhusitské. «Sborník pro hospodářské a sociální dějiny». Ročník I, 1946, Sv. 3—4, str. 164—182.

⁴ См. «Вопросы истории» № 1 за 1948 г., стр. 137—142 и № 1 за 1950 г., стр. 94—103.

⁵ См. J. Juritsch. Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zur hussitischen

объёме экспорта бельгийских сукон в Чехию, на что другие историки почти не обращали внимания¹¹. Несмотря на скудность известий, Граусу удалось установить, что уже в XIII в. между Чехией и бельгийскими землями поддерживались оживлённые торговые связи. В XIII в. в Праге хорошо было известно гентское сукно, и в конце этого столетия даже делались попытки производства поддельного гентского сукна. С другой стороны,— и это особенно интересно — источники сообщают, что в Брюгге в то время были известны чешское золото, серебро, олово, воск (стр. 15).

Очень интересны приводимые автором сведения о том, что чешский король Карл I (IV) предложил проект нового торгового пути, соединяющего Венецию и Брюгге. Путь этот должен был проходить через Чехию, по рекам Влтаве и Эльбе, и заменить морской путь вдоль побережья.

Приводимые автором данные из источников (формуляров) и архивов дают основание говорить о ввозе в Чехию сукна также из Фландрии. Очень любопытна попытка Грауса реконструировать один из торговых путей из Фландрии в Чехию. Граус делает вывод, что торговля Чехии с Фландрией носила пассивный характер: взамен сукна Чехия вывозила драгоценные металлы, главным образом в виде монет. Эта характеристика автора не вызывает возражения, особенно если учесть исключительный расцвет именно в это время (конец XIII — начало XIV в.) Кутнагорских рудников, на что обратил внимание ещё чешский историк Шуста¹². Есть и другое важное свидетельство: материалы бельгийских архивов, которыми пользуется Граус, говорят о том, что чешская монета весьма высоко котируется во Фландрии XIV века.

Вслед за первым существенным выводом о пассивном характере торговли с Фландрией автор приходит ко второму выводу, что торговый путь между Чехией и Фландрией не был прямым, а шёл через ряд промежуточных городов и торговых центров. На вопрос, каким путём попадали иностранные сукна в Чехию, отвечает вторая глава монографии. В ней автор показывает транзитную торговлю сукном немецких городов Кёльна на Рейне, Франкфурта на Майне, Регенсбурга и Нюрнберга. Путём скрупулёзного анализа всех известий об импорте в Чехию иностранных сукон автор приходит к выводу, что первое место в чешском импорте занимали именно эти города. Больше того, на основании того же

анализа автор констатирует, что Кёльн, кроме транзитной торговли бельгийским сукном, всё более развивал экспорт кёльнского сукна в среднюю Европу, так что кёльнские торговцы в конце концов превратились в серьёзных конкурентов для пражских купцов (стр. 29).

Особенно благоприятным для чешской внешней торговли, подчёркивает Граус, был период правления короля Карла I (IV), который гарантировал чешским купцам снижение пошлин в империи (привилегии Карла I 1354 и 1359 гг.). В 1370—1380 гг. привилегированными чешскими городами были Прага, Вратислав, Кутная Гора, Хеб. Особенно Карл покровительствовал торговой политике Праги. Результатом этого явились жалобы ряда городов на «ограничение торговли и принудительный склад товаров в Праге» (стр. 32).

Трудно всесторонне проследить по источникам торговлю Чехии другими товарами, поэтому важное значение приобретает наблюдение автора, что торговля Праги с Нюрнбергом и Регенсбургом не ограничивалась сукном. Среди товаров, конфискованных у купцов из немецких городов, в Праге в 1324 г. фигурировали шафран, вино, серебро, разные мелкие предметы обихода (стр. 41). Можно говорить и о чешском экспорте в указанные немецкие города, в частности в Регенсбург. Экспортировались чешское сукно, полуфабрикаты и главным образом драгоценные металлы в виде монет и слитков (стр. 42). Более отдалённые немецкие города — Кёльн, Франкфурт на Майне — экспортировали в Чехию только сукно. Но чем ближе были они расположены к Чехии, тем всё более торговля сукном в эти города отступала на задний план. Из Регенсбурга сукно уже почти не вывозилось в Чехию, наоборот, здесь можно было найти, хотя и в незначительном количестве, чешское сукно.

Ввиду пассивного баланса чешской торговли и главным образом ввиду усиленного вывоза драгоценных металлов из Чехии ориентация Карла I (IV) на немецкие города, как подчёркивает Граус, не благоприятствовала чешской экономике (стр. 44).

В результате предпринятого исследования во второй главе рецензируемой работы автор пришёл к новым выводам, заставляющим пересмотреть некоторые установившиеся в исторической науке положения. Ранее считалось, что бельгийские сукна доставлялись в среднюю Европу главным образом через немецкую Ганзу и Польшу¹³. В противовес этому мнению автор приходит к заключению, что путь через немецкую Ганзу и Польшу не имел большого значения и что товары в Чехию шли главным образом через Кёльн, Франкфурт и Нюрнберг (стр. 43).

¹³ Этот взгляд характерен для указанной выше работы Маловиста (см. примеч. 11), см. также J. Juritsch. *Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zur hussitischen Revolution*. Leipzig—Wien. 1907; R. Häpke. *Brügges Entwicklung zum mittelalterlichen Weltmacht* (Abhandl. zur Verkehrs und Seegeschichte. I. Berlin. 1908).

¹¹ Исключение составляет работа M. Melovist. *Le développement des rapports économiques entre la Flandre, la Pologne et les limitrophes du XIII-e au XIV-e s.* (Revue Belge de philologie et d'histoire, X, p. 1013—1065). Граус расходится с автором этой работы прежде всего в вопросе связи Чехии с Фландрией и даёт новые материалы, говорящие о характере обмена Чехии с Западом. См. F. Graus. Рецен. работа, стр. 29—35.

¹² J. Šusta. *Dvě knihy českých dějin*. Díl. I, str. 5—10. Praha. 1917.

Третья глава посвящена торговле сукном Чехии с востоком и югом Европы. В ней собраны интересные данные, говорящие о том, что с древнейших времён и на протяжении всего средневековья чешские земли вели торговлю с Киевом и Новгородом. В торговле с Польшей большое значение имел ввоз дешёвых польских сукон «*rappi polonicales*», производство которых было известно не только в средней Европе, но и в Новгороде, где польское сукно серьёзно конкурировало с бельгийскими сукнами. Большую роль для Чехии в качестве посредника в торговле с Польшей, Русью и Пруссией, как выясняет автор, играл чешский город Вратислав. Торговле иностранных купцов с Чехией через Польшу сильно мешали напряжённые политические отношения между Польшей и Чехией при Карле I. Однако экономические и торговые интересы были настолько сильны, что торговые отношения продолжались, несмотря на препятствия, которые ставились торговой политикой Кракова.

Автор рассматривает также торговлю Чехии сукном с юго-востоком и югом, торговые связи с Венгрией и Австрией. При этом автор устанавливает интересные факты: в то время как в торговле с Польшей всё большее значение приобретал ввоз в Чехию дешёвых польских сукон, легко конкурировавших с сукном чешского производства, в Венгрию и Австрию вывозились чешские сукна (стр. 46, 60), хотя в экспорте из Чехии в Австрию главное место занимали вино и соль (стр. 33).

Таким образом в противоположность торговле с Западом торговля Чехии с Югом и Юго-Востоком была активной: чешское сукно сбывалось в Венгрию и Австрию, а в Чехию поставлялись шелковые ткани из Венеции и итальянский бархат (итальянские сукна (флорентийские) в Чехию не ввозились).

Большой интерес вызывают последние главы работы — четвёртая и пятая. В четвёртой главе автор даёт обзор внутренней торговли сукном в Чехии, уделяя главное внимание торговым отношениям Праги. Организация торговли, в частности сукном, в Праге стояла на высоком уровне. Любопытны детали этой организации, в частности подробности деятельности особого торгового дома в Праге, так называемого «Тына», которые мы находим в книге. К сожалению, подобных данных в отношении других городов приведено недостаточно. Чужеземные купцы встречали большие ограничения в своей деятельности в Праге со стороны королевской власти, отдававшей все преимущества чешским, особенно пражским купцам (стр. 66).

Приводимый материал о различных налогах и принудительных мерах по отношению к иностранным купцам в пользу пражских купцов убедительно показывает, что борьба, которую вели пражские патриции со шляхтой и королевской властью, ещё в первой половине XIV в. закончилась завоёванием

привилегированного положения для чешского патрициата¹⁴.

Большое значение в хозяйственной жизни Чехии имели пражские ярмарки, которые устраивались дважды в год — в день св. Вацлава и в день Таинства. К сожалению, автор привёл всё же мало материала, характеризующего эти ярмарки, и почти ничего не смог сказать о более мелких ярмарках, устраивавшихся в других чешских городах. Граус неправильно усматривает главную причину расцвета «общих ярмарок» в Праге XIV в. в упадке больших международных торгов в Шампани в XIII веке. Главной предпосылкой расцвета как больших, так и малых торгов в Чехии в XIV в. было развитие внутренней и внешней торговли чешского государства, переживавшего в тот период экономический подъём.

В развитии торговли в Праге, особенно торговли сукном, автор видит объяснение быстрого роста значения торгового пражского патрициата — купцов, которые, как считает Граус, стали главной силой чешских городов. «Купцы владели городами; из их рядов происходили наиболее влиятельные члены городского совета (*konšele*). В Праге они пользовались особыми привилегиями в податной системе... Купцы, главным образом торговцы сукном, владели городами часто и потому, что были кредиторами города», — пишет Граус (стр. 70). С ростом привилегий чешских городов, особенно с расширением их самоуправления, и пражский патрициат добивался всё больших привилегий, особенно в области торговли. Главной целью он ставил обеспечение для Праги монопольного положения во внешней торговле. На основании собранных Граусом данных можно заключить, что в середине XIV в. патрициат добился своей цели: уже в 1351 г. чужеземные купцы имели право продавать свои товары только в Праге (стр. 40). В результате автор делает заключение, которое должно помочь понять расстановку классовых сил в период гусизма: «Пражские патриции полностью овладели к концу XIV в. самой доходной областью хозяйственной жизни — внешней торговлей. Здесь коренилась основа их силы, отсюда происходила их упорная реакционная позиция в отношении гуситского революционного движения, поскольку оно угрожало самому дорогому их имуществу — их мешку» (стр. 75).

В четвёртой главе Граус собрал по крупным, несомненно, очень ценный материал и сделал оригинальные наблюдения. Особенно важно и ценно стремление автора использовать этот материал прежде всего для изучения социально-экономических предпосылок гуситского движения, чтобы облегчить последующий классовый анализ этого величайшего социального движения средних веков.

Считаем необходимым, однако, сделать ряд замечаний к выводам автора. В ходе изложения автор оговаривает, что «недо-

¹⁴ J. Šusta. *Otec a syn*, str. 35 и сл. Praha. 1946.

статок источников является также причиной того, что нельзя ничего определённого сказать об отечественных сукнах и торговле этим наиболее дешёвым сукном у нас» (в Чехии.— Г. С.) (стр. 72). Но сам же он констатирует, что чешское и моравское сукна «составляли главный предмет торговли... на меньших торгах. Большая часть жителей одевалась в отечественное сукно» (там же). А дальше ещё более конкретизирует свой вывод: «В беднейших слоях городского населения иностранное сукно являлось неизвестным предметом роскоши; сельская и городская беднота, которая составляла подавляющее большинство населения, обычно одевалась в наиболее дешёвое серое сукно, изготовляемое в Чехии, в городах и в деревне. Чужеземной выделки сукно носили только представители привилегированных слоёв» (стр. 75).

Однако анализ внутреннего обмена и изучение значения роста внутреннего рынка в феодальной Чехии XIV в. выпадают из поля зрения Грауса, что привело к некоторым, весьма спорным положениям автора и сузило отдельные его выводы. Например, трудно согласиться с одним из главных его тезисов, будто рост торгового значения Праги в XIV в. был связан с упадком французских ярмарок в XIII веке.

Приводимые выше краткие замечания самого же автора об отечественном сукне существенны для характеристики внутреннего обмена Чехии и должны были бы поставить перед ним проблему изучения внутреннего рынка. Из работ Грауса видно, что изготовление сукна было важнейшей отраслью ремесленного производства в догуситской Чехии. В этой отрасли значительно раньше, чем в других отраслях средневекового чешского ремесла, появились разделение и специализация производства. И было бы неверно объяснять эти факты ростом торгового значения Праги в связи с упадком французских ярмарок в XIII веке. Несомненно, главным было другое — рост обмена внутри страны и рост внутреннего рынка. К этому выводу, впрочем, приводит и сам фактический материал, собранный автором.

Рассмотрение пражского торгового патрициата только с точки зрения его торговой деятельности и объяснение его реакционной позиции в гуситском движении только торговыми интересами сильно сузили выводы автора. В обстановке нарастания социального протеста основных масс города и деревни на протяжении всего XIV в. и особенно накануне гусизма классовые интересы городского патрициата и магнатских семей смыкались, и именно это прежде всего толкало в лагерь реакции пражских торговцев сукном. Это становится особенно очевидным, если учесть, что напряжённая борьба как пражского, так и кутногорского патрициата (игравшего значительную роль в политической жизни страны) с чешским магнатством завершилась ещё в первой половине XIV в. классовым компромиссом.

Автор в рассматриваемой работе старается подчеркнуть большое значение торговли

для внутреннего развития страны в средние века вообще. Считая, что этот вопрос имеет особый теоретический интерес, он вводит в свою книгу особую, пятую, главу — «О значении средневековой торговли». Заслугой автора в данном случае является правильная критика буржуазной историографии в вопросе о значении торговли в средние века. В этой связи автор разбирает и правильно критикует главных представителей буржуазной историографии, работы которых были посвящены проблемам социально-экономического развития средневековой Европы.

Граус рассматривает и критикует взгляды Бюхера, как известно, клавшего в основу периодизации экономической жизни общества территориально-географический признак (Hauswirtschaft, Stadtwirtschaft, Territorialwirtschaft, Weltwirtschaft)¹⁵ Зомбарта¹⁶ и особенно Допша¹⁷, который стремился доказать, что между примитивным и капиталистическим хозяйствами не существует качественного различия. Резко критикуя взгляды Допша, Граус правильно подчёркивает, что они были обусловлены интересами буржуазии эпохи империализма. Эти интересы требовали «доказательств» исконности капитализма. Но автору следовало бы усилить свою аргументацию путём более широкого разоблачения шовинистического, антиисторического «учения» Допша и указать, что последний был духовным отцом фашиствующих писак.

Дав критику буржуазной историографии и её понимания значения торговли в развитии общества, Граус, используя богатый опыт советской исторической науки в её борьбе против антиисторической концепции М. Н. Покровского, правильно критикует антинаучное понятие «торговый капитализм». Руководствуясь учением Маркса, автор заключает критический обзор историографии правильным теоретическим положением: «Единственно правильным определением капитализма является, следовательно, определение Маркса, согласно которому капитализм характеризуется наименее лично свободной рабочей силой предпринимателем, деньги которого таким образом становятся капиталом» (стр. 83). Рассмотрение внешней торговли Чехии в XIV — начале XV в. с точки зрения марксистско-ленинского учения о феодальной формации методологически вооружает автора и даёт ему возможность в целом правильно оценить роль торговли в средние века и отбросить лженаучную категорию «торгового капитализма».

В заключение в последней главе автор рассматривает качественные отличия в торговле в эпоху феодализма и в эпоху капитализма. Следует отметить, что последняя глава работы Грауса представляет значи-

¹⁵ K. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Wien. 1891.

¹⁶ W. Sombart. Der moderne Kapitalismus. 2 B-de. Lpz. 1902.

¹⁷ A. Dopisch. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien. 1930.

тельный теоретический интерес и свидетельствует о том, что чешские историки, основываясь на единственно правильной методологии — методологии марксизма-ленинизма, начали серьёзный пересмотр порочных взглядов чешской и немецкой буржуазной историографии. Тем более досадным является то, что Граус, дав эту интересную теоретическую главу, мало связал её с конкретным материалом книги.

В целом работа Франтишека Грауса представляет большой интерес для историка средневековой Чехии. Ценность её заключается прежде всего в разработке одной из наиболее трудных проблем средневековой Чехии — проблемы значения внут-

ренней и внешней торговли для развития этой страны.

Богато документированная книга Грауса, несмотря на ряд содержащихся в ней спорных положений, свидетельствует о большой работе, которую ведут историки народно-демократической Чехословакии, об их стремлении на основе изучения исторического материализма и опыта советской историографии пересмотреть важнейшие вопросы истории своей страны. Книга Грауса показывает, что это можно сделать только путём решительной борьбы с традициями буржуазной науки в Чехословакии.

Г. Санчук

ROBERTO CESSI. *Storia di repubblica di Venezia*. Vols. I—II. Milano — Messina. 1944—1946.

РОБЕРТО ЧЕССИ. *История Венецианской республики*. Тт. I—II.

Буржуазная историческая литература разных стран по истории Венеции огромна. Представление о том, сколько было написано о знаменитой Адриатической республике и о новой Венеции уже в конце 80-х годов прошлого века, дают увесистые томы «Венецианских библиографий» Чиконьи и Соранцо¹.

С того времени вышло немало новых больших работ по истории Венецианской республики. Из важнейших работ достаточно назвать сочинения Баттистелли, Музатти, Холгсона, Брауна, Ш. Диля, австрийского немца Кречмайера, не говоря уже о многочисленных журнальных статьях, например, в выходившем в течение нескольких десятилетий «Archivio Veneto». Тем не менее интерес к истории Венецианской республики не ослабевает, и не так давно популярная книжка француза Байли вышла 14-м изданием².

Повышенный интерес буржуазной исторической науки к прошлому Венеции не является случайным и отнюдь не вытекает из одного только стремления удовлетворить любознательность европейских буржуа, в качестве туристов посещающих город св. Марка. История Венеции, аристократический режим которой в своих основных чертах оставался почти неизменным в течение тысячи лет, представляет известные удобства для любителей «опровергать» то положение революционного марксизма, согласно которому «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Путём «препарирования» одних фактов, намеренного умолчания о других «масте-

ра» этого дела пытаются изобразить процесс исторического развития Венецианской республики как процесс эволюционный, которому были чужды серьёзные социальные конфликты. Такое изображение истории Венеции важно для буржуазии всех стран, но для итальянской националистической историографии, ставшей на службу фашизму, история Венеции даёт кроме того «возможность» исторически «обосновывать» захватнические планы правящих кругов Италии в отношении славянских земель на Балканах. Иногда такое использование истории Венеции делается открыто, например, в писаниях Тамаро, Рамбальди, Бенуто, обоих Дуданов³; иногда оно более или менее искусно маскируется.

Мы постараемся показать, далее, что рецензируемая работа Роберто Чесси служит обеим этим целям, но при этом автор считает необходимым надеть маску «строжайшего» буржуазного объективизма. «История, — уверяет нас автор, — не трибунал, который оправдывает или осуждает, но палестра истины»; автор хочет писать «без всяких романтических или апологетических намерений» (I, стр. 1).

В изложении фактического материала Чесси следует общепринятому порядку деления истории Венеции на три периода: период возвышения, период расцвета и период упадка, — сохраняя также и обычные хронологические грани, отделяющие один период от другого, — четвёртый крестовый поход между первым и вторым периодами и великие географические открытия между вторым и третьим. Первый из указанных периодов Чесси называет несколько необычно, «веком дожей», второй — «веком расцвета государства» и третий, как обыч-

¹ E. C i c o g n a. *Bibliographia veneziana*. Ven. 1847; G. S o r a n z o. *Bibliographia veneziana*. Ven. 1885.

² A. B a i l y. *La république de Venise*. Paris. 1946.

³ «La Dalmazia. Sua italianità, suo valore...». Formigino. 1915. B. D u d a n. *Il dominio veneziano di Levante*. Bologna. 1938.

но, — «веком упадка». Первые два периода составляют содержание первого, последний — второго тома.

Чесси не новичок в освещении истории Венеции — об этом говорят его разнообразные работы, посвящённые венецианской тематике, — и пишет он со знанием дела; однако его общен историческая концепция представляет собою большой шаг назад по сравнению с буржуазной историографией так называемого социально-экономического направления. Его концепция насквозь идеалистична, и он не скрывает этого; он ставит своей задачей, как это видно из его предисловия, исследовать «дух и смысл жизни» (I, стр. 1). Поэтому экономических проблем венецианской истории он касается попутно, в связи с другими вопросами его темы, например, вопросом финансов республики (II, стр. 213), и, несомненно, намеренно игнорирует проблему о характере венецианского производства. Проблем феодального и капиталистического производства для него не существует, и напрасно было бы искать в его книге их трактовки. После общих работ и отдельных исторических этюдов по истории Венеции Кречмайера, Луйо Brentano, его ученика Гейнсена⁴ и противника их обоих Зомбарта, так или иначе занимавшихся проблемой венецианского производства, рецензируемая работа выглядит анахронизмом, впрочем, довольно естественным на фоне общего упадка-буржуазной историографии.

Автор не видит, вернее, не хочет видеть, классового строения Венецианской республики и не считает нужным вскрыть его экономическую основу. «Венецианцы и на родине и вне её одинаково были, и земельными собственниками и купцами, моряками и земледельцами, или владельцами городской недвижимости» (I, стр. 19). «Быть может, было бы соблазнительно, — пишет он в другом месте, — установить параллель между экономической и социально-политической дифференциацией, которая прослеживается одновременно, но иллюзорным является предположение об идентичности патрициата с крупным купечеством, занятым заморской торговлей, и пополян — с мелкими торговцами и ремесленниками» (I, стр. 287). «В народе, — утверждает автор, — социально-классовая дифференциация ещё не созрела (это в XI в. — Н. С.), или, по крайней мере, не была заметной и поддающейся определению» (I, стр. 100). «Народ в Венеции всегда был однородным началом». Чесси не отказывается от своей точки зрения даже перед лицом того факта, что источники постоянно говорят о «больших, средних и малых» в Венеции, и утверждает, что «это различие имело более моральное, чем политическое значение» (I, стр. 144). Венецианская республика пред-

ставляется ему «государством с тоталитарной системой, в котором не было места для политической борьбы» (II, стр. 24).

Отрицая наличие в Венеции чётко очерченных общественных классов, автор, естественно, стоит и на позициях отрицания классовой борьбы. «От Фальери до Фоскари, от Фоскари до Барбариго, от Барбариго до Гримани глухая внутренняя борьба, которая своими печальными эпизодами возмущала ясность повседневной жизни, происходила не из идейных расхождений, а из личной неприязни» (II, стр. 24). «Все заговоры и комплоты, которые строгая полиция объявляла опасными для общественного спокойствия, могут быть отнесены скорее за счёт столкновений между антагонистическими группами, чем за счёт противоположности принципов, — столкновений между лицами, чем идеями» (II, стр. 230).

Многочисленные в истории Венеции вспышки классовой борьбы Чесси неизменно сводит либо к чисто внешним влияниям, либо к столкновению «жалких личных интересов», либо просто замалчивает их, или, в лучшем случае, беспомощно «разводит руками», отказываясь дать им конкретное историческое объяснение.

Примером полной беспомощности автора как раз и является попытка истолковать ожесточённую борьбу двух группировок господствующего класса в ранний период венецианской истории. Изложив факты, относящиеся к этой борьбе, Чесси пишет: «В тёмной смесе вероломств, ослеплений, заговоров, которые следовали друг за другом с половокружительной быстротой, трудно различить действующие элементы, личные и коллективные, элементы политические, экономические, социальные, и определить их значение и содержание» (I, стр. 18). Далее, по примеру других буржуазных историков, как и они, не будучи в состоянии дать более рациональное объяснение, автор трактует политическую борьбу IX в. как «муниципальную вражду между Читтануо-валли Маломожко» (I, стр. 27).

В качестве примера замалчивания фактов классовой борьбы можно указать на изложение событий, связанных с венецианским конгрессом 1177 года. Довольно подробно останавливаясь на таком ничтожном «вопросе», как происхождение праздника «обручения с морем» (I, стр. 166), автор ни словом не упоминает о брожении, имевшем место среди венецианских пополян, которые неожиданно для прогвельфски настроенных тогда патрициев обнаружили свои гибеллинские симпатии, о чём довольно подробно сообщает участник конгресса Ромоальд Салернский⁵. Другим примером может служить умолчание о волнениях народных низов Венеции в 1267 и 1268 гг., когда были разгромлены дома некоторых венецианских патрициев и сам дож подвергся личному оскорблению, о чём, правда,

⁴ Н. Kretschmayer. Geschichte von Venedig. I—III. Gotha. 1903—1904; L. Brentano. Die Anfänge des modernen Kapitalismus. München. 1916; B. Heinen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. Stuttgart und Berlin. 1905.

⁵ «Romoaldus. II, episcopus Salernit. Chronicon sive annales». MGH. SS. XIX, pp. 449 ss.

довольно сухо, сообщает Андрей Дандоло⁶.

В тех случаях, когда умолчать невозможно, автор излагает факты таким образом, что устраняет из своего рассказа классовое содержание событий и нарочито подчёркивает их внеклассовый характер, объясняя их какими-нибудь посторонними влияниями, внешними событиями, личными побуждениями отдельных лиц или комбинациями этих влияний и побуждений. Изложив факты внутренней борьбы, происходившей в Венеции в VIII в., Чесси предупреждает читателя, что в этих событиях нельзя видеть борьбы «двух социальных группировок», нельзя, например, в эраклеевских дожах видеть представителей группы земельных интересов, а в маломоккских — представителей морских интересов (I, стр. 19). События 1300 г., связанные с выступлением Марина Бокконио, автор объясняет трудностями, возникшими в Венеции в связи с ведением второй большой войны с Генуей в 90-х годах XIII в., и недоразумениями с Византией, имевшими место в 1297 г. (I, стр. 277). По мнению Чесси, заговор и восстание под начальством Байямонто Тьеполо в 1310 г. были вызваны не окончательным обособлением венецианской плутократии от народных масс в связи с «закрытием Большого Совета», а неудачной войной с Феррарой и узко эгоистическими интересами заговорщиков. «Заговор, — пишет он, — был задуман и руководим нобилиями, вышедшими из состава правящего класса, для удовлетворения собственных aspirations, причём в качестве орудия был использован простой народ, привлечённый, быть может, больше надеждой на добычу, чем каким-нибудь политическим идеалом» (I, стр. 284). Чесси выступает даже против общепринятого в серьёзной буржуазной исторической литературе объяснения заговора Марино Фальери серьёзными политическими мотивами. Он допускает, что «интрига, — так он называет заговор Фальери, — может быть, имела более глубокие основания и не заключалась только в удовлетворении личного честолюбия и справедливой жажды мести»; но он решительно не усматривает в событиях 1355 г. каких-либо социальных и политических корней. Чесси умалчивает о привлечении к заговору многочисленного и влиятельного цеха кораблестроителей и, напротив, подчёркивает значение для этих событий поражения Венеции при Портолонго в третьей войне с Генуей, которую вела Венеция в 50-х годах XIV в. (I, стр. 313). В качестве примера затухания классовой борьбы можно указать ещё на изложение событий, связанных с восстаниями против венецианского господства на Крите, после того как там обосновались венецианские феодалы. По мнению Чесси, восстания эти вызывались не безудержной эксплуатацией критских феодалов, превративших местных париков в настоящих рабов, а интригами императоров Никеи

(I, стр. 320) или, позднее, — Константинополя (I, стр. 255).

Столь же необъективной является трактовка итало-славянского адриатического вопроса этим буржуазным объективистом. Для него восточное побережье Адриатики — территория латинского племени. «Братья обоих побережий, — пишет он, — воодушевлённые одной и той же волей, непреодолимо объединялись в совместных усилиях отстоять свою свободу от иноземцев и от латинского имени потребовать господства над Адриатикой». Для него славяне — «враги латинского имени, угнетатели латинского племени, захватчики латинской земли» (I, стр. 89). В связи с этим первая попытка Венеции овладеть восточным побережьем Адриатического моря, предпринятая в 1000 г. дожем Пьетро Орсеоло, объявляется «борьбой за свободу далматинских берегов» (I, стр. 90), причём автор не останавливается перед прямой фальсификацией известия Диакона Джiovанни (нашего единственного источника по истории Венеции в это время), когда он говорит о «восстании далматинских городов против славянского гнёта» (I, стр. 88), о чём у Джiovанни нет ни слова⁷. Полнейшей выдумкой Роберто Чесси является вместе с тем и другое его утверждение, будто бы тогда (в правление дожа Пьетро Орсеоло) «славяне вынуждены были удалиться от моря» (I, стр. 89). Верно как раз обратное: численность славянского элемента и его влияние на развитие далматинских городов начиная с VII в. непрерывно возрастали. Об этом можно узнать из известной работы К. Иречека и собранных им материалов, опубликованных ещё в начале текущего столетия⁸. Таким образом, венецианская агрессия на восточно-адриатическое побережье объявляется «защитой латинских интересов в этом море» (I, стр. 84).

Автора очень мало смущает то обстоятельство, что некоторые из «освобождённых» Венецией городов упрямо стремились отбиться от своей «освободительницы», как, например, Трогир, Дубровник и особенно Задр. Последний в течение только XII и XIII вв. восемь раз поднимал восстание против венецианского господства, и одно из этих восстаний, как известно, было подавлено силами авантюристов четвёртого крестового похода, увлечённых под Задр хитрыми политиками с лагун. Чесси спокойно повествует, как позднее, после очередного восстания непокорного города, «венецианское правительство объявило ему беспощадную войну, для того чтобы задуть компрометирующее восстание и сломить венгерские устремления» (I, стр. 300). Точно забыв о всём этом, буквально через несколько страниц автор пишет: «Опыт не

⁷ Diaconi Johannis. Chronicon Venetum. MGH. SS. VII, p. 31 ss.

⁸ K. Ireček. Die Romanen in den Städten Dalmatiens. T. I—III. «Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philos.-historische Klasse», Bd. 48, S. 93.

⁶ A. Dandolo. Chronicon Venetum, SS. XII, col. 373—374. Ed. Muratori.

замедлил показать, что Далмация для того, чтобы жить, нуждалась в живительных венецианских соках и что свобода Адриатики могла быть гарантирована только Венецией» (I, стр. 318). Трудно сказать, о каком «опыте» ведёт здесь автор речь. Ведь это было девятое или десятое восстание Задра (1346 г.); ещё труднее понять, в чём заключались «живительные венецианские соки», без которых будто бы не могли жить далматинские города.

Всё это — намеренное искажение действительного положения дела. Венеция, стремясь утвердить своё господство на далматинском побережье, очень мало заботилась о процветании далматинских городов и ещё меньше о «латинстве», «латинском духе» и тому подобных, дорогих сердцу Роберто Чесси вещах. В Далмации её интересовали корабельный лес, разнообразные продукты сельского хозяйства славянского хинтерланда, превосходные славянские, а не латинские матросы и солдаты, необходимые ей для её армий и флотов; венецианской плутократии, венецианским купцам нужно было удалить с адриатических и средиземноморских просторов опасных конкурентов в лице задрагинских, трогирских, сплитских и дубровницких купцов, подчинить экономику далматинцев венецианским интересам. Не Венеция питала «живительными соками» далматинские города, а сама она стремилась высосать из последних их жизненные соки. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать «договор», который Венеция в 1232 г. заключила с Дубровником, крепко попавшим около этого времени в лапы крылатого льва св. Марка⁹. Далматинские города очень мало ценили «живительные соки» Венеции, и республика должна была поддерживать их верность себе заложниками, которых она брала от всех попадавших к ней в зависимость городов и территорий на восточном побережье Адриатики. Это в одинаковой мере относится и к Кресу, и к Хвару, и к Задру, и к Дубровнику, и к другим городам¹⁰.

Между тем в удушении коммерческой деятельности далматинских городов вовсе не была заинтересована Венгрия. Наоборот, она нуждалась в развитии этой деятельности, так как благодаря ей венгерское сырьё и продукты находили выход на рынки Средиземного моря, поскольку вообще в это время — в XIII и последующие века — феодальное хозяйство Европы отчасти переходило к товарному производству. Вот почему договоры, которые заключали венгерские короли с далматинскими городами, так выгодно отличались, с точки зрения далматинских интересов, от договоров с республикой св. Марка. Примером тому может служить договор, заключённый Бэлой IV с городом Трогиром как раз около

того времени, когда Венеция приступила к систематическому подавлению конкуренции Дубровника¹¹. Венгрия не нуждалась ни в заложниках, ни в других средствах принуждения и подчинения: далматинские города сами искали помощи и союза у венгерской короны, спасаясь от венецианского господства. Венецианцы, разумеется, начиная с Андрея Дандоло¹² и кончая современными итальянскими националистами, и Роберто Чесси в их числе, неверность далматинцев объясняли интригами венгерских королей. Роберто Чесси всё это было известно, и поэтому, когда он пишет «немного прошло времени (после перехода в середине XIV в. далматинских городов под власть Венгрии. — Н. С.), как на том берегу (Адриатики. — Н. С.) с горьким чувством тоски по родине вспоминали о благолетельном венецианском господстве» (I, стр. 318), то не демонстрирует этим своего невежества, а намеренно фальсифицирует историю. Такова «палестра истины» буржуазного объективиста. Наш автор, несомненно, прав, когда он пишет, что Венеция домогалась от славян и мадьяр «официального признания своего бесспорного права» (I, стр. 300) господства в Адриатике и на восточном её берегу, но «забывает» объяснить только, почему он это право считает «бесспорным».

Совершенно фальшивы заявления автора, относящиеся к участию Венеции в первых крестовых походах. Вот несколько его заявлений: «Душа венецианская не осталась бесчувственной и позаботилась о приготовлениях, для того чтобы сделать собственный вклад в святое дело» (I, стр. 134); «Приобретение мощей мирликийского мученика (? — Н. С.) и его товарищей (речь идёт о «мощах» св. Николая, его дяди, также Николая, и мученика Феодора, добытых будто бы венецианцами во время первого крестового похода. — Н. С.) было божьим даром и верным залогом божьего благоволения к этому трудолюбивому народу» (I, стр. 142). Роберто Чесси не может не знать содержания договора 1100 г., который заключили венецианцы с крестоносцами в Сирии, прежде чем приступить к «святому делу»¹³; он, несомненно, прекрасно знает также и содержание другого договора, заключённого несколько позднее с иерусалимским патриархом Варнундом и подтверждённого потом королём иерусалимским Балдуином¹⁴. В этих договорах раскрывается истинный смысл участия венецианских феодалов и купцов в «святом деле», здесь идёт речь о владении частями городов, торговыми кварталами в них, праве беспопытной торговли, экстерриториальном статусе венецианских поселений в «святой земле». В реализации этих планов вене-

¹¹ «I libri memoriali d. repubblica di Venezia». Regesti. Vol. I, p. 170.

¹² A. Dandolo. Chronicon Venetum, col. 292, 353 etc.

¹³ «Historia de translatione sanctorum» (Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Vol. V, p. 272 ss.).

¹⁴ Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta, vol. XIII, pp. 84, 85.

⁹ Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta. Vol. XIII, p. 308 ss.

¹⁰ «Liber Communis vel plegiorum». Regesti, p. 375. Ed. Predelli. 1872; Monumenta spectantia historiam slav. merid., vol. I, pp. 413 ss., 399—403 etc, ed. Ljubić.

цианцы преуспели полностью, и совершенно непонятно, почему Чесси думает, что «ни один из пунктов договора 1100 г. не был реализован». Он повторяет нелепость, высказанную в своё время Ходгсоном, что единственным результатом участия венецианцев в первом крестовом походе было приобретение «мощей» св. Николая, перенесённых к тому же ранее венецианцев, как уверяют церковники, жителями Бари¹⁵. Фрате Салимбене в XIII в. лучше понимал венецианцев, чем некоторые современные буржуазные историки. В своей хронике он писал об обитателях лагун: «Венецианцы — люди жадные, упорные и суеверные; они хотели бы захватить весь мир, если бы только могли»¹⁶. Не сомневаемся, что и это заявление монаха-анналиста хорошо известно Роберто Чесси.

Чесси правильно отмечает, что венецианцы отличались веротерпимостью, — несомненно, Венецианская республика была наименее клерикальным государством из всех государств средневековой Европы, но это не вся истина. Венецианская олигархия, довольно безразлично относившаяся к методам устройства «загробной» жизни, вовсе не была склонна относиться столь же терпимо к проектам реорганизации жизни земной. По этой причине в Венеции к ереси патаренов относились с такой же свирепой нетерпимостью, как и во всяком другом месте средневековой Европы. В Венеции существовала даже специальная судебная коллегия, именовавшаяся *giudici del rigo*, которой наряду с разными другими делами было поручено бороться с ересью патаренов. Судьи этой коллегии были обязаны «вести расследования и отыскивать патаренов, еретиков и подозреваемых в ереси как венецианцев, так и иностранцев»¹⁷. Справедливо, что в Венеции инквизиция находилась под строгим контролем государственной власти, но справедливо также и то, что в отношении патаренов «святой официны» предоставлен был полный простор. На попрание борьбы с ересью в XIII и начале XIV в. в Венеции подвизался инквизитор фрате Антонио. Он установил, что Бартоломео Кверини предоставил на короткий срок кров и пищу двоим проповедникам ереси; но виновник к этому времени успел умереть. Инквизитор, с молчаливого согласия венецианских властей, вынес решение: прах виновника откопать и сжечь, а имущество его конфисковать¹⁸.

Склонный представлять политику венецианской олигархии в более привлекательном свете, чем она была в действительности, автор утверждает, что Венеция была против сотрудничества с иноземными государствами в делах, касавшихся Италии (II,

стр. 36). Это очевидная неправда. Опровержение можно найти у самого же автора буквально через несколько страниц, в том же II томе, где Чесси спокойно повествует, как в Блуа в 1498—1499 гг. венецианцы продавали интересы Милана французскому королю Карлу VIII за Кремону, ставшую венецианской в том же 1499 г. (II, стр. 39).

Автор нередко преувеличивает значение Венеции в международных отношениях. Так, он преувеличивает роль Венеции в истории возникновения Вестфальских трактатов (II, стр. 178), роль её как оплота Европы против турецкой экспансии (II, стр. 179) и т. п.

Мы уже указывали выше, что работа написана Чесси со знанием дела, и там, где не затрагиваются его социальные или политические симпатии, он обычно правдив и точен. Например, с большим мастерством он описывает государственное устройство республики к концу XIII в.; в этом отношении его книга стоит выше любого другого буржуазного сочинения по истории Венеции, не исключая и лучшую из буржуазных работ, «Историю Венеции» Кречмайера (I, стр. 270 и сл.). В таких случаях мы встречаемся лишь с незначительными фактическими ошибками и недосмотрами. Укажем на некоторые из них: представитель венецианского правительства после 1268 г. назывался не подеста, как думает Чесси (I, стр. 274), а байло, в чём можно убедиться как из этого договора, так и из последующих его воспроизведений¹⁹; автор неправильно утверждает также, что население Венеции в XV в. удвоилось (II, стр. 105). Имеющиеся в нашем распоряжении некоторые демографические данные от XIV и XV вв., тщательно проанализированные Белохом²⁰, не подтверждают этого вывода.

Есть в рецензируемой работе и ряд спорных утверждений, нуждающихся в серьёзных доказательствах, которых автор, однако, не приводит, очевидно, потому, что у него их нет. Так, Чесси утверждает, что хрисовул императора Алексея I Комнина от 1182 г. не давал Венеции ничего нового по сравнению с тем, чем пользовались венецианские купцы до даты хрисовула; между тем до сих пор все были убеждены в том, что с этой даты начинается новая эра во взаимоотношениях Венеции с Византией, время исключительного положения венецианских купцов в экономической жизни империи базилевсов, крайне невыгодная для Византии и очень выгодная для Венеции, причём это убеждение опирается на утверждения как греческих, так и венецианских источников²¹; работа Чесси не может поколебать этого убеждения.

¹⁹ *Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta*. Vol. XIV, pp. 94 ss., 133—149.

²⁰ J. Beloch. *Bevölkerungsgeschichte der Republik Venedig*. «Jahrbücher für National Oekonomie und Statistik», III, 1899 (Folge), S. 18, 3.

²¹ Anna Comnena. *Alexias*. Vol. I, pp. 286, 287 (CSHB). A. Danduli. *Chronicon Venetum*, col. 250.

¹⁵ M. Hodgson. *The early History of Venice*, p. 86. London. 1901.

¹⁶ Adam de Salimbene. *Cronica*. MGH, SS. XXII, p. 481.

¹⁷ «Le magistrature giudicarie veneziane». Vol. II, p. 257. Ed. M. Roberti. Ven. 1909.

¹⁸ «I libri commemoriali...», p. 12.

Ложность методологических предпосылок лишила Чесси возможности вразумительно ответить на заключительный вопрос венецианской истории — вопрос о причинах падения республики. В трактовке этой проблемы автор обнаруживает полную беспомощность. В одном месте своей работы он становится как будто на правильный путь, пытаясь объяснить падение Венеции её «бессилием произвести своевременное политическое и социальное обновление» своей жизни (II, стр. 329), но он не раскрывает содержания этой своей формулировки и в другом месте принимается за перечисление разных других «причин» — неудовлетворительное состояние морских сил, слабая производительность арсенала, «недисциплинированность рабочих» и т. д. (II, стр. 272). Автор, который намеренно не ставил перед собою вопроса о характере венецианского народного хозяйства, для которого Венеция, по видимому, всегда была государством капиталистическим, и не может дать правильного ответа. В этом случае ему пришлось бы говорить об упрямом стремлении венецианской плутократии и в экономике и в социальной политике остаться на старых, феодальных позициях, в то время как Европа шла по пути капиталистического развития. Ему пришлось бы вспомнить об ана-

логичной участи Византийской империи, погибшей за два столетия перед тем в силу топтания на месте в рамках обветшавшего феодализма, о медленном умирании империи Турецкой как великой державы, происходившем у всех на глазах в последнее столетие существования республики св. Марка. Если крушение Венецианской республики было столь стремительным и окончательным, то это объясняется большей слабостью и искусственностью Венецианского государства по сравнению с названными империями. В одном месте автор говорит о перерождении правившего в Венеции класса, о его нежелании вкладывать деньги в промышленность и торговлю (II, стр. 226), указывает даже на слабую работу кафедры земледелия в Падуанском университете (II, стр. 209), повинную будто бы в слабом развитии венецианского сельского хозяйства, не желая понять того, что всё это результат засилья феодалов в экономической, социальной и политической жизни Адриатической республики.

В целом сочинение Роберто Чесси представляет работу эрудита, поставившего себя на службу финансовому капиталу и политическим притязаниям итальянских фашистов и полуфашистов.

Н. Соколов

ХРОНИКА

Защита дипломных работ на кафедре истории СССР исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова

В весеннюю экзаменационную сессию текущего года на кафедре истории СССР было защищено 63 дипломных работы. Из них по проблемам истории СССР до XIX в. — 9 работ, по XIX в. — 14 и по XX в. — 40.

Из 40 дипломных работ по XX в. 22 посвящены истории советского общества.

Проблемам, связанным с Великой Октябрьской социалистической революцией и её подготовкой, посвящено 6 дипломных работ: «Демонстрация 18 июня 1917 г. в Петрограде», «Петроградская Красная Гвардия в вооружённой борьбе за установление советской власти в 1917 году», «Второй Всероссийский съезд Советов 25—26 октября», «Борьба большевиков за солдатские массы Московского гарнизона», «Красная Гвардия в борьбе за власть Советов в Москве в октябре 1917 года», «Установление советской власти в Н.-Новгороде и Нижегородской губернии».

Четыре работы посвящены истории гражданской войны и военной интервенции: «Пермская катастрофа и роль товарища Сталина в её ликвидации», «Авиация Первой Конной Армии в боях за родину», «Начало иностранной военной интервенции и первый период гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке», «Московский Комитет обороны в 1919 году».

Восемь тем посвящено истории создания наших крупных промышленных предприятий, транспорта и электростанций, главным образом в период первой сталинской пятилетки: «История строительства Каширской электростанции», «История строительства «Днепрогэс», «Строительство Горьковского завода им. В. М. Молотова», «История строительства Магнитогорского металлургического комбината», «Строительство Московского автозавода им. Сталина» (первая реконструкция АМО), «Строительство и освоение Сталинградского тракторного завода им. Дзержинского», «Превращение Москвы «ситцевой» в Москву индустриальную в годы первой сталинской пятилетки (1928—1932)», «История строительства Турксиба».

Вопросам истории коллективизации сельского хозяйства посвящено 4 темы: «История колхоза им. К. Е. Ворошилова, Яльчинского района, ЧАССР», «Год великого перелома в украинской деревне», «Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и

I съезд колхозников-ударников», «Молодёжь Каменец-Подольской области в борьбе за восстановление колхозов и МТС в 1944—1945 годах».

Восемь дипломных работ написано на темы, связанные с разработкой истории советского строительства, советской культуры, а также подготовки кадров советской производственно-технической интеллигенции в период первой пятилетки. Таковы темы: «Пятый Всероссийский съезд Советов 1918 года», «Школьное строительство в первый год Советской власти», «Политика большевистской партии в области литературы в 1917—1925 годах», «Политика партии в области киноискусства в 1927—1934 годах», «Создание кадров советской производственно-технической интеллигенции в период первой пятилетки (на опыте Москвы 1928—1931 годов)», «Зарождение и развитие социалистического соревнования на предприятиях Москвы в годы первой сталинской пятилетки», «Коллектив завода «Богатырь» в борьбе за рабочий контроль и национализацию предприятия в 1917—1918 годах», «Борьба за рабочий контроль в Петрограде в 1917 и начале 1918 года».

Великой Отечественной войне Советского Союза и проблемам борьбы СССР за мир и безопасность посвящено семь работ: «Промышленность Урала в Великой Отечественной войне Советского Союза», «Железнодорожный транспорт в Великой Отечественной войне», «Женщины Москвы и Московской области в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», «Сталинская внешняя политика в борьбе с англо-американской политикой саботажа второго фронта в Великой Отечественной войне Советского Союза», «Сталинская внешняя политика в борьбе с протесами англо-американской реакции на заключительном этапе Отечественной войны», «Борьба СССР за мир в Организации Объединённых Наций в 1946—1947 годах», «Конфликт на КВЖД в 1929 г. как империалистическая провокация войны против СССР».

Некоторые дипломные работы во время защиты вызвали большой интерес. К числу таких работ относится работа студентки А. Чмыги «Год великого перелома в украинской деревне» (научный руководитель — доктор исторических наук В. Ф. Шарпов).

Руководствуясь учением классиков марксизма-ленинизма, а также решениями XV съезда ВКП(б) и пленумов ЦК о переделке мелкого единоличного крестьянского хозяйства в крупное машинное коллективное производство, А. Чмыга воссоздала картину революционного переворота в украинской деревне.

Кафедра истории СССР отметила научно-исследовательский характер работы А. Чмыги, ценность которой состоит в том, что она построена на изучении местных архивных материалов, давших возможность показать особенности перехода к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на Украине.

Одна из лучших работ, как было отмечено кафедрой истории СССР, принадлежит студенту В. Попову. Работа В. Попова написана на тему: «Борьба за создание кадров советской производственно-технической интеллигенции в период первой пятилетки (на опыте Москвы 1928—1931 годов)» (научный руководитель — доцент М. И. Стишов).

В работе освещается великий опыт первой страны пролетарской диктатуры по созданию советской производственно-технической интеллигенции из людей рабочего класса и трудящихся масс крестьянства. Автор использовал в качестве источников решения съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б), а также материалы прессы, архивных фондов Мособлплана и «Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР». Автор показал на ряде фактов, как реализуется в условиях советского строя известное положение Ленина и Сталина о том, что только после взятия пролетариатом власти могут быть созданы «благоприятные условия для развития пролетариата... для подъема культурного уровня трудящихся масс, для выработки многочисленных кадров руководителей и администраторов из рабочих»¹.

Дипломная работа В. Попова была заслушана на Учёном совете Московского университета.

В числе лучших была отмечена работа Г. Голубковой «Борьба СССР за мир в Организации Объединённых Наций в 1946—1947 годах» (научный руководитель — доцент Е. Н. Городецкий).

В своей большой работе Г. Голубкова рассматривает три важнейших момента деятельности СССР в Организации Объединённых Наций: борьбу Советского Союза в ООН за сокращение вооружений, борьбу Советского Союза за запрещение атомного оружия, разоблачение Советским Союзом в ООН агрессивной политики империалистических государств.

В работе использованы документация о деятельности Советского Союза в ООН и советская пресса за 1946—1947 годы.

Интересна работа студентки И. Терехиной «Женщины Москвы и Московской области в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» (научный руководитель — док-

тор исторических наук Б. С. Тельпуховский).

На большом материале советской прессы за годы Великой Отечественной войны в работе И. Терехиной дано обстоятельное описание деятельности женщин Московской области в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, в науке, культуре и искусстве, участие их в общественной работе. Показана созидательная роль женщин Московской области в дни Отечественной войны, когда в промышленном производстве и в сельском хозяйстве женщины заменяли мужчин, уходящих на фронт.

Положительную оценку получила работа студентки В. Буровой «Промышленность Урала в Великой Отечественной войне Советского Союза» (научный руководитель — доктор исторических наук Б. С. Тельпуховский).

Основным источником для работы В. Буровой послужила пресса — центральная и местная («Уральский рабочий», «Челябинский рабочий», «Звезда»), а также заводские многотиражки: «За тяжёлое машиностроение» и «Верхисетский рабочий». Методологической основой для написания этой работы послужили указания Ленина и Сталина о роли тыла в войнах, о работе в тылу в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, работы И. В. Сталина о Великой Отечественной войне.

В работе показано, как Урал волей советского народа, руководимого большевистской партией, за годы сталинских пятилеток превратился в мощную промышленную базу и арсенал для Советской Армии. В. Бурова показала также живых людей — героев-производственников; она рассказала о героическом труде рабочих Урала, о новаторах производства, о новых формах и методах социалистического соревнования. В работе подчеркнута руководящая роль большевистской партии и огромная забота и помощь, которую оказывал уральцам И. В. Сталин.

Отмечена была дипломная работа студента Л. Папина «Конфликт на КВЖД в 1929 году как империалистическая провокация войны против СССР» (научный руководитель — доцент М. И. Стишов).

Л. Папин подробно исследовал условия возникновения конфликта, проанализировал цели, которые ставили перед собой подлинные организаторы и вдохновители конфликта — американские и англо-франко-японские империалисты, — осветил конкретный ход событий и рассказал о мерах, принятых советским правительством с целью ликвидации авантюры. Студент использовал для своей работы труды В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, советскую прессу за 1929 г., в том числе газету «Тревога», орган ОДВА, периодические издания за 1929—1930 гг., сборники документов по внешней политике и ряд иностранных книг.

Положительно оценена также работа В. Пунского. «Борьба американского империализма с русской революцией и его экспансия в России» (февраль — октябрь

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 10. 11-е изд.

1917 г.) (научный руководитель — профессор А. Л. Сидоров).

Особенно интересной частью работы является глава, посвящённая экономическим вопросам. Автор на фактическом материале американских источников показал планы американских империалистов и попытки их практического осуществления, направленные на захват Сибири, подчинение сети русских железных дорог и т. д.

В. Пунский сумел вскрыть, что фразами о «дружбе» и «бескорыстной помощи» Америки прикрывался сговор Временного правительства, русской и американской буржуазии о борьбе против рабочих и крестьян, против русской революции. Чётко показана в этой работе и предательская роль мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров.

Дипломная работа студентки Н. Ивановой, посвящённая теме «Установление Советской власти в Н.-Новгороде и Нижегородской губернии», также была оценена кафедрой как одна из лучших работ (научный руководитель — кандидат исторических наук О. Н. Чаадаева).

На основе изучения главным образом местной прессы (большевистских газет «Интернационал», «Красное знамя») и других источников Н. Иванова сумела показать особенности обстановки, сложившейся в губернии после победы февральской буржуазно-демократической революции. В работе получила освещение деятельность больше-

виков в борьбе за массы в период подготовки и проведения вооружённого захвата власти большевистскими Советами.

Следует также отметить как одну из удачных дипломную работу студента В. Архипенко «Подготовка русского флота к первой мировой войне» (научный руководитель — доктор исторических наук генерал-майор С. Ф. Найда). Эта тема в нашей марксистской исторической литературе почти не разработана.

Работа В. Архипенко написана на основе архивных фондов Центрального государственного военно-исторического архива.

В. Архипенко показал стремление передовых русских офицеров-инженеров, таких, как Крылов и другие, к сохранению приоритета русской военно-морской мысли и техники, их борьбу за всемерное развитие отечественного судостроения. Целым рядом подтверждённых документами фактов В. Архипенко показал, что стремление этих передовых людей не получало поддержки со стороны царского самодержавия и его чиновничества.

К числу лучших работ относится дипломная работа Е. Мальцевой о положении текстильного пролетариата России накануне первой мировой войны 1914 года.

Таковы в общих чертах итоги работы кафедры со студентами-дипломниками в прошедшем учебном году.

М. С.

Советская историческая наука понесла тяжёлую утрату. 15 сентября 1950 г. в расцвете творческих сил скоропостижно скончался доктор исторических наук, профессор Московского университета Николай Александрович Машкин.

Николай Александрович Машкин родился 9 февраля 1900 г. в семье учителя в селе Соколки, Бугульминского уезда, Самарской губернии. Высшее образование Николай Александрович получил в советское время, закончив в 1922 г. факультет общественных наук Московского университета. Уже с 18 лет Н. А. Машкин начал преподавательскую работу — сначала на вечерних рабочих курсах и в учреждениях Политпросвета, затем в качестве преподавателя и доцента Коммунистического университета трудящихся Востока имени И. В. Сталина (1922—1936 гг.) и Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова (1927—1931 гг.). Не прерывая преподавательской работы, Николай Александрович проходит аспирантуру в Институте истории РАНИОН по секции древней истории, которую он закончил в 1929 году. Первая печатная работа Н. А. Машкина появилась в 1927 году.

С 1934 г. Н. А. Машкин начал работу на историческом факультете Московского университета и вёл её непрерывно до последнего дня своей жизни, сначала в качестве доцента, а затем профессора. С 1943 г. Н. А. Машкин руководил кафедрой древней истории МГУ.

В эти годы проявился его выдающийся педагогический талант и большие организаторские способности: он воспитал сотни молодых историков-марксистов, работающих ныне во всех концах нашей Родины. Под руководством Н. А. Машкина прошли аспирантуру и успешно защитили диссертации по истории древнего мира около двух десятков молодых специалистов, которые в настоящее время самостоятельно работают в университетах, педагогических институтах и научно-исследовательских учреждениях. До конца своих дней Николай Александрович

не порывал с ними связи, оказывая им помощь в научной работе.

Н. А. Машкин был одним из крупных советских учёных-исследователей в области древней истории. Его перу принадлежит ряд выдающихся трудов по социальной истории Римской империи. Работы Н. А. Машкина «Движение агонистиков», «Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия», «К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке» по-новому осветили сложный вопрос социальных отношений в поздней Римской империи, крайне запутанный и фальсифицированный в буржуазной историографии.

Многие годы своей жизни Николай Александрович отдал исследованию проблемы возникновения Римской империи. Результатом этой работы явилось одно из выдающихся произведений советской историографии — монументальная монография «Принципат Августа, происхождение и социальная сущность» (М. 1949), получившая высокую оценку в нашей печати¹.

В этом исследовании Н. А. Машкин показал закономерность перехода от рабовладельческой республики к империи, изучил генезис принципата на фоне социально-экономической обстановки эпохи кризиса римской республики, выяснил роль движений рабов и низших слоёв свободного населения в последние десятилетия перед установлением империи и охарактеризовал те изменения во всех областях жизни античного рабовладельческого общества, к которым привело установление принципата.

Одновременно Н. А. Машкин долгие годы работал над созданием учебника по истории древнего Рима для высших учебных заведений, который вышел двумя изданиями (1947 и 1949 гг.). Используя огромный материал источников и литературы, автор показал развитие римского рабовладельческого общества, его экономического и социального строя, политических и культур-

¹ См. «Вестник Древней истории» № 2 за 1950 год.

ных явлений. Увлекательное изложение, ясный язык и глубокая содержательность книги сделали её популярной в самых широких кругах советской интеллигенции. В настоящее время «История древнего Рима» переведена на многие языки и выходит в свет в ряде стран народной демократии.

Исключительно плодотворная научно-исследовательская работа проводилась Н. А. Машкиным в секторе древней истории Института истории АН СССР, научным сотрудником которого он был в течение последних 12 лет и которым руководил с осени 1948 года. Много сил, знаний и организаторского таланта Николай Александрович вложил в редактирование и подготовку к печати коллективного труда сектора по истории древней Греции.

В эти же годы Н. А. Машкин много работал над изучением истории римских провинций, т. е. истории народов, населявших страны Средиземноморья. Неожиданная смерть

не позволила Николаю Александровичу полностью закончить этот труд, но и те части, которые ему удалось завершить, представляют исключительный интерес для нашей историографии, в которой до сих пор этим вопросам не уделялось достаточного внимания.

Редакция «Вестника Древней истории» потеряла в лице Н. А. Машкина одного из своих наиболее энергичных и авторитетных руководителей.

Деятельность Н. А. Машкина была высоко оценена правительством, наградившим его орденом «Знак почёта» и медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «В память 800-летия Москвы».

В лице профессора Н. А. Машкина советская историческая наука потеряла выдающегося учёного, талантливого исследователя и педагога, сделавшего крупный вклад в изучение древней истории.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Третьяков П.—Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании	3
Смирнов Н.—Шейх Мансур и его турецкие вдохновители	19
Калинин Н.—Мюнхенский сговор и предательская роль английских лейбористов	40

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Мосберг Г. и Вассар А.—Основные вопросы периодизации истории Эстонской ССР	60
--	----

СООБЩЕНИЯ

Удальцов И.—К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого	72
Александров В.—К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян	86
Карась М.—Материалы Архива толедских мосарабов от XII—XIII веков . . .	96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Свирская В.—В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика	104
Лазарев Н.—С. П. Крашенинников. Описание Земли Камчатки	106
Вяликов В.—Багратион в Дунайских княжествах (сборник документов)	110

Всеобщая история

Санчук Г.—Франтишек Граус. Чешская торговля сукном в XIV и в начале XV в.	113
Соколов Н.—Роберто Чесси. История Венецианской республики	117

ХРОНИКА

М. С.—Защита дипломных работ на кафедре истории СССР истфака МГУ имени М. В. Ломоносова	123
Николай Александрович Машкин	126

Редакционная коллегия:

П. Н. Третьяков (главный редактор), И. М. Волков,
Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, М. Д. Каммари,
С. Ф. Найда, А. Д. Никонов, Б. К. Рубцов,
А. Л. Сидоров, А. Д. Удальцов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647. Тел. Д 3-31-04.

А — 07162. Изд. № 672. Заказ № 2456. Тираж 33 500 экз.

Подписано к печати 24/X 1950 г. 8 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.